

Евгения Петроченко

В летописях не значитя

Посвящается моим дорогим родителям, Светлане и Александру, которые бесконечно в меня верят, и той, которая живет лишь на этих страницах

© Е. Петроченко, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Хлопковая поверхность простыни еле ощутимо пахла стиральным порошком, но постепенно этот запах угасал, приглушался, пропитываясь липким потом и солеными слезами. Я сползла с подушки и, свернувшись калачиком, уткнулась в мокрую ткань, не в силах держать эмоции в себе, проливая их на безжизненную материю.

Боль не уходила, и я знала, что она не уйдет. Это только начало. Мне придется учиться жить с этой горечью, с этим осознанием собственного абсолютного бессилия.

Истеричные рыдания медленно сходили на нет, но блаженная пустота внутри не появлялась. Я привыкла, что все проблемы можно если не решить слезами, то хотя бы поумерить накал эмоций. Но это был не тот случай, и женская слабость не приносила облегчения.

Когда вся влага из моих глаз полностью пропитала верх ночной рубашки и простыню, я сделала то, к чему зарекалась прибегать, воззвала к тому, кто в моих системе ценностей и мировоззрении не существовал.

- Боженька, - это детское обращение я применяла, когда маленькая подходила с подружкой к иконе и умоляла, чтобы меня оставили в гостях на ночевку, вопреки воле родителей. - Боженька, я давно уже ничего у тебя не просила, но, пожалуйста, пусть она выздоровеет. Я сделаю все, что ты захочешь, абсолютно все. Забери сколько хочешь лет моей жизни, забери всю мою жизнь, но пусть она будет здорова. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Я, словно безумная, раз за разом обращалась к нему, умоляла его, обещала все, что у меня есть, но, как и у миллионов людей, моя мольба оставалась без ответа. Я разом вспомнила, что не ходила в церковь уже лет десять, что не единожды презрительно высказывалась обо всех верующих, что была уверена, что только я хозяйка своей судьбы и никто, абсолютно никто меня не переубедит в моем мнении. Каждый диалог, каждая вздорная фраза камнем падали мне на сердце, придавливая все ближе к земле, заставляя задыхаться от невозможности забрать свои слова назад.

- Ты же знаешь, я не хотела, я не со зла, - я шептала это одними губами, как заклинание, прижимаясь щекой к мокрой ткани и вглядываясь в темноту. - Прости меня, пожалуйста, прости меня, Боженька.

Иногда я замирала и слушала темноту, не надеясь получить ответ от Него, а иногда пытаюсь понять, мерещатся ли мне тихие рыдания или нет. Я боялась, что мама тоже плачет, я мечтала, чтобы хоть она чувствовала себя сейчас немногим лучше, но вынужденно признавала, что, пожалуй, моя боль все же должна уступить ее материнской боли.

Сегодняшний день однозначно будет самым худшим днем моей жизни. И едва появилась эта мысль, как пришло осознание - нет, не будет. Каждый день впереди будет мучением, и однажды все же наступит момент, когда все предыдущее просто померкнет, и тогда я узнаю, что же такое настоящая боль. Сегодня же так, первая ступень, день, когда я не смогла сдержать чувств от получения ужасающих результатов анализов моей сестры, дальше же мне придется забыть о своем «я» и полностью сосредоточиться на том, чтобы последние пару недель ее жизни не были омрачены печальными лицами. Я должна поддерживать ее и маму, я должна не давать воли глупым слезам у них на виду, я должна стать настолько сильной, какой никогда не была прежде. Моя боль - это ничто, мои чувства не имеют значения, есть только она, моя дорогая, и я не могу ее спасти. Поэтому я должна полностью забыть о себе и оставить горестные чувства в этой ночи, полной непроглядной тьмы и отчаянной мольбы.

Я искала забытья во сне, но события пережитого дня вначале не давали сомкнуть глаз, а после стали повторяться, изменяться, вызывая к памяти и оживляя лица моих родных, особенно Оксаны. Ее бледное лицо после выхода от врача, ее глаза, полные непонимания и невозможности принять такую реальность, ее слезы, застывшие в самых уголках глаз.

Я силилась проснуться, я не хотела проходить через это еще раз, я мечтала стереть это из памяти, но мозг не желал отпускать эти образы.

Под утро псевдореальные события ушли из сна, уступив место настоящему кошмару.

Я возвращалась домой с работы. Входная дверь была распахнута, на месте перед гаражом стояла папина машина. Сумах, росший возле дома уже около десяти лет, приветливо шуршал

красно-зелеными листьями, выдавая приближение настоящих осенних холодов.

Толкнув калитку, я пересекла двор, затем вошла в дом, позвала маму, потом папу, потом Оксану. Никто не откликнулся, и я обошла дом, направляясь к небольшому огороду, расположившемуся позади. Но до него дойти не успела, замерев на асфальтированном участке перед ним.

Все мои любимые были там, и все они были мертвы. Откуда-то пришла мысль, как это обычно бывает во снах, без каких-либо объяснений, что на них напали грабители и именно они сделали это с моей семьей. Я не видела крови, пулевых ранений или чего-то подобного, но я знала, что их больше нет и что я осталась одна в этом мире.

Это осознание накатило так резко, словно удар током, и все мои мысли перед сном возвратились сокрушительной волной. Боль, которой не должно быть во сне, отчаяние, которое захватило не только сердце, но и разум. Я поняла, что не хочу оставаться в таком мире и одновременно ощутила полный контроль над этой ситуацией и своим телом. Все было словно подернуто дымкой, оставалось смутным, переменчивым, но разум проснулся, силясь освободить меня от разъедающих душу эмоций. Кажется, это называется «управление сном» или что-то в этом роде, но, несмотря на полное осознание нереальности ситуации и своего присутствия в несуществующем мире, в своем собственном подсознании, мне не хотелось здесь больше оставаться. Боль была настоящей, многократно усиленной от потери близких людей, и она не поддавалась контролю разума.

Я должна была отсюда уйти, любым способом, а мне был известен только один выход, как можно покинуть какой-либо мир, – умереть.

Я вернулась в дом, не чувствуя своих ног, словно скользя над землей, движимая только своим сознанием, вошла на кухню, дотянулась до верхнего шкафчика. Коробка с лекарствами была там же, где и в реальности, но надписи на упаковках не читались, зато сами по себе вспыхивали в голове, стоило мне взять тот или иной пузырек или мерцающую алюминиевым блеском пластинку. Найдя нужное, но не зная его названия, просто каким-то чутьем определив, что этот пузырек – именно то, что я искала, я выложила таблетки на ладонь и разом проглотила.

Ничего не происходило, и я опустилась на пол, прижавшись спиной к твердой дверце кухонного шкафчика. Я интуитивно знала, что нужно подождать, пока таблетки подействуют в этом неожиданно ставшем реальным сне, но терпение было на исходе, и я как заведенная все сыпала и сыпала их на ладонь, отправляя затем в рот. Эти механические действия помогали отвлечься от все нарастающей боли в груди, а комок в горле был практически физически ощутим.

Постепенно сознание начало затухать, отправляя меня в легкую дремоту, а после погружая в долгожданное забытие.

Резкое, пронзительное ощущение холода накатило на меня в самом буквальном смысле. Я почувствовала, что задыхаюсь, что легкие наполняются ледяной водой, а меня все тянет и тянет вниз. Мыслей не было, разум передал управление рефлексам, моему внутреннему автопилоту, и я инстинктивно забарахталась, стремясь выплыть из глубины, двигаясь в направлении, противоположном силе тяжести. Холод влиял на меня странно, одновременно парализуя мысли и заставляя действовать единственно верным способом – не открывать глаза, чтобы не вводить в ступор еще один орган чувств, и двигаться вверх.

Мне казалось, что время движется невероятно медленно, но на самом деле хватало нескольких секунд и неожиданно сильных рывков, полных доселе не ощущаемым мной несгибаемым стремлением к жизни, чтобы оказаться на поверхности. Я глотнула воздуха, разрывая легкие, которые саднили от соленой воды, и закашлялась, вновь уйдя под воду. Но вынырнув вновь, все же открыла глаза и увидела вокруг себя бесконечную синюю гладь моря и чистейшее аквамариновое небо. От шока я не могла думать, лишь замерла в ужасе и непонимании и снова скрылась в толще воды, теряя сознание.

Второе пробуждение произошло так же внезапно, как и первое. Я резко дернулась, взмахнула руками в мощном гребке, готовясь вновь что есть силы стремиться вверх, но рука ударилась о спинку кровати, заставив зашипеть от боли, током пробежавшей вдоль плеча, заставляя открыть глаза, чтобы увидеть перед собой лишь глухую тьму. Я снова закашлялась,

выплывавая воду, чувствуя, что вместе с ней скоро выплуну и свои легкие. Горло изнутри словно терли наждачкой, давая волю чьим-то садистским наклонностям, а меня скручивало и выворачивало наизнанку.

Неожиданно раздался стук в стену и обеспокоенный голос мамы:

– Саша, что случилось?

Я на автомате выдумала оправдание, даже не осознавая, насколько нелепо оно звучит посреди ночи:

– Ничего страшного, мам, подавилась просто.

Но мама, видимо, сама была не в себе от переживаний и, вместо обычной дотошной заботы о моем здоровье, лишь немного раздраженно прикрикнула:

– Будь осторожней!

Я почувствовала укол вины. Наверное, она спала, а я своим кашлем ее разбудила, вернув из блаженной пустоты.

Отработанным годами движением я протянула правую руку, нащупывая на стене выключатель, чтобы потом, увидев свою комнату в тусклом свете ночника, вновь ощутить приступ шока.

Вокруг меня по кровати расплзлось мокрое пятно, которое никак не могло образоваться от одних только слез. И даже мелькнувшая стыдная мысль, что это то же, что со мной нередко приключалось по ночам в раннем детстве, так же быстро и исчезла. Я далеко не слон, что можно было бы ожидать при взгляде на размер пятна. Тихий стук капель оповестил меня о том, что пятно не ограничилось только кроватью и теперь вода стекает на пол.

Вся моя ночная рубашка была насквозь мокрой, волосы свисали холодными противными сосульками, саднящее ощущение в горле никак не проходило.

Все произошедшее совершенно не могло быть реальным, но тем не менее неопровержимые доказательства случившегося были передо мной, подо мной и на мне.

Пару минут назад я была где угодно, только не в своей постели.

Я встала с кровати на трясущихся негнущихся ногах и достала из прикроватного столика легкую пижаму, положив на видное место. Затем тихонько вышла из комнаты и прошмыгнула в ванную, где взяла пару махровых полотенец. Вернувшись, принялась вытирать сначала себя, а затем и пол, словно это самое обыденное действие – прятать соленую морскую воду с теплого ламината в пушистое полотенце, а затем тихонько выжимать его в раковину.

Постельное белье я просто скомкала и закинула в ведро под ванной, отодвинув как можно дальше к стене и решив, что утром обязательно простирну, пока мама не видит. Стоило вспомнить о ней, как внутри снова кольнуло и боль нахлынула с новой силой вместе с воспоминаниями о прошедшем дне.

Но я отогнала эти мысли, благо теперь было чем. Мягкий плед, расстеленный поверх толстого ворса ковра, приютил мое окоченевшее тело. Стоило голове коснуться теплой поверхности, как мысли стали быстро тускнеть, а потом и вовсе пропали. Я наконец-то по-настоящему уснула.

Утро встретило меня ломотой во всем теле и больным горлом. Первые слова выходили беззвучными, затем получилось хрипкое карканье, но после пары кружек горячего чая мне удалось извлечь из своего горла хоть что-то членораздельное. Получив возможность говорить, я даже не обрадовалась. Атмосфера в доме была похоронная.

Когда муж привез сестру к нам домой, мама отвлеклась, а я получила возможность постирать белье без какого-либо надзора. Оно пахло сыростью и на вкус было горько-соленым, и я вновь осознала, что ночью произошло что-то невероятное.

Я мало говорила, хотя, казалось бы, должна пить эти последние минуты и часы с сестрой как амброзию, захлебываясь и моля о добавке, не отвлекаясь ни на что еще, но вопреки всему мне хотелось отвлечься. Мне опять хотелось быть где угодно, только не в этой комнате, чтобы не видеть несчастных и печальных глаз любимых людей.

Я вновь и вновь возвращалась мысленно к произошедшему. Как так получилось? Я вспомнила сон, который предшествовал тому, как я оказалась тонущей в бескрайнем океане. Он был практически реален, но тем не менее не оставалось сомнений, что мои осознанные действия в нем были всего лишь олицетворенными мыслями. Зато море, или океан, было абсолютно реально. При воспоминании о нем холод вновь пробирал до костей, а спазм сжимал горло.

Получалось, что я, если все еще пребываю в своем уме и не свихнулась от горя, а такой вариант определенно не стоило сбрасывать со счетов, каким-то образом переместилась в другое место. Я не хотела быть в том сне, и мое желание осуществилось. Это телепортация? Или я обменялась телом с кем-то утопающим? Что это вообще было? И как такое возможно?

Мысли двигались по замкнутому кругу, не находя логического объяснения, а нелогических, на грани фантастики, была масса. Не получилось прийти к единому выводу, но зато одно я поняла совершенно точно – это произошло. Чем бы это ни было, это случилось, и мне стоит только смириться с невероятным, даже если я не найду ему объяснения.

Поздней ночью, когда все вновь разошлись по своим комнатам, я достала старый учебник географии, сохранившийся еще со школьных времен, надела джинсы и футболку и уселась на пол, чтобы ничего не замочить в удачном случае (или неудачном, это смотря с какой стороны посмотреть). Затем подумала и перенесла настольную лампу поближе к себе, вытянув шнур на максимальную длину.

Небольшой кружок света охватывал только меня и раскрытый на коленях учебник, погружая окружающее пространство во тьму. Я открыла страницу с фотографией Парижа и уставилась на нее, пытаюсь вспомнить те самые ощущения из сна. Я представляла себя там, воображала неровные камни мостовой под ногами, ночной прохладный воздух, огоньки Эйфелевой башни вдали.

Спустя долгое время гипнотизирования страницы, я поискала другое изображение. А потом еще. И еще.

Мои попытки оказаться в любом месте из изображенных на страницах не увенчались успехом. Я даже попыталась представить себя на своей собственной кухне, но все равно не сдвинулась с места.

В конце концов мне это надоело. Либо у меня получается перемещаться лишь во сне или исключительно после особо жутких кошмаров. Либо – а такую возможность все же не следовало так быстро отменить – мне все же померещилось произошедшее, а у воды, неожиданно оказавшейся в моей комнате, есть иное объяснение, недоступное моей, казалось бы, весьма богатой фантазии.

Переодевшись в пижаму, я легла спать, запретив себе маяться глупостями. Сон все никак не шел, я перебирала в голове странные события прошлой ночи, и какая-то трусливая часть меня радовалась, что есть что-то еще, способное увлечь мои мысли от реальности.

Я закрыла глаза, вспоминая тот сон. Ощущение, что все самое худшее, что я только могла придумать, произошло. Ощущение, что я не хочу быть здесь. Ощущение, что я не хочу иметь вообще никакого отношения к своей жизни в этом самом месте. Ощущение, что жизнь по капле уходит из тела, погружая в какое-то странное забвение, сродни обескровливанию, только в моем случае – отсутствию жизни.

Это ощущение было настолько реальным, настолько естественным, что я позволила ему повториться вновь.

Вдох – и я лежу на чем-то жестком, больно впивающимся в оголенные лопатки.

Я открыла глаза, увидела над собой голубое небо и ошарашенно замерла. У меня получилось!

Ликование затопило сознание, и я даже некоторое время не чувствовала боли от камней под спиной. Затем ощущения вернулись, и я недовольно поежилась, скосив глаза вбок. И правда камни. Крупные, покатые, они покрывали весь морской берег, упираясь в небольшой пологий холм, практически полностью каменистый с редкими вкраплениями желто-зеленой травы.

Было неожиданно тепло, и я рискнула опустить с камня ноги в воду. А вот она оказалась холодной. Мурашки пробежали по всему телу воспоминанием о ледяном сердце моря, и я резко отдернула ногу. Не знаю, как меня опять занесло к воде, но мне жутко повезло, что та сверхъестественная сила, которая вновь помогла мне убежать из дома, не окунула меня в глубину для бодрости духа.

Я вытянула ноги. Вроде обычные. Вроде мои. Затем взгляд переместился выше, на бело-голубые клетчатые шортики от летней пижамы, а потом я и вовсе догадалась зацепить рукой прядь волос, которые так же, как и на протяжении всей моей жизни, были русо-золотистыми. Жаль, рядом не оказалось зеркала, но что-то подсказывало, что я – это я и теория про обмен телами останется без доказательств. Ну и ладно, я не в обиде.

Поднявшись на ноги и расправив руки, словно крылья, я что есть мочи крикнула «э-ге-гей!», то ли пытаюсь найти кого живого, то ли, напротив, желая удостовериться, что я здесь совершенно одна. Все-таки мой внешний вид не располагал к общению с аборигенами.

Послышался плеск. Я сразу же пожалела о своем желании с кем-либо пообщаться, потому что если я и ожидала общения, то определенно с суши, а не с моря.

В ответ на мои опасения в паре десятков метров от меня вода пошла рябью, затем мелкими волнами, которые становились все больше и больше. А потом из глубины стало появляться нечто большое, серо-зеленое и шарообразное. Вначале это нечто внушало страх лишь размерами, а затем из воды показалась гигантская, в два моих роста, усеянная мелкими зубами пасть.

Не успела я даже сообразить спрыгнуть с камня и попытаться убежать вглубь суши, как чудовище в мгновение ока оказалось передо мной, раззявив рот еще сильнее, хотя, казалось бы, это было невозможно. Я не могла пошевелиться, остолбенело наблюдая за приближающимися смертоносными клинками-зубами, но в последний момент инстинктивно вскинула руки вверх, пытаюсь оттолкнуть это существо, вознамерившееся меня проглотить вместе с парой гигантских камней поблизости.

Зажмурив глаза и внутренне сжавшись, я уже приготовилась к самому страшному, как вдруг раздался громкий щелчок, а затем противный скрежет. И одновременно пришло осознание – я еще жива.

Я все же решила поднять голову и уперлась взглядом в дивное зрелище – чудовище раз за разом кусало воздух, скользило зубами по невидимой преграде, но дальше нее, располагавшейся немного выше моих вытянутых рук, продвинуться не могло. Оно попробовало зайти ко мне сбоку, но я панически выставила перед собой руку, и снова эта жуткая рыба осталась ни с чем.

Присмотревшись, я поняла, что преграда не такая уж и невидимая. Она словно включала в себя в некоторых местах какие-то тонкие нити, заставляющие свет иначе преломляться, так что я все же смогла обозначить ее контур.

Чудище не унималось, и я наконец спрыгнула с камня и убежала вглубь пляжа. Преграда сначала осталась на том же месте, мешая сомкнуть челюсти негостеприимному хозяину этой небольшой бухты, а затем я попыталась мысленно ее растворить. И как бы это странно ни звучало, преграда действительно растворилась в воздухе, возвращая рыбине простор для маневров. Но когда меня не сказалось рядом, она пару раз проплыла рядом с камнями, а затем вновь ушла под воду.

Я посмотрела на свои руки, зачем-то растопырив пальцы. Они были самыми обычными, и щит создавать не могли. Затем вспомнилось, как я его рассеяла мысленно, и это дало какое-то объяснение. Значит, дело не в жестах, а в мыслях.

Я села на очередной камень, но уже как можно дальше от воды, и стала представлять в метре от себя стену. Вот она слегка мерцает, немного проглядывают те самые нити... и у меня снова получилось. Я подобрала несколько камней с земли и попробовала кидать в нее. Они все отскакивали, но уже без звука, словно врезались во что-то, незнакомое с силой трения.

Ответ у меня был один – магия. Это место явно не из моего мира, и тут есть волшебство. И хотя я не чувствую каких-либо силовых потоков или там покалывания в кончиках пальцев, у меня получилось сделать что-то, совершенно невозможное там, откуда я родом.

Я убрала стену и попробовала представить, как один из камней, самый маленький, поднимается ввысь. Но он отказывался подчиняться мыслям. И второй тоже. И третий.

Я подняла руку ладонью вверх и мысленно заставила тонкие огненные потоки сплестись в один, образовав фэнтезийный фаербол. В моей голове вышло очень красиво, а на практике – не очень. Вернее, не вышло вообще ничего.

Мысли о собственном всемогуществе, только успевшие поселиться в голове от слишком легкого образования стены, стали ее быстро покидать.

Я вздохнула и поднялась с камня. Надо бы все же осмотреться.

Мой взор привлек холм, вот откуда вид должен быть обширным, и весь путь на него я то и дело создавала маленькие стены, затем кубы, затем шары, но они, как бы мне того ни хотелось, не двигались, застыв на одном месте пространства, так что приходилось их развеивать.

Путь на вершину был хоть и недалек, но труден. Несмотря на то что камни в основном были крупные и плоские, гладко обточены морем, шла я все-таки босиком, и спустя какое-то время стопы ожидаемо покрылись небольшими мозолями и ссадинами. Однажды я даже остановилась и присела на камни, закрыв глаза, стала вызывать ощущение того, как покидаю это место и перемещаюсь на маячившее перед глазами возвышение. Но попытки опять же не увенчались успехом.

Когда же я, ощутило прихрамывая, добралась до верхушки холма и, окинув взглядом окрестности, обнаружила, что нахожусь на маленьком необитаемом острове с этой недоделанной горой в центре, я даже не удивилась. Прodelать трудный, хоть и не особо длинный, путь и обнаружить, что я одна на всем этом крошечном участке суши, – это не самое страшное, что могло произойти с неудачником вроде меня.

Полюбовавшись с полчаса этим пустынным каменистым пейзажем, я все же нашла камень поудобнее, легла на спину и приготовилась к мгновенному путешествию домой. Стоило мне лишь подцепить краешком сознания знакомое ощущение уходящей жизни, или, как мне теперь казалось, души с ее материальной оболочкой, как оно полностью меня поглотило, а затем выплюнуло на родную кровать с мягким матрасом и простыней, знакомо пахнущей стиральным порошком с ароматом весенних цветов.

Я замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Одеяло так же укрывает меня сверху, и оно все еще хранит тепло моего тела. Я скосила глаза на прикроватный столик и посмотрела на тусклые цифры, светящиеся на темном экране мобильного телефона. По моему внутреннему времени, на том острове я пробыла недолго, около часа. Но спать я легла немного злая и расстроенная, поэтому мне не было дела до времени. Но, кажется, было около часа или двух ночи. Сейчас же часы показывали 01:47, и либо я вернулась в то же время, что и уснула, либо все же пропала на час. Благо день был тот же.

Эта загадка не давала мне покоя, а что-то внутри подзуживало, тянуло на подвиги. Я отчетливо поняла, что не смогу сомкнуть глаз этой ночью от такого количества впечатлений и невероятных открытий, как уже произошедших, так и ждавших меня впереди. Это новое для меня чувство – азарт – перекрыло все остальные эмоции, оставив глухую боль и отчаяние где-то на задворках сознания. Сейчас у меня была цель, нетерпение первопроходца звало вперед, запрещало останавливаться и даже не давало страху хоть на мгновение завладеть мной. Я чувствовала себя новым Гагариным, Армстронгом или Куком, и тяга к знаниям не позволяла оформиться хоть сколько-нибудь разумным доводам против этой затеи.

Мысли побежали вперед моего тела, подчиняясь одной задаче – не повторить совершенных ошибок. А они были, и самая явная – моя одежда. Мне повезло, что я не встретила никого разумного и никто не стал свидетелем того, как я щеголяла в крайне коротких пижамных шортиках. Но такое не должно больше случиться.

Что же надеть? Что-то удобное и комфортное, способное помочь мне в сложной ситуации, если вдруг придется уносить ноги или пробираться через джунгли? Но удобное в наше время означает спортивные штаны или джинсы, а это, как мне казалось, довольно спорная одежда. А вдруг там женщины не носят брюки? Или, если носят, женщина в мужской одежде равна по статусу воину? Какой же из меня воин с моим метром шестьдесят и худощавым телосложением? В бою я могу только бегать, да и то с такой скоростью, что исход не вызывал никаких сомнений. Интересно, если я умру там, то умру ли я и здесь? Что-то мне подсказывало, что да, и я вполне могла остаться тогда на морском дне или же переместиться на кровать, а с утра бы родители обнаружили на мокрой постели холодный труп утопленницы.

Так, решено, никаких брюк. И, на всякий случай, никаких коротких юбок, потому что не факт, что тогда я не пожалею о том, что не выглядела, как воин. Выглядеть, как девушка легкого поведения, – тоже то еще удовольствие.

Я порылась в шкафу и достала платье, которое надевала на свадьбу сестры год назад. Я была подневестницей, и мне предстояло облачиться в бледно-желтые тона, как и еще четверем подругам Оксаны. Мое платье было длинным, с кружевным верхом, на тонких лямках и с неглубоким вырезом, слегка приоткрывавшим грудь. Юбка из легкого летящего материала, который приятно охлаждал ноги в тот жаркий июньский день, не стесняла движений при танце. К наряду прилагались туфли на высоком каблуке, но, вспоминая сегодняшней подъем на каменистую вершину острова и опасения, что бегать все же придется, я остановилась на простых белых балетках, которых все равно не будет видно под платьем. Главное, чтобы я снова не попала в воду, вот это будет действительно неудачно, не в последнюю очередь из-за испорченного платья.

Я встала перед зеркалом и окинула себя взглядом. Платье было красивым, но, если там меня встретит эпоха Ренессанса или чего-то подобного, оно, естественно, окажется излишне простым. Но ничего лучше и, что не менее важно, длиннее у меня просто нет. Русые волосы под светом электрической лампы отливали золотом, но я не стала их собирать в прическу, оставив свободно спускаться ниже лопаток. Зеленые глаза с расширившимися зрачками возбужденно поблескивали в отражении, и рука тянулась их подкрасить, привести себя в вид, более подобающий такому выходному платью. Но образ моря и ледяной воды стоял перед глазами, и я не была уверена, что наведение красоты не окажется напрасным. Я знаю, что я симпатичная, а ямочки на щеках делали меня милой и придавали более юный вид, который вкупе с моим невысоким ростом превращал в кого-то более легкого и воздушного. Внешность была обманчива, скрывая под собой серьезную девушку двадцати двух лет с непростым характером и непроходящей болью в сердце.

Я посмотрела на свое отражение, потом на экран мобильного телефона, запоминая время. В этот раз решено было не ложиться на кровать, чтобы не оказаться случайно у кого-то под ногами или копытами. Я замерла, закрывая глаза. Теперь то ощущение приходило легче, стоило лишь сосредоточиться, вспомнить его, как оно мгновенно поглотило меня, растворяя без остатка.

Шум оглушил меня. Чей-то грубый и резкий голос зло матерился, другой кричал, срывая свой мощный командный тон на нечеловеческий рык: «Не отступа-а-ать!» Лязг оружия, пыхтение, отвратительный смрад, вбирающий в себя вонь немых тел, пота, навоза и терпкий запах крови. Меня грубо толкнули, вынуждая распахнуть глаза.

Маленькое ущелье посреди высоких и острых шпилей гор было практически полностью забито народом. Живая баррикада из тел, закованных в грязные металлические доспехи, ходила волной, еле сдерживая превосходящий удар противника. Именно оттуда слышался лязг и крики, я же оказалась немного позади, среди хаотичного скопления раненых, больше напоминающих груды покореженного металла.

Приглядевшись, я поняла, что окружена вовсе не людьми, как мне показалось вначале. Издали было не разобрать, кто же внутри доспехов, но немало раненых мужчин с опущенными забралами лежали прямо на каменистой пустоши, ожидая, когда же им окажут помощь, чтобы вновь рвануть в бой. Их лица были в брызгах крови, но общие черты все же определялись: крючковатый и крупный нос, маленькие шустрые глазки, рот с то ли просто крупными зубами, то ли вообще с клыками. Но главным отличием от людей был их рост – все пробегающие мимо, в направлении ущелья, существа доходили мне до плеч или, в редких случаях, до мочек ушей.

Я растерянно озиралась по сторонам и даже начала думать, что невидима, так как никто не обращал на меня хоть сколько-нибудь пристального внимания. Пару раз меня снова задела плечом, на этом доказательства моей материальности закончились.

Из ступора меня вывел тот же командный полурык-полукрик:

– Эй, ты что тут забыла?

Я обернулась, практически безошибочно определяя обладателя громкого голоса. Его шлем был снят, и я смогла детально рассмотреть грубое лицо, покрытое то ли оспинами, то ли мелкими шрамами, мясистый нос, черные пронзительные глаза под кустистыми бровями и гриву сальных, давно не мытых волос, собранную в растрепанную косу. Он сидел прямо на земле, облокотившись спиной о деревянное колесо сломанной повозки, в то время как такая же грязная и неухоженная лекарка накрепко перевязывала его руку какой-то серой тряпкой.

– Я... – я запнулась, ругая на себя, что не удосужилась придумать хоть какое-то оправдание своему внезапному появлению на поле боя. – Я... случайно... тут появилась. Я не хотела, не знала, что тут такое...

– Колдунья, что ль? – Он недобро прищурился, а у меня перед внутренним взором пронеслись образы инквизиции и пылающих костров.

– Нет-нет, что вы, – затараторила я, так и не придумав объяснения, но решив переменить тему. – Я – Александра.

– Добро пожаловать, Лесандра, – процедил он, коверкая мое имя и не выглядя при этом радушным хозяином. – Мое имя Гронд, я тут главный. Не знаю, откуда ты появилась, но убирайся поскорее. Скоро будет жарко, как только они прорвутся.

Гронд кивнул в сторону ущелья, где живая волна теряла силу под мощью атаки противоположной стороны, грозясь обрушиться очередной лавиной покалеченных тел и еще больше ослабить тыл.

– Темная мать, держите оборону! Вы воины или соплюшки малолетние?! – гаркнул главный что есть мочи, заставляя меня подпрыгнуть на месте. Не знаю, что там насчет его боевых качеств, но силища в голосе определенно достойна звания командира. И тут же, противореча себе, намного тише добавил: – Не удержат.

– Что происходит? – Я могла уйти в любой момент, поэтому решила пока не следовать совету раненого существа.

– Беги, девка, совсем дурная, что ль? Неужто тебя Брор протащил тайком в телеге? Не смог в таверне расстаться? Или не доплатил, так ты сама за ним сюда притащилась? – грубо хохотнул Гронд и тут же скривился, когда лекарка особо туго затянула повязку. – Так он вон где, ему сейчас некогда с тобой миловаться, а всех твоих еще за мостом оставили. Таких дураков больше нет, баб в бой брать.

Несмотря на нелестное предположение о роде моей деятельности, мне все же хотелось выяснить у единственного разговорчивого чужеземца о том, что же здесь творится.

- Брор тут ни при чем. Так что здесь случилось? Кто прорывается?

- Ты блаженная, что ль? - сквозь зубы ответил Гронд, поднимаясь при помощи лекарки и облакачиваясь на телегу. - Тролли ломаются, а мы никак не можем ущелье потерять. Тут главные ландовые рудники, при них три деревни большие с оружейными, за нами - столица. Пустим ломак - перережут всех, не говоря уже о том, что торговать нам будет нечем.

Он поковылял вперед, еле передвигая ноги. Несмотря на то что лечили ему только руку, ногам, видимо, тоже досталось. Я отправилась следом за ним, лавируя между встречаемыми по пути ранеными или убитыми. Было совсем не страшно, все напоминало какое-то представление с неоригинальной батальной сценой, и лишь резкие запахи и крики, больно бьющие по барабанным перепонкам, убеждали в реальности происходящего.

Я словно со стороны оценивала ситуацию. Много раненых и убитых. Скорее всего, они не удержат ущелье. Будет еще больше смертей. Будет так же страшно, как в Средние века со всеми их грабежами и насилием. И при этом они на своей земле, в своем праве, но терпят поражение.

Быстрый взгляд на узкую долину между горами. Она не шире двадцати или тридцати метров, а вокруг горы, больше напоминающие частокол, чем место для жизни. Через них не пройти.

- Может, вам помочь? - Мысль оформилась в предложение действия. Я ведь могу, почему бы и нет?

- Ты вообще меч-то держать умеешь? - хмыкнул Гронд. - Удача хоть и отвернулась от нас, но не настолько, чтобы девок в войско брать.

- Считайте, что она к вам повернулась. Я. Правда. Могу. Помочь, - чеканя каждое слово, как можно убедительней сказала я, забегая вперед и преграждая ему дорогу.

Командир вперил в меня пронзительный взгляд, цепко осматривая с ног до головы. Первоначально скептическое выражение лица постепенно сменялось слегка удивленным. Уж не знаю, что в моем облике его убедило, что я все же не девка для развлечений, которых так любил загадочный Брор, но Гронд остановился и спросил:

- И что же ты можешь сделать?

Задумчиво посмотрев на ущелье, я прикинула, что, пожалуй, ту стену смогу поставить без проблем. Единственное, что вызывало опасение, - куча мала в том месте, где мне предстояло совершить чудо. А вдруг кто из «наших» останется по ту сторону? Или, еще хуже, кого-то разрежет пополам в лучших традициях фильмов ужасов?

- Вы можете приказать им отступить?

Гронд задохнулся от возмущения, грубое лицо покраснело, а сжатые кулаки явно свидетельствовали о том, что мое предложение не пришлось ему по душе.

- Я тебе не Брор, ты меня так просто не облапошишь! Тебя тролли подослали, ведьма? Думаешь, будешь мне тут в уши мед заливать, а я свое войско на гибель отправлю? Не дожدهшься! - Он грозно рыкнул и даже начал на меня слегка наступать, вынуждая попятиться.

Но я не теряла надежды совершить сегодня подвиг. Мне ли не знать, как порой хочется чуда? И вот я здесь, готова приступить к его исполнению, а заказчик сопротивляется! Никогда не обладала даром красноречия, фокусов эффектных у меня тоже в запасе нет, чтобы доказать всю серьезность намерений, но убивать кого-то случайно я определенно не собираюсь.

- Гронд, поверь мне. Тебе нечего терять. Ты сам знаешь, что твое войско не сдержит ломак. Либо ты рискнешь и доверишься мне, либо упустишь шанс их остановить. Я не знаю, сколько еще смогу тут пробить.

Он замер, недоверчиво глядя на меня, и я съежилась под этим пронзительным взглядом сильного и опытного воина.

Кто я такая, чтобы указывать ему? А вдруг у меня не получится? Вдруг тут какие-то другие условия? Вдруг атмосфера или близость тех самых рудников не дадут мне осуществить задуманное? Но я должна рискнуть вместе с ним. Только вот у меня на кону ничего не стоит, кроме возможных угрызений совести.

Что-то в моем облике все же смущало его, заставляя прислушиваться. Гронд хмурился и никак не мог определиться, как же ему поступить.

А затем рука его медленно потянулась за спину, и я отпрянула, ожидая, что он вытащит оттуда меч. Но, вопреки моим опасениям, командир достал грязно-серый витой рог, покрытый засохшими каплями крови, скорее всего, попавшими на него в пылу битвы. Он еще раз коротко взглянул на меня, а потом повернулся в сторону ущелья и что есть мочи подул. Гулкий низкий звук заполнил поле брани, отчего мне показалось, что горы содрогнулись, а земля под ногами слегка завибрировала. Я растерянно взирала на воина, не понимая, что же это означает, когда он оторвался и коротко приказал:

- Действуй.

Его отряд застыл на мгновение, воспринимая призыв к отступлению, а потом довольно шустро начал рассыпаться. Кто бежал в нашу сторону со всех ног, кто отступал спиной вперед, вытягивая меч в сторону врага, который не преминул воспользоваться неожиданно возникшей брешью. Я, выждав совсем немного, представила на том месте образ стены, ее мерцание, вспоминая, как она защищала меня и ничего не пропускала внутрь себя. Она, движимая всего лишь мыслью, тонкой и невероятно прочной пленкой растянулась от одного края ущелья к другому. Я видела, как несколько огромных фигур, вполнину превосходящих размерами отступающих, с размаху врезались в стену и отскочили. На всякий случай мысленно продлила ее метров на двадцать вверх, чтобы уж точно никто не смог пересечь это препятствие.

Часть воинов Гронда быстро сориентировалась в ситуации, хотя удивленные возгласы все же звучали повсеместно, и принялась вновь наступать на ту горстку вражеского войска, которая все же прорвалась вслед за отступившими и оказалась по эту сторону стены. Я насчитала около десятка возвышающихся надо всеми фигур, но, по всей видимости, это не было большой проблемой. На моих глазах их количество стало резко сокращаться. Я отвернулась. Пусть они и далеко, пусть ощущение нереальности происходящего до сих пор меня не покидает, наблюдать за чужой смертью не хотелось.

Гронд взирал на меня с каким-то детским восторгом, слишком странно смотревшимся на его огрубелом лице.

- Никогда не стоит терять надежды, Гронд, - я улыбнулась, хотя эти слова болью отозвались в моем сердце. - Удача любит храбрых.

Я облегченно вздохнула про себя. Доброе дело удалось. Я спасла много жизней сегодня, совершенно случайно оказавшись в нужное время в нужном месте. Этому войску повезло, удача сегодня и правда была на их стороне.

И тут я почувствовала знакомое ощущение. Я его не призывала, но меня словно выдернуло из этого места. Не успев ничего сообразить, я выдохнула.

А вдох сделала уже в своей комнате.

Сердце замерло, не в силах поверить в случившееся.

– Черт, черт, черт, – закрыв руками лицо, я бессильно рухнула на кровать, не сдерживая слезы. Они полились, иссушая и без того измученные глаза, и я даже не стала предпринимать попытки их остановить.

Я виновата. Как, как это могло произойти? Почему я оказалась дома? Неужели все-таки какая-то мысль мелькнула на краю моего подсознания, и именно это и выбросило меня оттуда? Хотя какое это теперь имеет значение?

Благое дело совершила, да? В чудотворца решила поиграть? Сжав руками голову, словно это могло остановить обрушившуюся лавину отчаянных мыслей, я взвыла, осознавая содеянное. Люди доверились мне. Я им помогла, дав надежду, краткую надежду, а через несколько минут пропала. Каковы шансы, что стена не пропала вслед за мной? Я же ее создала, а теперь меня там нет. И сотни людей, не верящие своему счастью и отступившие со сложным оружием, все же потеряют ущелье и не смогут сдержать троллей.

Легкая дымка нереалистичности развеялась, я поняла, что заигралась. Нельзя было принимать такое решение. Нельзя шутить в таких ситуациях. Нужно думать головой. Нужно было предусмотреть такую возможность, но я возгордилась от приобретенного дара и в результате накликала смерть на множество живых существ.

Может, еще можно все исправить? Я ведь не пробовала перемещаться в знакомое место, вдруг получится? Вдруг я успею хоть что-то исправить? Если надо, я сколько угодно времени буду сидеть рядом с этой стеной, чтобы никого внутрь не пропустить.

Отчаянная надежда искупить свою вину вернула мне решительность действий. Я быстро отправилась в ванную, умылась, прихватила из кухонного шкафа пару булочек и стеклянную бутылку с молоком из холодильника, так как времени налить обычную воду не было, и в расчете на долгое пребывание у ущелья шагнула в свою комнату, одновременно представляя уже привычное ощущение переноса и знакомое поле.

На меня дохнуло жаром, и, даже не успев еще открыть глаза, я поняла, что ошиблась. Остатки слез мгновенно высохли, резкий обжигающий ветер опалил щеки, бросив в едва открывшиеся глаза горсть песка, словно говоря, что так мне и надо.

Я оказалась посреди пустыни, и повсюду, куда хватало взгляда, простиралось белое сухое море под нависающим глубоким синим небом. Я подняла глаза, всматриваясь в бескрайнюю даль, от которой веяло спокойствием и незыблемостью.

«Простите меня», – вот единственное, что звучало в моей голове.

Я не смогла исправить содеянного и никогда об этом не забуду. Я недостойна этого чистого неба. Я недостойна этой красоты.

На миг мелькнула мысль остаться здесь. Наверняка я не выдержу этой изнуряющей жары, и долгожданное освобождение от горечи и отчаяния, с которыми я уже сроднилась, не заставит себя долго ждать. Это было бы лучшим выходом. Самым легким выходом. Не так давно я произнесла пафосную фразу об удаче и храбрых, но для трусов вроде меня удачи не предусмотрено. Так почему бы не сбежать от этих чувств?

Нет, я так не могу. У меня есть семья. Я должна быть с ними, мама не перенесет две потери сразу. Я должна ее поддерживать, я должна поддерживать Оксану и забыть о себе. Меня нет. Все, что я чувствую, не имеет значения перед тем, что я обязана делать.

Я повернулась на месте, окидывая пустыню последним взглядом, прощаясь с мыслью об освобождении. И замерла. Вдали я отчетливо видела что-то темное, выделявшееся на фоне бескрайних песков и чуждое этому месту.

Не медля ни секунды, я направилась туда, сама не зная зачем. Солнце нещадно палило непокрытую голову, и я прикрыла лоб рукой, создавая хоть какую-то тень. В этом переходе было что-то мазохистское, я практически наслаждалась обжигающими лучами, которые виделась мне неким наказанием. Мелькнула мысль бросить пакет с провизией, но я тут же себя одернула. Незачем засорять чужой мир, и так натворила дел.

Песок противно шуршал в балетках, надетых на босу ногу, от этого трения появлялись мозоли,

приносящие боль. Но я не останавливалась. Моя боль вообще не имеет никакого значения.

Когда я достигла цели, мне показалось, что передо мной груды мусора, какой-то ком одежды, непонятно как здесь оказавшийся. Но неожиданно он пошевелился, повернулся, и на меня взглянули два серых глаза на покрасневшей шелушащейся коже. Лицо этого человека было ничем не скрыто, но изначально я видела только эти сверкающие зеркала в обрамлении дрожащих ресниц. Я загородила ему солнце, и стоило мне отойти в сторону, как он прищурил глаза от яркого света, при этом не сводя их с меня.

Я ахнула. Теперь, не будучи в тени моего тела, его сгорбленная фигура предстала во всей красе, и я поняла, что это ребенок. Маленький мальчик лет семи-восьми, непонятно как оказавшийся в этом гиблом месте. Если я до этого думала, что жизнь просто ужасна, то теперь чувство отчаяния углубилось в тысячу раз. Передо мной умирающий ребенок, оставленный здесь непонятно кем, и я не в силах его спасти.

- Пить... - еле слышно прошелестели его губы, и я, не мешкая, достала молоко и поднесла к его губам. Сначала он никак не реагировал, потом облизнул обожженные губы и вцепился стальной хваткой в мою руку, не давая ее отвести. Мальчик судорожно глотал живительную влагу, кашлял, давился, но, судя по цепким пальцам, его состояние было уже не таким плачевным.

Сделав еще пару глотков, он нехотя отодвинул мою руку, оставив на запястье красный след от своих пальцев. Сел на землю, не сводя с меня немигающего настороженного взгляда. Черный ежик волос делал его похожим на нахохлившегося воробья, и все внутри сжалось от жалости к этому ребенку. Как его могли здесь бросить, он ведь еще такой маленький?

Но вместо слов, проклинающих неизвестно кого, я спросила:

- Ты хочешь есть?

Он кивнул, и я под его пристальным взглядом вытащила две булочки. Как хорошо, что я додумалась их взять!

Мальчишка вгрызся в булку, словно не ел в жизни ничего вкуснее. Я с сомнением и беспокойством смотрела на него, так как помнила советы из школьного курса по основам безопасности жизнедеятельности, что нельзя голодающим давать тяжелую пищу. Но ничего другого у меня с собой не было.

Резкий порыв обжигающего ветра снова кинул в меня горсть песка, заставляя отвернуться. Я ему была благодарна за то, что отвлек. Песок снова попал в глаза, и теперь слезы как будто появились только из-за него. Если бы не тяжелый комок в горле, даже я могла бы в это поверить.

Мальчик закончил есть первую булочку, но ко второй приступать не стал, запасливо пряча в сумку на плече. Помимо сумки, из-за нее выглядывали еще две рукоятки, и у меня в очередной раз сжалось сердце. Оружие?

Поднимаясь на ноги, он слегка пошатнулся, и я незамедлительно придержала его за плечо. Он хмуро зыркнул на меня из-под темных бровей, но не отстранился. Оказалось, что он совсем не намного ниже меня. Наверное, вырастет высоким. Если вырастет.

И тут я это вновь почувствовала. На этот раз ощущение, что меня тянет назад, не было неожиданностью, наверное, в глубине души я его ожидала, поэтому успела уловить мгновение, когда мое сознание помимо воли начало отдаляться.

- Береги себя, - сказала я и порывисто обняла незнакомого мальчишку, попытавшись вложить в это объятие все свои добрые пожелания ему и все душевное тепло, которое я только могла дать. Потому что больше дать мне было нечего.

Оказавшись на пороге родной комнаты с вытянутыми руками, я поняла еще одну вещь об этой своей странной особенности. Людей я с собой захватить не могу.

Оставленный ребенок, настороженно вззирающий на меня, так и стоял перед глазами. Кажется, за эту ночь я испытала столько эмоций, что их хватит на всю мою будущую жизнь.

Теперь, оказавшись посреди ночной летней прохлады, тело дало о себе знать. Горло, и без того больное от купания в ледяной воде, требовало жидкости, грозясь сохнуть и лишит меня дара речи на неопределенное время.

Я налила себе кипяченой воды из графина, потом вышла на улицу. Легкий ветерок закружил ткань юбки, заигрывая с ней, и принес телу долгожданную прохладу. Кожа под его умелыми прикосновениями переставала болеть, и воспоминание об опаляющих лучах постепенно улетучивалось. Я разулась на вымощенном плиткой крыльце, давая свободу ногам, и принялась вытряхивать из балеток песок. Его сразу подхватывал ветер и уносил без следа.

Неожиданная мысль заставила меня броситься назад в комнату. Я ведь засекала время! И в своих переживаниях забыла на него посмотреть. Экран мобильного мне сообщил, что прошло всего лишь тридцать минут. И все они, думается мне, я провела носясь по дому в перерывах между перемещениями. Это что же, получается, я возвращаюсь в тот же самый момент времени, когда пропала? Но при этом со мной все же происходят изменения: горло раздрает от морской воды, кожа горит от жаркого солнца. Наверное, если бы я там провела лет пять, то вернулась бы домой немного постаревшая и изменившаяся. Значит, мое собственное время жизни идет, как и положено, отмеряя секунды до ее логического завершения.

Но новое открытие меня не расстроило. Не хватало еще прожить жизнь удвоенной длины, осознавая, что мои близкие этого лишены.

Сна по-прежнему не было ни в одном глазу. Я вновь надела балетки и упрямо принялась представлять ущелье. Надежды на возвращение практически нет, но это не значит, что я не должна попробовать вновь.

Перемещение, как и всегда, далось легко. Лишь ночные звуки за окном моей комнаты сменились тишиной. Не было ни воды, ни жара, ни лязга железа.

- Ну наконец-то! - взволнованно произнес чей-то голос.

Обернувшись на звук, я увидела мужчину, сидящего за монументальным деревянным столом красного дерева. Он был немного полным, и его и без того круглое лицо казалось похожим на румяный блин. Лысина уже вступила в борьбу с его волосами и одерживала победу. Серые глаза пристально наблюдали за мной, а на губах замерла странная улыбка, то ли предвкушающая, то ли просто радостная.

Я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть здесь кого-то еще, ведь он же обращался к кому-то. Но мы были вдвоем в этом кабинете, густо уставленном стеллажами с каким-то свитками, книгами, фигурками и странными приспособлениями.

- Вы это мне?

- Тебе, моя долгожданная, тебе, - говоря это, он широко улыбнулся, и весь его вид выражал радостное нетерпение. - Присаживайся.

Мужчина протянул руку, приглашая меня устроиться в кресле напротив. Меня даже заинтриговала эта ситуация. К тому же вокруг действительно не было никого, кто мог бы нести угрозу. А руки хозяина кабинета покоились на лаковой поверхности стола, на котором, кроме странной деревянной свистульки, не лежало ни единого предмета. Я неторопливо приблизилась к креслу, все еще ожидая подвоха, но поза мужчины была спокойна и расслаблена, так что в конечном итоге я присела, раз уж меня ждали.

- Не беспокойся, я не причиню вреда. У меня есть для тебя только деловое предложение, не более того. - Он решил меня успокоить, видя не сходящую с лица настороженность.

- Не знаю, чем я могу быть вам полезна. Вы понятия не имеете, кто я и что умею делать.

- Ты - пространственный маг, и мне этого достаточно. - Он усмехнулся, словно говорил очевидные вещи. Наверное, для него они такими и были. Но не для меня.

- С чего вы взяли?

- Ты откликнулась на зов манка. - Он протянул руку, указывая на единственный лежавший на столе предмет. - А на его зов мог явиться только пространственный маг, да и к тому же твое появление далеко не похоже на выход из портала. Я уж думал, мне Гарреш подделку подсунул, когда ты после первого зова не явилась. Но во второй раз я дунул сильнее. Правда, все равно пришлось подождать.

Его лицо приняло обиженное выражение, словно я действительно была обязана явиться в срок. Не знаю, как там насчет зова, я ничего не почувствовала. Или... почувствовала? Что-то же меня выдернуло оба раза из тех мест, куда я отправлялась? И это определенно не подчинялось моим желаниям.

- И как он действует? - попыталась как можно спокойнее произнести я, сжимая до боли кулаки. Эта злость ни к чему, вряд позвавший меня мужчина знал, чем я там занимаюсь и как сильно была нужна моя помощь.

- Ну... я не маг, а лишь коллекционер, - он виновато развел руками, - поэтому знаю только принцип действия. Я должен дунуть в него, призывая тебя, и ты через какое-то время появишься. Когда еще неопытный пространственный маг пытается переместиться, его можно сбить с пути и призвать к себе. Но придется подождать, так как он может быть в нашем мире, и тогда его выдернет из него, чтобы он оказался в своем родном, а уже в следующий раз, когда он захочет вновь переместиться, его притянет в нужную точку. В первый раз я дунул слишком легко, боялся, что он может грубо подействовать, а мне не хотелось с тобой ссориться. Но пришлось повторить зов по всем правилам. Извини. Я не знаю, что вы чувствуете при этом.

Теперь все встало на свои места. Меня выдернуло с поля боя, но зов был слишком слаб, и я смогла снова произвольно переместиться, оказавшись в итоге в пустыне. Но затем меня выкинуло и оттуда, и теперь я оказалась, наконец, у зовущего. Интересно, он теперь всегда меня призывать будет, как джинна? Хотя вроде бы в своем мире я не чувствовала никакого постороннего влияния, видимо, манок действителен, только когда я нахожусь в некоем межмировом пространстве.

- И что же теперь? Вы меня будете призывать, когда вам заблагорассудится? - Злость в моем голосе все же прорвалась наружу, но особенно испуганным мужчина не выглядел. Скорее, просто обеспокоенным.

- Нет-нет, что ты! - воскликнул он. - Если мы договоримся, я деактивирую манок, и он больше не будет звать тебя. Могу отдать его тебе, если так тебе будет спокойнее, но тогда он лишится магии.

- А если не договоримся? - Этот вопрос меня волновал намного больше. - Вы будете меня призывать раз за разом?

Видимо, такой вариант мужчина не рассматривал, поэтому выглядел слегка растерянным.

- Я все же надеюсь, что договоримся. Я честный... хм... почти честный торговец, но известный коллекционер. У меня есть деньги, сколько нужно, я тебе заплачу. Мне необходимо всего лишь обезопасить свою коллекцию, вот и все. Просто вынь ее из нашего пространства и замкни на мне, я знаю, что вы легко работаете с материей других миров.

А вот это новость. Он про стену, что ли? Но разве ее можно замкнуть? Разве она не исчезнет, когда уйду и я? Слабая надежда возникла в моей душе, и его ответа я ждала уже с замиранием сердца.

- А разве пространственная стена не пропадет, когда я уйду?

- Если ты захочешь, то нет. Я не знаю, как это работает. Ты должна подумать, что она принадлежит мне, что только я и мой сын можем войти в этот зал и что она останется там и после моей смерти. У вас же нет никаких плетений и заклинаний, все на одних мыслях.

Надежда рассыпалась в прах. Ни о чем подобном я не думала тогда точно.

- Хорошо, я сделаю это. Мне не нужны деньги. Только ответы на вопросы... - я замерла, не давая своему сердцу вновь обмануться ложной надеждой, но продолжила: - и совет.

Мужчина улыбнулся и поднялся из-за стола. Он тоже оказался невысок, с меня ростом, но лицо у него было вполне человеческое, так что я постеснялась спрашивать, к какой расе он принадлежит.

- Отлично. Пойдем, нам нужно в другой зал. - Хозяин дома замер в дверях, пропуская меня

вперед. – Кстати, я так и не представился, где мои манеры? Меня зовут Гидеон из рода Брор.

Мы вышли в просторный коридор, отделанный светлым мрамором с оранжевыми крапинками. Яркий свет проникал сквозь высокие окна, играя на статуях из светлого камня и отражаясь от гладкой поверхности кадок для цветов. Мне эта обстановка напоминала зал музея, и это лишний раз подтверждало, что Гидеон не соврал о том, что коллекционер.

– Александра Дмитриева, – представилась я и, когда он удивленно поднял брови, пояснила: – Мое имя.

– Сразу понятно, что ты из других мест, – он почему-то улыбнулся и глянул на меня, словно я была несмышленной девочкой. Видимо, по этой же причине он обращался ко мне на «ты».

Мы успели пройти всего с десяток метров, как Гидеон распахнул передо мной огромные деревянные двери, украшенные искусной резьбой, и я оказалась внутри большого зала. Теперь уже сходство с музеем оказалось более наглядным. На стенах висело множество картин, по углам покоились сундуки; статуи, изображавшие разные военные сцены и непонятных, но агрессивных существ, стояли в некотором беспорядке. Несмотря на приличный размер помещения, оно явно не предназначалось для посторонних глаз, больше напоминая хранилище, чем место для хвастовства своей коллекцией. Гидеон был ярким поклонником искусства, но явно не очень любил оружие, так как его здесь было катастрофически мало. От этого я прониклась еще большей симпатией к этому человеку. Пусть он и вызвал меня практически насильно, но только чтобы предложить выполнить услугу и даже готов был за нее расплатиться. А ответы на мои вопросы сейчас нужнее всего.

Под его чутким руководством я прошла вдоль стен, покрывая их непроницаемой пленкой, потом уделила внимание потолку и полу и лишь на выходе замерла у двери. Это оказалось очень просто, но при этом заставило меня почувствовать легкую усталость, которая принесла с собой облегчение. Я знала, что когда-нибудь я должна буду почувствовать последствия от использования сил, и пугалась от кажущейся простоты их применения. Теперь же выяснилось, что, если укрепить стены огромного зала, усталость все же наступает. Это хорошо. Это уже практически нормально.

Гидеон не знал, как дверь должна опознавать его с сыном, поэтому мне пришлось представить, что она реагирует на прикосновение его руки, причем принадлежащей телу, а то знаем мы эти сюжеты с отрубленными конечностями. Такого допускать нельзя. Хозяин позвал сына, такого же невысокого крепыша, чтобы тот тоже приложил руку к двери, и на этом моя работа оказалась окончена. Дверь была покрыта легким мерцанием, и, правда, сын, оказавшийся слабым магом, отметил, что не видит, что зал чем-либо защищен, вообще не ощущает магии любой природы, поэтому действие защиты мы проверяли экспериментально: с помощью огня, непонятных заклинаний и одной из служанок, которой надлежало открыть дверь. Защита выдержала, так что я даже немного собой возгордилась.

Когда же мы возвращались в кабинет, Гидеон приказал служанке принести фруктов и напитков. Он выглядел очень добродушным и довольным и то и дело любовно поглаживал живот. Видимо, хозяин дома был еще и большим ценителем еды, раз один восторг у него перекликался с памятью о другом.

Я вновь села на то же самое кресло, а Гидеон опустился в свое. Служанка принесла большое блюдо с множеством разных булочек и кексов с воздушным кремом, покрытых кусочками фруктов и ягод. Хозяин предложил мне вина, но я отказалась, предпочтя ему чай. Он лишь усмехнулся, в очередной раз взглянув на меня как на маленькую девочку. Наверное, у него есть дочери, которым повезло с таким отцом.

– Ну что ж, спрашивай, – произнес он, делая глоток вина из изящного хрустального бокала с золотой каймой.

Я задумалась, не зная с чего начать. Хотя, пожалуй, одна животрепещущая тема все же была.

– Что мне делать с манком? Вы же его мне отдадите?

– Отдам. Я его активировал, когда звал тебя, а сейчас он в состоянии пассивного зова. Только подумай хорошенько, прежде чем забирать его с собой. Насколько я понял, ты только-только обрела свои способности. Ведь так? – Он дождался моего кивка и продолжил: – Если его отключить, то ты снова начнешь скакать по пространству и времени, правда, теперь только будущему, так как он зафиксировал тебя в этом временном промежутке, и в прошлое нашего мира ты больше не вернешься. А так ты хотя бы привязана к какой-то дате. Пока он в пассивном состоянии, ты сначала будешь возвращаться туда, где его оставила, но постепенно

выйдешь из-под его воздействия и сможешь перемещаться в любое место нашего времени. Но, естественно, если в него кто-то подует, то ты перенесешься к нему, прямому зову ты никак не воспротивишься.

- А если я его заберу с собой? - этот вопрос не давал мне покоя, но я спросила скорее на всякий случай. Пока что меня полностью устраивала возможность оставить манок где-то в этом мире, чтобы иметь возможность поподробнее его изучить.

- Я не знаю, - развел руки в стороны Гидеон. - Я мало про вас знаю. Но манок сделан с применением магии, а все обрывки сведений, которые я встречал в манускриптах о магах вроде тебя говорят, что магия при проходе между мирами развеивается. Так что манок окажется обычной деревяшкой. Наверное.

- Развеивается? - у меня екнуло в сердце, и в горле снова появился ком горечи. Снова неудача. Я получила чудесную способность, но никак не могу применить ее для своей пользы.

Видимо, что-то такое было написано на моем лице, так как Гидеон нахмурился и даже отставил бокал.

- А что такое? - спросил он. - В твоём мире нет своей магии?

- Нет, насколько мне известно, - ответила я.

Зря, все зря. Что бы я ни делала, на что бы ни надеялась, ничего не выходит.

- Ты хотела пронести сквозь междумирье что-то магическое? - дошло до него.

- Да, - я отвела взгляд и посмотрела в окно.

Верхние листья тополя, росшего прямо напротив, ловили солнечные лучики и мелко трепетали от легкого ветерка. Но мирная картина не приносила мне спокойствия.

- Мне нужно лекарство. От серьезной болезни, но немагического характера. Я все же надеялась, что его можно здесь найти и как-то пронести.

Он с сомнением покачал головой, а затем с задумчивым выражением лица, с длинными паузами произнес:

- Знаешь, я не маг... Но вот тот же манок... как-то же он смог тебя зацепить. Это очень старая вещь, доставшаяся мне по чистой случайности, но все же... он действует. Может быть, если понять, на основе какой магии он сделан, то можно будет ее применить и к лекарству. Но я не могу тебе в этом помочь. Я лишь пару раз видел в свитках намеки на существ, перемещающихся между мирами, а о манке я знаю только то, что он призывает пространственных магов. Тебе же нужно в магическую библиотеку.

Робкий лучик надежды все же появился в моей душе. Манок... вот теперь я точно тебя никому не отдам! Кто же знал, что от его зова будет хоть что-то полезное.

- Как в нее попасть?

- А вот это уже сложнее. В одном тебе повезло - читать и говорить ты можешь на любом языке, вот уж действительно полезная вещь для мага вроде тебя...

- А что не так с такими магами? - Я даже возмутилась. Меня вот все устраивает, а умение говорить на всех языках этого мира казалось очередным подарком судьбы. И как я раньше этого не поняла? Ведь уже с тремя существами из этого мира говорила!

- Ты не расстраивайся, девочка, - грустно попытался успокоить меня Гидеон, хотя я не видела ни одной причины для подобного тона. - Но вы, помимо того что редкие, так еще и не можете стать настоящими магами. Я и то знаю о вас только потому, что охоч до древностей да редкостей, и уверен, что не всякий высший хоть раз думал покопаться в этом вопросе или вообще хоть что-либо слышал про вас, а даже если бы и думал, то вряд ли нашел бы информацию. Я вот уже всю жизнь прожил, а пока ко мне манок не попал, о вас и не подозревал, на фантазию людскую все списывал. Магия у тебя есть: ты понимаешь разные языки, можешь управлять пространственной материей, которая хороша в защите каких-либо предметов или помещений, но другие проявления магии вам абсолютно не подвластны. Поэтому я даже и не боюсь тебя, вызвал, не привлекая охрану.

Тут он, пожалуй, шукавил. В жизни не поверю, что у него не было запасного плана на случай,

если я окажусь буйной. В эту же пространственную коробку я и его могу запереть, если что. Но вот то, что кроме этого я ничего делать не умею и не смогу, не очень-то радует. Но я в любом случае не в обиде, ведь и так обладаю тем, о чем не смела и мечтать прежде.

– Но на всякий случай, – продолжил Гидеон, – не говори никому, кто ты. И не применяй свою магию без необходимости. Мой сын не учился в Академии, а вот высший или даже маг первой-второй ступени, возможно, смогут увидеть твою магию и понять, что ее природа другая. Я не могу предугадать их реакцию. Если тебе нужно что-то в нашем мире, вот мой главный совет – не применяй магию поблизости от них. А уж если кто из них высший магистр, то лучше тебе уносить ноги поскорее.

– Спасибо, – кивнула я. Советы ценить я умею. – Немного не поняла, магистр – это выше или ниже высшего?

– Все-то тебе надо разяснить, – добродушно ухмыльнулся Гидеон, хватая еще одну булочку. Я же пила только чай, потому что от нервного напряжения ничего бы не могла даже проглотить. – Магистр – это ученая степень, например бывают магистры боевой магии или целительства. А высший или маг какой другой ступени – это указание на уровень силы. Опять же, вот мой сын – претендент шестой ступени, до магистра ему бы надо было пройти еще мастера и бакалавра, но с его уровнем силы не стоит замахиваться на такую глубину знаний. Тут уж выше головы не прыгнешь.

Мужчина говорил настолько интересные вещи, что я даже забыла, что прервала его, не дав ответить на мой же вопрос. Но он важнее. Важнее всего на свете.

– Так как я могу попасть в магическую библиотеку?

– Да никак, наверное. – Он нахмурился, перебирая в уме варианты. – Она же магическая, туда только магам и ход, ну и недоучкам. То есть это здание при Магической Академии, любой учащийся может почитать там книги, но за пределы Академии не вынесет. А ты не маг, в смысле, не такой маг. Естественно, там нет специальности под тебя или хоть каких-то специалистов в твоей области. Если тебе и нужно держаться от чего-то подальше, то именно от Академии.

– И что, совсем нет никакого выхода? – Я даже сама слышала отчаянные нотки в своем голосе, а кружка вместе с рукой мелко затряслась. Я быстро поставила ее на стол, боясь разбить эту красоту. – Вы не представляете, как мне нужно там оказаться!

Гидеон смотрел на меня, сомневаясь. Мне кажется, у него был какой-то вариант на примете, но он не решался его озвучить. Затем, видимо, приняв какое-то решение, позвонил в колокольчик и попросил прибежавшую служанку позвать его сына к нам в кабинет.

Теперь я обратила более пристальное внимание на вошедшего мужчину. Он был очень похож на отца, такой же невысокий, коренастый, только волосы на голове были каштановые, и лысина до них еще не добралась. Несмотря на то что они производили впечатление достаточно обеспеченных людей, мужчина был одет просто: штаны из светлой замши, белая рубашка с неброской золотой вязью, высокие сапоги, связка амулетов на шее. Он вошел и удивленно посмотрел на отца.

– Рамон, посмотри на нашу гостью. Магически посмотри. Можно ли ее проявить? – Он кивнул на меня, так и не представив сыну. Видать, имя у меня действительно странное. Затем он обратился ко мне: – А ты не закрывайся.

Не понимаю, что бы это значило. Но на всякий случай решила не предпринимать никаких действий. Рамон взглянул на меня, чуть прищурившись, и пару минут не отводил взгляда, силясь что-то понять. Возможно, ему не хватало силы, чтобы сделать это побыстрее. Или со мной было что-то не так. В конце концов он нахмурился, его взгляд сменился на неприязненный. Ответ отцу был краток:

– Можно. Будет темной.

И вышел.

– Вот как, – поцокал языком Гидеон, но, в отличие от сына, его отношение ко мне внешне не изменилось. Скорее, теперь я занимала его еще больше. – Тогда выход все же есть. Ты можешь поступить в Академию, но тебе придется проявить свою суть. Тогда ты хоть и не обретешь магию, но темной энергии хватит для работы с магическими материалами. Мало кто на такое решается с такой сутью.

- Это плохо, да? - этот вопрос был практически риторическим. И так все ясно.

- Ну... не очень хорошо, - обтекаемо ответил он. - Иногда люди в определенный момент времени, под влиянием сильных эмоций или важных событий, получают возможность выявить свою суть. Обычный-то человек бывает и плохим, и хорошим одновременно, всего в нем намешано, тьма со светом сменяют друг друга в его душе постоянно. Но при поступлении тебе предложат проявиться, и ты должна будешь это сделать, чтобы научиться хоть с чем-то работать. Только обычно темные не заявляют о себе. А после проявления это будет видеть всякий. Но это не смертельно и не так страшно. Те же магистры тоже проявленные, хотя обычно маги этого избегают.

- Почему?

- Чтобы никто не понимал их сути. На тебе есть отпечаток тьмы, видимый только магам, а они более-менее привычны к этому. Но обычные люди темных не жалуют. А магистры должны расширять свои знания, и им приходится выбирать сторону, чтобы научиться использовать больший спектр заклинаний.

- Значит, все не так страшно. - Я улыбнулась. Новости меня определенно порадовали. В конце концов, какое мне дело, что местные обо мне думают? У меня есть цель, и я не отступлюсь. За этот маленький отголосок надежды я готова заплатить любую цену.

- Набор в Академию будет только через полгода, - продолжил пояснения Гидеон. И снова внутри все ухнуло, ровно до его следующих слов: - Но я могу тебя позвать манком, если ты мне его оставишь. Ты уйдешь, а когда решишь переместиться в следующий раз, услышишь мой зов. Для тебя ведь время не проблема.

Теперь уже я не могла сдержать счастливой улыбки. Все начало складываться! На волне таких приятных новостей появился аппетит, и я даже протянула руку за особенно аппетитным шоколадным кексом. Как много событий успело произойти за эту ночь! И мое приключение только начинается. Почему-то Гидеон не вызывал опасений, я совсем не страшилась оставить ему манок. Наверное, он считал меня очередной диковинкой, о которой нужно позаботиться. И меня это полностью устраивало.

- Я буду вам очень благодарна, если вы так и сделаете. Простите, что утомила вас своими вопросами, но мне придется задать вам еще несколько, - извиняющимся тоном начала я, но после ободряющей улыбки продолжила: - Где я вообще? Тут же не только люди живут?

- Верно, не только. Ты в Смешанных землях, и, как можно догадать по названию, тут живут разные расы, в том числе и потомки смешанных браков. Вот у меня, например, есть примесь гномьей крови. Тут ты можешь встретить много гномов, эльфов, троллей и орков, людей. Даже демоны заглядывают, но очень редко, конечно.

Все эти названия были мне знакомы. Примерно такого я и ожидала, когда осознала, что в этом мире есть магия. А между тем Гидеон продолжал, отрабатывая свою плату на совесть:

- Ты не очень похожа на местную, поэтому лучше будет говорить, что прибыла из какой-нибудь глухой деревеньки на границе с эльфийскими территориями. Это совсем другой конец Смешанных земель. Еще лучше, если там не будет торговых путей. - На этих словах он слегка отклонился в кресле, чтобы найти что-то в верхнем ящике стола. Выудив оттуда сложенный вчетверо лист бумаги, он принялся его внимательно изучать. А затем, найдя искомое, строго мне сказал: - Крewanь. Село в пятидесяти верстах от Дробаса. Запомни: Крewanь. Я не могу дать тебе это записать, так как при переходе чернила развеются, они ведь тоже с помощью магии сделаны. Крewanь.

- Крewanь, - послушно повторила я.

- Как твое имя, напосми? С ним тоже надо что-то делать, - командным тоном потребовал Гидеон. Теперь я видела в нем и купца, который своего не упустит и спуска конкурентам не даст.

- Александра Дмитриева.

- М-да-а... - протянул он. - Что из этого имя? Что род?

- Александра - личное имя. Дмитриева - название рода.

- Александра... Алексан... Алесан. Да, Алесан, это больше похоже на наше имя. Как раз чувствуется отдаленное влияние эльфийского. Если не знать, кто ты, то может показаться, что

среди твоих предков были эльфы. Хотя это только если особенно не присматриваться. И не вдумываться.

- Почему? Обычная же вроде, - удивилась я. И тот взгляд гнома на поле боя, а теперь я уверена, что это был именно он, в котором было видно подозрение... Он понимал, что я чужая.

- У тебя волосы светлые, как эльфийские. Но в то же время у них такого оттенка волос нет, уж я-то эльфов повидала немало. Да и кроме странного цвета, нет в тебе больше ничего от них. Уши обычные, глаза тоже, рост маленький, грудь, уж прости за откровенность, есть. Их-то женщины высокие, тонкие, как лоза, и одинаково... мм... плоские во всех местах.

Кажется, я даже немного покраснела. Хотя не так-то просто меня смутить, я-то уж точно не из Средневековья.

- А что с фамилией? Именем рода то есть, - поправилась я и напонила, видя, как Гидеон нахмурился, припоминая чуждое слово: - Дмитриева.

- Дмитриева... - Он посмаковал это слово и скривился от непривычного звучания. - Дмитр... Митриев... Митра... Митрэ. Точно, Митрэ. Будешь Алесан Митрэ.

Он победно улыбнулся. Алесан Митрэ... Придется к этому привыкать. Хотя бы отдаленно похоже на мое имя, вряд ли забуду. Даже есть в нем что-то приятное и певучее.

- А что с документами? Как мне подтвердить свою личность?

Гидеон удивился моему вопросу и после краткого замешательства ответил:

- Не знаю, зачем тебе документы. У нас, если нужно кого-то найти, делают слепок ауры. Он и является твоим... документом.

Я кивнула и замолчала. Самые важные вопросы закончились. Все, что он знал о магии, вроде бы рассказал. Даже с именем помог. За эту информацию не жалко и сотню хранилищ укрепить.

- Спасибо, - сказала я от души. - Вы мне очень помогли. Пожалуйста, позовите меня в манок во время набора. Если надо, я снова выполню для вас работу. Или для ваших друзей. Или еще для кого. Мне понадобятся деньги.

- Об этом не беспокойся. Позову и денег дам. - Он улыбнулся, видя мое удивленное лицо, и пояснил свою доброту: - Милая Алесан, я очень люблю редкие вещи и редких людей. Поверь, помощь тебе в этой истории будет для меня необыкновенным удовольствием. И если во время учебы в Академии ты не забудешь старого Гидеона и будешь заглядывать на чай, чтобы поделиться новостями, я буду просто счастлив.

- Спасибо, - сказала я еще раз, преисполняясь огромной благодарностью к этому человеку.

А затем ушла, в кои-то веки с надеждой в душе.

Очутившись в своей комнате, я честно планировала поспать и с новыми силами браться за ответственное дело. Но что-то внутри зудело, запрещало делать себе хоть какие-то послабления, когда появился шанс найти лекарство и избавиться от этой боли потери семью. Надежда теплилась в душе, подпитываемая горячим чаем.

Я осматривала кухню, прощаясь с ней, не зная, когда смогу вернуться. Кто знает, сколько это займет времени? Я постараюсь найти ответ как можно быстрее, но и спешить не стоит. Возможно, я месяцами не буду появляться в доме, раз окажусь в Академии. Не стоит там применять мою магию. Даже призрачная вероятность, что меня могут поймать, уже говорит о том, что я должна быть крайне осторожна. Никаких оплошностей, никаких непродуманных шагов, никакого отклонения от цели. Я должна забыть обо всем, перестать быть такой мягкой и впечатлительной и научиться быть расчетливой. Больше я не имею права на слабости, слишком уж высока цена проигрыша.

Так я и накручивала себя, пока не поняла, что не смогу сегодня заснуть. Хотелось бы увидеть родителей, попрощаться перед долгой разлукой, но тянуть до утра не было никаких сил. И хотя время отправления не имело никакого значения, натянутая струна внутри все никак не хотела ослабнуть. Я должна попытаться, прямо сейчас. Я не смогу жить, зная, что потеряла свой шанс даже из-за какой-то секунды сентиментальности.

Войдя в комнату, я застыла возле кровати, оглядываясь. И поняла, что не знаю, что можно с собой взять. Наверняка же пластика у них нет, да и большинство принадлежностей сделано с помощью механики. В итоге я только откопала в дальнем ящике стола простую деревянную расческу, купленную на какой-то псевдоисторической ярмарке, и не смогла отказать себе в удовольствии взять пару комплектов максимально простого нижнего белья. Жаль, что вся косметика в пластмассовых коробочках, но это и несущественно. Придется забыть о своей женской сущности, желании нравиться и быть привлекательной. Наоборот, теперь какое-либо привлечение внимания к себе может оказаться роковым, и так выгляжу как чужачка.

Вдох. И вот я снова в том же кабинете, а его хозяин, благодушно улыбаясь, держит в руке манок.

- Здравствуйте, Ги... мистер... нет... Как к вам обращаться? - несколько умоляюще спросила я.

- Обычно меня зовут господин Брор, - пояснил Гидеон. Что-то мне напоминала его фамилия, но неважно. Сейчас не до таких мелочей.

- Здравствуйте, господин Брор, - повторила я. - У вас принято обращаться к людям со словом «господин»? Простите, что с порога засыпаю вас вопросами.

- Ничего, - засмеялся он и махнул рукой. - Я к этому готов. За полгода много о чем успел подумать и выяснить кое-какие мелочи об обучении в Академии. Это будет занятно.

Мне это казалось скорее страшным и опасным, но и его тоже можно понять. Почтенный торговец, заядлый коллекционер, наверняка скучающий, но при этом сам лично не планирующий ввязываться в авантюры. Он лучше понаблюдает, поддержит, направит, а потом послушает занимательную историю.

- Так вот, - продолжил Гидеон, - к немагам и незнакомым людям желательно обращаться «господин» и «госпожа», к магам - в зависимости от ученого звания, то есть «магистр», «мастер», «бакалавр», к студентам Академии - «адепт». А другие обращения тебе ни к чему, вряд ли ты выберешься за пределы Смешанных земель.

Я замерла. Теперь я оказалась лицом к лицу не с гипотетической целью, а с действительностью. Прямо сейчас мне нужно куда-то идти и что-то делать. В совершенно незнакомом мире. Среди неизвестных людей и нелюдей, с их порядками и обычаями, где даже обращение к кому-либо вызывает затруднения. Какие они? Как общаться с магами? Насколько они опасны? Это в книгах да фильмах маги - предел мечтаний наивной героини, а вот она я и вот они, совсем рядом, я их скоро встречу, и мне чертовски страшно. Наделенные неподвластной мне силой, практически всемогущие в понимании человека моего мира... Каково это - жить среди них? Как их можно не бояться? Да у меня даже при мысли о них сердце тревожно трепыхается, аритмия усугубляет чувство страха, делая его не основанным на эмоциях, а ощущаемым физически дрожью в груди.

– Да, вряд ли я рискну путешествовать по здешним окрестностям. Вы не против, если манок так и останется у вас? Я постараюсь не исчезать из Академии, а если и придется, то только в самом крайнем случае. Тогда уж лучше и не возвращаться на место исчезновения, не колебать лишний раз фон.

– Конечно, милая Алесан. – Хозяин встал из-за стола и подошел к двери. – Пойдем вниз, у новой служанки должно быть что-нибудь переодеться для тебя. Твое платье, конечно... интересное, но тебе не стоит сейчас привлекать внимание, верно?

Я кивнула, радуясь, что его мысли созвучны моим. Затем мы отправились на первый этаж по знакомому коридору. Весь дом был выдержан в том же стиле, ассоциировавшимся у меня с музейными интерьерами, и даже коридор в той части, где обитали слуги. Только вот их комнаты выбивались из общего роскошно-холодного убранства. Служанка оказалась вовсе не молодой, но с налетом гномьей крови, отчего была невысокого роста. Она отдала мне простое платье из серо-коричневого хлопка, без корсета, которого я несколько опасалась, и каких-либо декоративных деталей. Оно мне было немного велико в талии, но ремень просить я не стала. Размер ноги у нее оказался больше моего, так что пришлось потревожить еще трех служанок, прежде чем я нашла подходящую обувь, а все из-за того, что стопа у меня довольно маленькая. Но примесь гномьей крови у другой горничной отразилась на размере ноги, так что в итоге мне повезло. Ботинки оказались грубоваты, из твердой коричневой кожи, но меня заверили, что натирать они не должны, так как изначально куплены были для работы в поле, поэтому их предварительно обработали магически у торговца.

Также мне выделили длинный, но узкий платок из того же хлопка, который я свернула и повязала на волосы в виде ободка. Никто из увиденных мною служанок, к слову сказать, первых особей женского пола, встреченных мною в межмировых переносах, не носил волосы распущенными. Я заметила косу, обвязанную вокруг овала лица, обычную косу, перевязанную лентой не только на кончике, но и вдоль всего плетения, пучок, опять же обрамленный двумя маленькими косами, и простой конский хвост у одной грубой служанки, слишком высокой и крепкой, чтобы быть человеком. На мои волосы никто внимания не обратил, видимо, для выявления этого несоответствия действительно нужно было задуматься.

Гидеон бросил служанкам по монете, а затем вручил мне маленький мешочек с деньгами, где было много медных и серебряных кругляшей. Он также пояснил, что если я поступлю, то на следующий день должна к нему приехать, и он меня сводит в свою лавку, чтобы купить хоть немного нормальной одежды, но пока это не имеет смысла.

И пока мы спускались с высокого крыльца этого гигантского дома из белого камня, у меня возник закономерный вопрос, который, по идее, следовало бы задать намного раньше:

– А я не слишком... старая для поступления? Мне всегда казалось, что обучение должно начинаться в более раннем возрасте. Да и ваш сын, он же маг уже, но не так уж и старше меня...

– Рамон не учился в Академии, – пояснил торговец и остановился у кованой калитки, наблюдая, как возница возится с лошадьми. – Ох, а ведь и правда для тебя это непонятно. Сын обучался только у наставника, а так как способностей у него особых нет, он не стал поступать, чего время тратить?

– Так можно и не поступать никуда?

– Тебе – нет, а магам – да. Помнишь, я тебе рассказывал про силу, темную или светлую, которую можно получить при поступлении, но не имеющую ничего общего с магией? – Он удовлетворенно покачал головой, когда я кивнула. – Так вот, к вопросу о твоём возрасте. Прийти-то поступать без дара могут многие, да вот поступают только единицы. Ты вот сама подумай, какой же темный или светлый человек в семь или пятнадцать лет? Это же не просто ты соседку со злобы проклял или бабке помог тканьеров изловить в сарае. Люди меняются каждую секунду, тут нужно какое-то важное событие, что-то переломное, чтобы кардинально повлияло на суть. А молодежи-то что надо? По беседкам зажиматься да наряды покупать, какое тут определение сути? Там ничего и не проявится, и пошлют их обратно мамке помогать. До старости, бывает, доходит, а суть и не ясна. Вот у эльфов чистокровных просто – светлые. Демоны, опять же только чистокровные, – темные. У гномов, как и у людей, с сутью неясно все. Вот мужик, бывало, войну пройдет, вернется и темным станет, да к тому времени у него уже жинка да детки, какая тут Академия? Так что мало таких, вроде тебя, ты еще небось самая мелкая на потоке будешь. Редко раньше двадцати что-то может проявиться.

– А с магами что? Я вот такая великовозрастная учиться буду, а они мелкие все?

Гидеон так на меня посмотрел, словно я чушь несусветную спорола, и засмеялся так залиvisto. Чистый смех у него, звонкий, так и не скажешь, что пожилой уже.

- Ой не могу, ну ты скажешь... ха-ха... во дала. - Он даже рукой за столб калитки взялся, чтобы не согнуться пополам от смеха. - Кто ж магам-то мелким магию даст? Они как в животе у мамы начинают светиться, так и сразу ясно - быть ребенку магом. А дети, малые да неразумные, не умеющие контролировать силу, - это страшно. Вот как они появляются, городской маг приходит и магию блокирует. До совершеннолетия они и живут, как обычные дети, учатся своими силами обходиться да не смотреть свысока на сверстников, ведь сила-то - она хитрая, когда у тебя есть, а у другого нет, к вседозволенности приводит да к горделивости сверх всякой меры. А так они пообвыкнутся, поймут, каково людям без дара живется, переждут возраст, когда в голове только девки и вертятся, потом получают силу и наставника. Тот с ними возится, учит всякому по мелочи, и после двадцати трех можно пробовать поступать. Но и тут не у всех получается, часто потом доучиваться приходится и снова и снова приходиться. Так что ты не переживай, милая. Да и я, старый дурак, вот уж о многом подумал, а такие обычные вещи рассказать и забыл.

- Если бы вас вообще не было, я бы так ничего и не узнала. Спасибо, вы не представляется, как мне помогаете. - Я была готова благодарить его вечно, да только он руками махать начал, отнекиваясь, и возницу подозвал. А как меня посадили в открытую повозку, лошаадьми запряженную, мне уже ни до чего было. Я только и успела, опомнившись спустя какое-то время, прокричать: «Спасибо-о-о».

Город принял меня равнодушно. Люди и нелюди спешили по своим делам, не обращая ни на кого внимания. Я же как истинная представительница женского пола в первую очередь обратила внимание не на архитектуру, а на одежду горожанок.

Девушки и женщины вполне ожидаемо ходили в длинных платьях, кое-кто с некоторым подобием корсетов, но многие и без них. Должно быть, это необязательный атрибут гардероба. Распущенные волосы все же встречались, хоть и редко, но все они принадлежали высоким и длинноволосым девушкам с водопадом светло-серебристых или иссиня-черных волос. Мне почему-то показалось, что это были эльфийки, очень уж большие и странные глаза у них были.

Однако и в брюках женщины встречались пару раз. Форменная одежда, рукоять меча, штаны, заправленные в высокие сапоги, – все это говорило о том, что они принадлежат либо к военным, либо к магичкам. Мне почему-то казалось, что именно магички должны быть достаточно самоуверенны, чтобы надеть такое.

После составления беглого впечатления о здешней женской моде я наконец обратила внимание на дома. А посмотреть было на что! Больше всего местная архитектура походила на плод работы неопытного дизайнера, ибо такое смешение стилей даже представить трудно. Изящные светлые домики с коваными воротами и увитыми густой растительностью балюстрадами соседствовали с массивными каменными строениями в лучших традициях крепостных замков, затем из ниоткуда появлялись невысокие круглые домики, а их сменяли добротные деревянные двух- и трехэтажные здания со ставнями и высоким крыльцом. Вспомнился дом господина Брора – вот уж самый космополитный вариант.

Мы проехали рынок с шумными торговцами и спующим народом, небольшое светлое кафе с множеством кадок с цветами на входе и в витринах под названием «Чайная госпожи Фаленоль», куда я решила непременно заскочить, если появится свободная минутка, любопытную лавку с двумя кольцами на вывеске, наводящую на мысль о молодоженах, но с разными бытовыми предметами в глубине. Было столько всего интересного, но в то же время я чувствовала некий налет человечности во всем. Мир отличался, но не настолько, чтобы быть абсолютно чужим. Много знакомого, пусть и не всегда относящегося к моему времени, заставило меня почувствовать теплоту к этому немного нелепому, но весьма уютному городу.

Мы выехали на окраину, и я увидела ее перед собой. Мою тюрьму, крепость, которую мне надо будет осаждать несколько месяцев, а то и лет, – Академию. Массивные железные ворота с искусным изображением схватки двух драконов были приветливо распахнуты. Длинная дорога вела к высокому и продолговатому зданию с двумя круглыми башнями по бокам. А от прямой дороги расходились, словно нити паутины, мощенные серым камнем тропинки. Они скользили среди немного жухлого и вытоптанного газона к разномастным зданиям по бокам.

Справа от забора располагался пятиэтажный корпус из светлого камня. Колонны крепко держали над широким крыльцом выступающую вперед полукруглую крышу, а увенчивала ее статуя из белого камня, изображающая старца в светлых одеждах, с бородой, посохом и большой сумкой. Вокруг него трава была зеленой, а высокие кустарники все еще цвели красными, желтыми и голубыми цветами.

По той же стороне располагалось очень высокое и узкое здание из темного камня с тремя башенками. У крыльца возвышался такой же длинный и сухощавый мужчина из такого же темного камня, держащий в руках перед собой шарообразный небесный свод, который на солнце переливался золотыми вкраплениями звезд.

Слева от забора, напротив светлого корпуса, располагалось крайне массивное здание из грубого камня, больше напоминающее военную крепость, чем учебное заведение. Оно выглядело очень просто и в то же время угрожающе. И статуй рядом не было никаких. Позади него виднелось огромное поле вытоптанной земли, огороженное чем-то мерцающим.

Между этим мрачным зданием и главным корпусом, к которому и вела прямая и наиболее широкая дорога, располагалось еще одно, самое странное из всех. Гладкий коричневый камень облицовывал весь его фасад с обилием балкончиков, башенок, непонятных выступов и переходов, а перед ним на вычурном постаменте возвышалась статуя коренастого мужчины в необычных, вытянутых вперед очках, пристально разглядывающего меч в вытянутых руках. Сочетание меча и очков меня крайне удивило, но, буду надеяться, позже я узнаю больше об этом корпусе.

Позади этих четырех строений находились какие-то мелкие постройки, которые я не смогла

рассмотреть, так как каждый из стоящих по бокам корпусов больше напоминал средних размеров замок и оттягивал внимание на себя. Хорошо хоть, строители придумали сделать их немного вытянутыми, но не вдоль главной дороги, поэтому об их истинных размерах мне предстояло только догадываться.

Людей, к моему удивлению, было немного. Наверное, потому, что было уже далеко за полдень. Я почему-то думала, что отправлюсь сюда как можно раньше, но Гидеон рассудил иначе и позвал позже. Наверное, чтобы меньше привлекать внимание магов и не попадать в общую толкучку.

Страх – вот единственное слово, описывающее мое состояние. Казалось, до этого я прыгала во времени, особенно не задумываясь о сохранности своей жизни, но теперь это перестало быть простым развлечением. Нужно быть осторожной и не допускать ошибок. Но как сосредоточиться, когда с каждым шагом приближения к главному корпусу у меня замирает сердце?

Возле него стояла большая толпа адептов, которые громко и шумно переговаривались. Один, высокий медноволосый маг в ярко-красном плаще, который, как мне казалось, был слишком вычурным даже для этого мира, играючи перекидывал отливающий синевой шар из одной руки в другую. Он что-то очень громко рассказывал, и, подойдя ближе, я уловила:

– ...Несется прямо на мастера Пиареля, тот только губами шевелит, не знаю, что он там плел. Я жажнул по упырю этому рубиновым силком...

– Прямо-таки силком, ты что, весь обвешанный амулетами был? Разве твоего плетенщика не отправили в лавку к Тробосу? – скептически вклинилась в монолог крупная и высокая магичка. – Или ты до этого всю практику не колдовал, резерв копил?

– Все-то тебе надо знать. Был у меня амулет, – отмахнулся от нее маг, но не стал пояснять, откуда же он его получил. – Пиарель там и рухнул, его эхом зацепило, потом в лазарете провалялся месяц. А безо всяких надсмотрщиков отдых ку-у-да увлекательней выходит.

Послышался еще один взрыв гогота, на этот раз преимущественно от мужской половины собравшихся.

Я старалась не смотреть на эту компанию, но стоило мне подойти, как тема разговора сменилась:

– Еще одна...

– Не маг, – чье-то презрительное.

– Понаберут деревенщин, – возмущенный шепоток.

Делая вид, что их не слышу, я приближаюсь все ближе и ближе, стараясь ничем не выдать своего страха и не ускорять шаг, как вдруг буквально в полуметре от моих ног в землю врезается молния. Тонкая, ветвистая, нестерпимо яркая. На миг ослепляет, против воли вырывая из груди испуганный вскрик. Я отпрыгиваю назад, и тут в заложенные уши, причем исключительно от шока, постепенно начинает проникать хохот. Бросив косой взгляд на шутников, я, забыв о гордости, избегаю вверх по ступеням и прячусь за неприветливыми дверьми.

В холле замираю, пытаюсь утихомирить взбунтовавшееся сердце. Боже, как тут вообще учиться? Пять минут на территории Академии, а сердце уже в пятках и выбираться оттуда в ближайшее время не планирует. Дыхание сбилось, я глотаю ртом воздух, как тогда, после подъема с глубины моря, упираю руки в колени, ища в них поддержку. Передо мной только что сверкнула молния. Причем это была не случайная воля природной стихии, а чья-то злая шутка. О таком у нас люди рассказывают как о ситуации, когда их жизнь была на волосок от смерти, и надеются, что это никогда больше не повторится. Они запивают испуг алкоголем и травят пьяные байки, а ты слушаешь и думаешь: «Вот бывает же такое!» Но сам увидев подобное боишься, опасаясь умереть от разрыва сердца. Вот и меня только что чуть не коснулась чертова молния. Ха-ха, прекрасная шутка, до слез рассмешила.

Слезы и правда появились, несмелые, они застыли в уголках глаз. Я вытерла их рукавом и резко выпрямилась.

Просторный, но довольно-таки мрачный холл. Стены не оштукатурены, серый камень неровными буграми выпирает. Его скрывают лишь несколько гигантских вышитых гобеленов

со сценами магических битв. Солнечный свет сюда не проникает, зато широкие проемы ведут куда-то вглубь, расходясь во все стороны от центрального зала. По центру располагается широкая каменная лестница довольно грубой отделки. Справа на стене я замечаю странное полотно. При ближайшем рассмотрении оно оказывается расписанием занятий с указанием корпусов и аудиторий, причем все надписи вышиты нитками разного цвета. Нет сомнений, что это не ручная работа, а магическая, потому что некоторые нити еще и светятся.

Но я не успеваю вчитаться, так как перед ним стоят составленные в ряд три деревянные парты, за которыми сидят трое и не сводят с меня пристального взгляда. Затем один из них, молодой парень в вышитой серебром зеленой мантии, торжественно произносит:

- Добро пожаловать, искательница знаний и силы! Я вижу, что вы не маг. Подойдите ко мне, и я проверю, можно ли проявить вашу силу.

Безропотно подхожу к нему поближе. Он впивается в меня цепким взглядом и с минуту не отводит глаз. Затем говорит:

- Ваша суть может быть выявлена. Пожалуйста туда, вторая дверь справа.

Он машет рукой в сторону одного из коридоров, я киваю и покорно иду дальше, следуя его указаниям.

За нужной дверью обнаруживается поточная аудитория. Деревянные парты из темно-красного дерева стоят полукругом, в центре располагается небольшое возвышение, где за столом сидит пожилая магиня. Черные, густо покрытые сединой волосы собраны в пучок, тонкие губы поджаты, между бровей залегли несколько особенно глубоких морщин. Лицо у нее маленькое, с резко очерченными скулами, а глаза темные, немного восточные. Она быстро строчит что-то на длинном свитке, не обращая ни на что внимания. Это и неудивительно, в аудитории кроме нее никого нет.

Но стоит мне подойти ближе, как магиня резко вскидывает голову и впивается в меня взглядом. Она напоминает хищную птицу, и под прицелом ее немигающих глаз я на нетвердых ногах подхожу к столу.

- Добрый день. Меня зовут Алесан Митрэ. Я хочу поступить в Академию, - произношу одереvenевшими губами я. Это единственные слова, которые я могу сказать о себе.

- Мастер Тханэш, - кивает она в ответ. - Я вижу, что вы можете стать темной, однако для зачисления вас в Академию мне необходимо удостовериться, что вы владеете элементарными навыками письма и счета. Заполните свиток, но не засиживайтесь.

С этими словами она протягивает мне один из множества свитков, стоящих в деревянной корзине возле стола, и прозрачный стержень.

Отходить подальше от выхода я особого смысла не вижу, поэтому устраиваюсь совсем недалеко от нее, предвидя провал. Пусть со счетом у меня вряд ли есть проблемы, но как быть с письмом? Даже если я и прочитаю что-то, написать ответ вряд ли смогу.

Но на раздумья времени нет. Стоит мне развернуть абсолютно пустой свиток, как в голове раздается обезличенный голос: «Приготовьтесь писать под диктовку». Я судорожно хватаю стержень, мимоходом замечаю внутри тонкую темную струйку чего-то туманного и начинаю писать: «Тренировочные игры третьего квартала ознаменовались применением запрещенного заклинания...» Из-под стержня выходит русское письмо, но стоит мне отвести взгляд и не пытаться понять смысл слов, как я вижу странную вязь, более всего напоминающую арабский язык. Разве что пишу я слева направо. Это странно, но времени на раздумья нет. Впрочем, я написала лишь строчек десять, как голос сообщает, что с этой частью задания покончено.

Затем на бумаге проявляется десяток простеньких задач уровня пятого класса, и я довольно быстро вписываю в нужную строку ответ.

А потом мне сообщают, что я могу сдавать работу. Не думая ни о чем, вновь подхожу к женщине. Она молчаливо просматривает свиток, водя кончиком стержня по строкам, периодически кивает, а затем говорит:

- Все верно, достаточно читабельно, хотя написание у вас все же странное. Совсем недавно научились держать перо?

- Д-да, - замешкавшись, отвечаю я. Что ж, вполне ожидаемо, что мои буквы немного не такие, как должны быть. Хорошо, что я вообще каким-то образом могу их писать.

- Похвальное стремление. Постарайтесь продолжать в том же духе и в дальнейшем. А теперь прикоснитесь к этому шару двумя руками и, не отрывая их, вспомните то, что заставило вас выбрать вашу сторону силы.

Мастер Тханэш выдвигает вперед крупный прозрачный шар на каменной подставке, и я послушно обхватываю его ладонями.

Воспоминания все так же яркие и живы. Я знаю, почему я темная, я поняла это сразу, как только сын господина Брора разглядел во мне тьму. Перед глазами вновь встала сцена сражения, храбрый капитан, надежда в его глазах, огромные тролли... Я представила, как они разрывают бравое гномье племя, едва лишь стена развеивается. Покореженные доспехи, оторванные головы, лужи тягучей бордовой крови... Пусть меня там не было, но это не отменяет моего преступления. Кажется, в моем мире это называется непреднамеренное убийство? Я не хотела, видит Бог, не хотела, но сделала, и вина за это будет преследовать меня вечно. Совершенное деяние окрасило мою душу тьмой, и никакие муки совести не могут стереть этого мрачного разъедающего мое сердце пятна. Руки начинают трястись, сердце болезненно сжимается от осознания недавно совершенного жуткого поступка. Мысли и образы, которые я прежде гнала от себя, разом накидываются на меня, словно завидевшие падаль стервятники...

- Хватит, прекрати! - Тревожный голос мастера послышался откуда-то издалека.

Я взглянула в шар и увидела клубящуюся в нем тьму. Она бурлила, металась, пытаясь выбраться наружу, и все прибывала и прибывала. Женщина произносит какое-то грубое сочетание звуков, и тьма вырывается мне прямо в лицо, на мгновение окутывает тело, а после испаряется без следа.

Медленно отвожу руки от шара, вновь ставшего прозрачным, и поднимаю глаза на мастера. Она смотрит на меня ошеломленно, испуганно и восклицает:

- Откуда в тебе столько тьмы?!

Что мне ответить? Я убила отряд гномов? Я не виновата? Так случайно получилось? Кого-нибудь вообще оправдывали эти слова, когда речь идет о чьих-то жизнях?

Я молчу, и постепенно женщина успокаивается. Подозрительность из ее взгляда никуда не уходит, и в конечном итоге она говорит:

- Это, конечно, ваше личное дело, Митрэ, но я должна вас предупредить, что Академия не предоставляет убежища скрывающимся от правосудия.

- За мной никто не придет, - отвечаю я, и испуг вновь возвращается в ее глаза.

Она нервно садится за стол и указывает мне на стул напротив. Очень тяжело смотреть на нее дольше секунды, не отводя взгляда, но я все же собираю волю в кулак и делаю над собой усилие.

- Это будет известно... остальным? - решаюсь на вопрос я.

- Мы не стражи правосудия. Ваши... прегрешения - это их работа, и если они ничего не нашли, то нас это не касается, - мастер отводит взгляд, но потом продолжает с учительскими интонациями в голосе, меняя тему: - Как вам должно быть известно, немаги могут получить только две квалификации: зельевар и филигранник. В вашем случае, основываясь на природе вашей силы, я предлагаю выбрать первый вариант. Скорее всего, вам будут прекрасно удаваться противоядия и... яды. Темных обычно очень мало, и мастера в данной области весьма востребованы. Но, конечно, если вы хотите выбрать другое направление, вы можете это сделать.

- Нет, все отлично, - несколько поспешно ответила я.

- В таком случае передайте этот свиток дежурному, - она что-то быстро черкает на свитке с моим заданием, а затем протягивает его мне со словами: - Отнесите на факультет целительства и зельеварения. Он справа от главных ворот, светлое здание. Вам выдадут учебные принадлежности, форму и определят в общежитие.

Я благодарю и выхожу на негнущихся ногах. Но стоит дойти до холла, как странное оцепенение покидает мое тело. Я поступила. Цена этого очень горька, и я рада, что мне не пришлось делать сознательный выбор между сестрой и другими людьми, чтобы выявить суть.

Произошли ужасные события, но они мне помогли. Это факт. И с этим нужно жить. Потому что мне есть ради чего.

К тому же, где еще найти нужное зелье, как не на факультете, куда меня определили?

Перед выходом из главного корпуса я глубоко вздохнула, подготовившись, насколько это возможно, к парочке молний, но на крыльце уже никого не оказалось. Обрадованная, я поспешила к дальнему корпусу, что ближе к воротам, втянув голову в плечи и не оглядываясь по сторонам.

Дорожки постепенно заполнялись народом, а я, вопреки здравому смыслу, смотрела не на людей, а под ноги, боясь столкнуться взглядом с очередным желающим пошутить.

Нужный корпус изнутри оказался очень светлым и приветливым. Бежевые каменные плиты плотно примыкали друг к другу, в кадках у широких окон пестрели самые удивительные цветы, а дежурный подошел ко мне сразу, как я перешагнула порог. Им оказался тощий беловолосый парень с очень тонкими чертами лица и ярким румянцем. Сразу подумалось, что у него есть примесь эльфийской крови, уж больно нетипичная внешность даже на мой посторонний взгляд. Как я уже успела заметить, многие местные имели смуглую кожу разнообразной степени интенсивности, и лишь такие вот светловолосые имеют светлую, практически молочную кожу.

Парень был одет в темно-зеленую мантию, украшенную нарядной серебряной вышивкой. Мне почему-то показалось, что это парадный вариант одежды и он так вырядился только из-за гордости от возложенной на него миссии по встрече новичков.

– Светлого дня, прекрасная адептка! – Он широко улыбнулся, и я не смогла сдержать улыбку в ответ. – Я дежурный, адепт третьего курса специальности «целительство», Милан Эливтэ. Покажите ваши документы, и я вас распределю.

– Светлого дня, адепт Эливтэ, – ответила я, протягивая ему свиток.

Он вчитывается пару минут, а я успеваю заметить, что он здесь не один. Возле одного из окон болтают еще двое адептов в зеленых мантиях и периодически косят глазами в нашу сторону.

– Пройдемте в кладовую, адепт Митрэ, – говорит Милан, отрываясь от чтения свитка, и делает приглашающий жест рукой в один из коридоров.

Мы идем по такому же светлому проходу, а затем сворачиваем и по небольшой лестнице спускаемся вниз. Здесь под потолком застыли светящиеся холодным белым светом шарики, отчего становится немного неуютно. Мне даже начинается казаться, что я боюсь магии, и эта мысль мне категорически не нравится. Не хватало еще в магическом мире обзавестись какой-нибудь магофобией.

Наконец мы входим в узкую дверь светлого дерева, а за ней обнаруживается что-то вроде широкого прилавка со стеллажами позади. Кладовщица, полная и очень низкая женщина средних лет, окидывает меня неприязненным взглядом.

– Что? – недовольно произносит Милан, тоже его заметив.

– Понаберут всяких, – фыркает она в ответ и, когда я уже приготовилась к отповеди в стиле «не буду обслуживать темную», говорит: – Мелкая и тощая. И узкая в плечах. Тут форму так просто не найдешь.

Она разворачивается и важно шагает к стеллажам, хотя сама такая же мелкая, разве что толстая и коренастая. Милан же тупо уставился на мою макушку, впервые осознав, что я ему только по подбородок. Но дальнейшие слова никак не относятся к этой ситуации:

– Помимо формы, вам выдадут карту территории, расписание занятий и список учебной литературы. В комнате вас ждет первичный набор необходимых для зельевара приспособлений. Занятия начинаются послезавтра, завтра еще один день набора, поэтому вы можете прогуляться по городу. Но вам нужно вернуться к семи часам вечера, в это время состоится инструктаж первого курса.

– Хорошо.

– Также завтра по территории Академии и особенно по территориям других факультетов гулять не рекомендуется, пока вы не ознакомитесь с основными правилами поведения в Академии. Столовая начнет работать только в день начала занятий. Все понятно? – Голос Милана был строг, но на губах играла легкая улыбка. Ему нравилось учить новичков.

Вскоре из-за дальних стеллажей появилась кладовщица. Она заставила меня примерить несколько пар черных туфель, чтобы в итоге дать только одну, самую потрепанную, а затем и высокие сапоги из странной чешуйчатой кожи. К обуви прилагалась одна белая блузка, одни зеленые штаны из грубой ткани, которые следовало заправлять в сапоги и носить в дни вылазок в лес или в теплицы, одну длинную зеленую юбку с высокой талией и шитым широким поясом чуть ли не под грудь и длинный утепленный то ли сюртук, то ли пиджак. Также мне вручили длинные перчатки из той же чешуйчатой кожи, что и сапоги. Примечательно, что мантии не было в составе формы. Наверное, ее приобретали самостоятельно, чтобы покрасоваться на каких-либо официальных мероприятиях.

После этого мы зашли еще в одну комнату, располагавшуюся в этом же удивительно сухом и теплом подвале, где мне всучили упомянутую карту с расписанием и определили в комнату четыреста тридцать три.

Мы с моим провожатым вновь вернулись в холл и по широкой лестнице поднялись на четвертый этаж, где и находилась предназначенная мне комната. Прежде чем вручить ключ, Милан сообщил, что этот этаж исключительно женский, для всех курсов зельеваров, а ванные комнаты общие для всех на этаже. Впрочем, мужчинам по этому этажу ходить не возбранилось. Порадовало, что хоть комнаты не оказались общими.

Моя комната была маленькой и светлой. Узкая кровать из светлого дерева стояла у правой стены, прямо под окном. Слева от нее находился очень странный письменный стол, вызывающий ассоциации с партами советского периода. Столешница располагалась под небольшим наклоном, но небольшая полоса стола, крайняя к стене, все же была под нормальным углом. Именно на ней стояла темная пирамида со скошенной вершиной и деревянный стакан с несколькими прозрачными стержнями, такими же, какими я писала при поступлении. Также к столу крепилось некое подобие большой тубы, в которой лежали туго свернутые пустые свитки бежевой бумаги.

Между кроватью и столом стояла небольшая тумбочка из такого же светлого дерева. На этом сходство с обычной спальней мебелью заканчивалось.

Вдоль стен, за исключением одной, занятой окном, располагались широкие в длину и узкие в глубину шкафы. Открыв один из них, я обнаружила внутри полное отсутствие полок и наличие множества горизонтальных жердей. В углу находился моток бечевки. Когда первое оцепенение спало, я догадалась, что это место для хранения трав, которые надлежало связать в пучок и повесить на жердь.

Другой шкаф оказался с полками, на которых покоились множество пустых флаконов самых разных размеров, узкий свиток бумаги и такая же бечевка. Наверное, надо писать названия зелий на бумаге и приматывать их ниткой к горлышку. Но полной уверенности в этом не было.

А еще у одной стены, где и была дверь, стоял высокий стол с поцарапанной поверхностью, да к тому же и в странных пятнах. На нем располагалась горелка с разными делениями, от прикосновения к которым возникал огонь разной интенсивности, тренога, на которую крепился поцарапанный котел, ступка, весы, пара ножей, несколько разделочных досок и выбивавшийся из общего зельеварного натюрморта покореженный чайник. Как ни удивительно, все эти приспособления были чистыми, хотя и с разными царапинами, вмятинами и намертво въевшимися пятнами.

Рассмотрев убранство комнаты, я улеглась на кровать с картой, не снимая одежды, хотя бы потому, что переодеться мне было не во что. И где-то на этаже со столовой главного корпуса уснула.

Проснулась я от недовольного бурчания желудка и легкой тошноты. Порой, когда мне очень хочется есть, такое случается. Сразу подумалось о горячем черном чае с бутербродом на завтрак, но стоило открыть глаза, как на смену голоду пришел испуг.

Под мягким лунным светом проступали очертания незнакомой комнаты. Сердце бешено застучало, и понадобилось какое-то время, чтобы вспомнить, где я. Неудивительно, что я проснулась ночью, ведь после всех моих путешествий я вырубилась часов в семь вечера. Тут же вспомнила о еще одной проблеме – невозможности сориентироваться во времени. Никаких часов у меня нет.

Вновь прикрыв глаза, я попыталась уснуть, но это оказалось непросто. Никак не выходило из головы ущелье, и стоило вспомнить лицо командира, как сердце начинало щемить, а в горле появлялся комок горечи. Стоило принудить себя подумать о чем-то другом, как вспоминался вихрастый мальчик в пустыне, которого у меня не было ни малейшего шанса спасти. Затем на ум пришел образ сестры, и эта боль была так сильна, что у меня все же не получилось справиться со слезами. Они, непрощенные и нежеланные, полились из глаз, грозясь перерасти в рыдания.

Нет, так дело не пойдет. Мне ни в коем случае нельзя оставаться наедине со своими мыслями. Меня нет. Моих чувств нет. Есть только цель, которую я должна достигнуть.

Напомнив себе об этом решении, я поднялась с постели, пытаюсь различить очертания предметов. Где-то же здесь должен быть свет? Это же этаж не для магов, тут должен быть выключатель для обычных людей.

Я прошла вдоль стен, ощупывая их. Затем похлопала. Скомандовала пустоте: «Свет!» Щелкнула пальцами. Посвистела. Помахала руками, пытаюсь найти нужный жест. Светлее не стало, единственный результат – то, что я окончательно проснулась от такой зарядки.

Вновь сев на кровать, я принялась вспоминать свою комнату, виденную при дневном свете. Каждый предмет. Каждый свиток. Каждую веревку. Раз за разом перебирая в голове виденные предметы, я пришла к выводу, что не догадываюсь о предназначении только одного предмета – загадочной темной пирамиды на столе. Взяв ее в руки, я начала вертеть ее так и сяк, и вскоре удача улыбнулась мне. Стоило провести рукой по скошенному краю, как из него выплыл крупный белый шар, вмиг озаривший комнату ярким светом и испугавший меня до дрожи в руках. От испуга я выронила пирамидку, но шар ничего не поджег. Он завис над скошенной вершиной сантиметрах в двадцати и немного пульсировал. Опытным путем выяснилось, что если провести по скошенному краю вновь, шар пропадал. Но даже при его повторном «включении» я снова шарахалась. Ненавижу магию.

Не зная, когда ожидать рассвет, и понимая, что идти гулять ночью по городу – самоубийственная идея, я вернула теперь уже зажженную пирамидку на тумбочку и принялась вновь изучать карту.

Тонкие линии были окрашены в разные цвета, и теперь я начала соотносить их с факультетами. Здание моего было очерчено зеленым цветом, как и моя форма. Я смогла увидеть на бумаге, как распределены по этажам курсы. Верхние этажи отводились под общежитие, первый – под лекционные залы, второй – под лаборатории. На самом последнем, пятом этаже, часть крыла отводилась под комнаты преподавателей.

Позади нашего корпуса я увидела очертания нескольких теплиц под номерами, огород и лес, который также захватывал территорию соседнего корпуса. Тот мне помнился как высокий и тонкий. Оказалось, что это факультет прорицания и астрологии, и он был прорисован фиолетовым.

Корпус, больше похожий на крепость, принадлежал факультету боевой магии и был прочерчен синими штрихами. Но, судя по буквам, всплывающим на свитке вслед за прикосновением к нему пальцев, этажи делились между боевыми магами и ведьмаками. Мерцающее поле позади этого корпуса носило название тренировочного полигона, а за ним располагались ангары.

Вычурное здание по соседству было факультетом артефактологии, где учились артефактники и те самые загадочные филигранники, в чьи ряды я могла влиться даже с моим отсутствием магии. Позади этого корпуса находились металлообрабатывающие и строительные мастерские, а также подвалы. Это здание было прорисовано коричневым цветом.

В главном же корпусе, к которому вела основная дорога, на первом и втором этажах разместились общие поточные аудитории и столовая. На следующих этажах находились библиотека, музей, преподавательские, кабинет ректора, лаборатории мастеров и магистров.

Я пыталась впечатать эту карту в память, водя пальцем по причудливым линиям, но запомнить бесконечное количество аудиторий не представлялось возможным. Хорошо хоть, примерный план остался в голове, а так буду всегда носить с собой карту.

Затем настала очередь изучения расписания. Здесь нашлись такие предметы, как «Теоретические основы взаимодействия зельеварения и целительства», «Травоведение», «История развития магической науки», «Биогеография Смешанных земель», «Основы зельеварения», «Практические особенности сбора трав», «Практические особенности работы с животным материалом», «Сравнительная межвидовая анатомия». В неделю оказалось десять дней, семь из которых посвящены учебе, один – «самостоятельной научной работе» и два – выходные.

На осмотр всего этого ушло немногим более часа, а за окном только начало светать. Желудок нещадно молил о пощаде, чайник привлекал взгляд, но самого чая здесь не было.

Это побудило меня отрезать ножом небольшой кусок свитка, вооружиться стержнем и приняться придумывать, что же мне нужно купить из самого необходимого. Гидеон дал немного денег, да и обещал помочь с одеждой, поэтому я прикину примерный список нужных вещей и потом все у него уточню.

После долгих раздумий я решила, что мне в первую очередь необходимы: местное подобие часов и будильника, затем носки, чулки или колготки, ночная рубашка, полотенце, мыло или шампунь, лента или резинка для волос, сумка для учебников, зубная щетка и зубная паста или порошок. Подумав еще немного, я чуточку обнаглела и включила в список чай, сахар, кружку и ложку.

Когда утреннее солнце начало заполнять светом комнату, я взяла деньги, вышла из спальни, умылась у вполне приличной раковины на этаже и отправилась покорять город.

Мой четвертый этаж более не пустовал. Пара сопровождающих в парадных зеленых мантиях показывала новеньким их комнаты. Одним из них был третьекурсник Милан, который приветственно мне кивнул. Тёмноглазая девушка восточной внешности не сводила с него глаз, и мне тоже досталась толика её немного напряженного внимания. А девчонки здесь такие же! Тоже влюбляются в старшекурсников с первого взгляда.

Эта ситуация на время приглушила поднявшуюся волну тревоги. Я уже закончила университет, и годы в нем казались мне самыми прекрасными и интересными. Лето после получения диплома было глотком свежего воздуха, долгожданной свободой от надоевших экзаменов, пар и ранних подъемов, но потом это ликование от обретенной свободы спало. Взрослая жизнь ткнула меня носом в быт среднестатистического человека с не такой уж интересной работой, не такими уж веселыми и молодыми коллегами и не такими уж вечно готовыми к приключениям бывшими однокурсниками. Взрослая жизнь оказалась скучной.

Я тосковала по студенчеству. И хотя зубрежка ещё хоть одного конспекта представлялась каторгой, в какой-то мере я была рада вновь окунуться в эту среду. Теперь у меня другая цель, и оценки меня мало волнуют, ведь будущее в этом мире я строить не собираюсь. Так что можно только прикинуться студенткой, не захламляя мозги больше необходимого.

Комната встретила тишиной и пустотой. Моё убежище. Потертое дерево казалось родным и привычным, хотя я провела тут всего лишь одну ночь. Здесь я могла спрятаться от магии, от страха, который преследовал меня в моем мире, от мыслей о неизбежном горе. Я слишком быстро привязалась к этому месту, так нельзя. Я не должна позволять себе никакого личного отношения, иначе у меня ничего не получится.

Но уголки губ поневоле трогала улыбка, когда я разбиралась с потертым чайником и разворачивала пирожки. Я обязательно стану сильной и смелой... но не сейчас. В этой комнате я могу быть слабой, могу быть собой — наивной глупой дурочкой, которая верит в чудеса и боится неизвестности и боли.

Остаток дня я провела, раскладывая по местам одежду и купленные принадлежности. Комната всё равно выглядела пустой и необжитой, но это не мешало мне с удовольствием растянуться на узкой кровати с кружкой чая в руке и картой перед глазами. Когда же стала приближаться время сборов, я переоделась в белую форменную блузку и юбку, а затем испробовала на себе купленный гребень. Волосы заструились красивой волной вслед за движением моих рук, и мне было немного жаль стягивать их лентой. Они у меня красивые, хоть и не особо яркие. Лишь на свету горят золотом, а в свете ламп мерцают легкими искорками. Быть блондинкой куда эффектнее, но свой цвет волос я бы ни на что не променяла. К тому же он очень подходит к моим зеленым глазам. В этом простом наряде я даже сама собой залюбовалась. Хорошо выгляжу... для человека.

Немного раньше семи в комнате раздался громкий призыв собираться холле на первом этаже. Я сразу же выбежала из комнаты и спустилась вниз, замерев в одном из углов помещения. Оно быстро наполнялась народом, и не прошло и пяти минут, как перед нами предстал невысокий полноватый мужчина средних лет, привычно смуглый и весь заросший черными кудрявыми волосами. Его борода напоминала бороды гномов из старой сказки, но сам он гномом не был, насколько я уже могла определить.

Он вышел из одного бокового коридора, и адепты сразу отхлынули от него, обступив затем полукругом. Когда зазвучал его громкий и ясный голос, стало понятно, что именно его призыв, звучащий по этажам, собрал нас здесь.

— Темного вечера, адепты. Я куратор первого курса зельеваров, мастер Нораак. Следуйте за мной.

И наша небольшая толпа из не более чем пятнадцати человек послушно последовала за ним. Идти оказалось совсем недолго. Мастер приветливо распахнул вторую дверь бокового коридоре и пропустил нас внутрь.

Аудитория была небольшой, с партами на одного человека. Я села за третью у окна, и принялась оглядываться по сторонам. Светлые стены сплошь заполнены картами с окрашенными разными цветами участками. Судя по сносам, тот или иной цвет или значок обозначал ареал произрастания определенных видов растений или проживания животных.

Мастер быстро захлопнул за последним вошедшим дверь и энергично двинулся к своему

столу. Но не присел, замер у его края, положив на угол свиток.

— Мы находимся в аудитории биогеографии. Я буду преподавать у вас «Биогеографию Смешанных земель» на первом курсе, а на следующих мы с вами выйдем и за пределы наших территорий, — он посмотрел на нас с таким азартом в глазах, что даже мне захотелось доучиться до второго курса. Но я быстро прогнала это желание. — Так же ко мне вы можете обращаться со всеми проблемами, связанными с учебным процессом или с теми, что мешают вам должным образом в нём участвовать. Но сначала мы с вами познакомимся. Я буду произносить ваше имя, и прошу вас встать, чтобы я мог вас запомнить, да и ваши однокурсники тоже. Алесан Митрэ.

Я вздрогнула. Совсем не ожидала, что моё имя окажется первым. Странно, что тут список не по фамилиям, а по именам. Но это не помешало мне послушно встать, получить кивок преподавателя и поспешно сесть на место. Такое всеобщее внимание немного пугало, но я понимала, что стоит подавлять своё естественное желание прятать глаза в пол и ссутуливать плечи. Это выглядит довольно-таки подозрительно, я ведь не двенадцатилетняя школьница уже.

Вскоре мой ступор прошел, и я смогла обратить внимание на однокурсников. Даже несмотря на то, что большинство из них выбивались внешне из привычных мне человеческих образов, их я практически не запомнила. У меня очень плохая память на лица, и это неприятное свойство моего мозга вечно меня подводит. А учитывая тот факт, что большинство местных жителей были смуглокожими и темноволосыми, шансы научиться быстро их опознавать стремительно таяли.

Вот и на этот раз я выделила немногих: удивительно красивую высокую девушку с идеально прямыми черными волосами по имени Амида, широкоплечего парня с включенным мышино — русым ёжиком волос по фамилии Браат из-за понятного созвучия со словом русского языка и очень скромную и зажатую Рину. Последняя запомнилась как раз потому, что вела себя так, как я запрещала себе. Она краснела под внимательными взглядами однокурсников, прятала глаза под густой челкой и вела бы себя крайне подозрительно, не имей она совершенно типичную внешность для этих мест.

После представления последнего адепта мастер продолжил речь:

— Вот теперь вы и знакомы друг с другом. Вглядитесь в лица своих сокурсников, вам предстоит пройти вместе и гнев заведующего лабораториями, и любопытство нашей несравненной магистра травницы, и мученическое исполнение наказаний под моим несравненным руководством, — Нораак хмыкнул, одобряя комплимент самому себе. — Но запомните самое главное правило, которое действует в пределах академии с момента начала занятий: не причиняй вред тому, кто не может тебе достойно ответить. То есть, разьясняю для особенно непонятливых, ибо таковые всё же находятся в немалых количествах во время обучения: вам запрещено готовить и подливать вредоносные зелья кому-то за пределами курса зельеваров. Точно так же целители не трогают вас, и уж тем более маги боевого направления. В случае чего виновник будет найден, можете не сомневаться. Все споры и ссоры между адептами решаются в рамках академических тренировочных боев, но на первом курсе вас до них всё равно не допустят. Всё понятно?

Мы синхронно кивнули, ибо довольно добродушный мастер при этих словах принял удивительно строгий и непримиримый вид, даже борода воинственно встопорчилась.

— Вам разрешено покидать пределы академии, но когда в права вступает Темная мать, вы должны вернуться в корпус. Исключения составляют только выходные дни. В них вы вольны делать всё, что вам заблагорассудится. Если во время пребывания за пределами академии вы нарушите правило непричинения вреда, то дело попадет под юрисдикцию магического совета, а его гнев намного более суров, нежели гнев вашего куратора. Так что сохраняйте голову на плечах, не давайте Темной матери затуманить вам разум. Это, надеюсь, тоже понятно?

Ещё один слаженный кивок.

— Вот и отлично, — мастер позволил себе добродушную улыбку, которая наполовину потерялась в кудрявом ершике бороды. — А теперь ступайте отдыхать. Завтра у вас ответственный день. И поздравляю вас! Теперь вы адепты одной из самых лучших академий Смешанных земель!

Я улыбнулась всеобщим восторгом, которые вылились в хлопки и вздернутые в странном жесте руки: ладонь стиснута в кулак, лишь большой палец оттопыривается, и это очень напоминает жест автостопщиков, только рука вытягивается вверх, а не вбок. Наверное, для

многих адептов этот день стал знаковым в судьбе: они поступили, проявили силу, получили возможность прожить безбедную жизнь. В свой день поступления в вуз я думала так же. Только вот выяснилось, что жизнь не вертится вокруг университетских лекций, и все твои знания окажутся бессильны, когда ты столкнешься с чем-то, что выходит за пределы человеческих возможностей. Но долой грустные мысли! Я тоже счастливый адепт, и даже неважно, какой ценой я получила силу, верно же? Так что улыбаемся и кулак тоже вскидываем.

В первый день учебы всё было не так. Прозвенела легкая трель будильника, и я встала так быстро, словно и не спала вовсе. Мне повезло с душевой и умывальной: народа там практически не было. Мне даже не пришлось понимать принцип, по которому с потолка душевой струилась теплая вода: достаточно было всего лишь в неё войти, и над одним из участков маленькой кабинки сгущалась маленькая серая тучка, которая спустя пару мгновений проливалась дождём.

А затем выяснилась причина моего утреннего везения: я пропустила обед. Пока все ранним утром приводили себя в порядок, стояли в очередях и бежали в столовую, я преспокойненько собиралась. Вот и дособиравшись — осталась без завтрака. Пришлось довольствоваться кружкой чая с тремя ложками сахара, но от него лишь стало немного подташнивать. Желудок-то не промах, его так просто не проведешь.

Далее начались занятия. По карте я ориентировалась превосходно, внимания на ещё одного адепта никто не обращал, поэтому на лекциях я сидела тихонечко и записывала разные теории и классификации, которые сразу же начали навевать скуку. Никогда не испытывала особой любви к ботанике, но растения любила и помогала маме с клумбами и огородом. Но этих знаний, естественно, было недостаточно.

На обед я увязалась за Риной. Она нуждалась в компании и чувствовала себя очень неловко, и я эту компанию ей предоставила, чтобы не выделяться в качестве одиночки. Заводить друзей я не планировала, поэтому пошла по пути наименьшего сопротивления — выбрала того, кто был рад любой дружеской поддержке. Зато уплетая странные картофельные хлопья с жареной куриной ножкой, я узнала, почему она такая тихая: всю жизнь Рина провела при храме Светлой матери, помогая больным и нуждающимся в крове, там-то и созрела почва для проявления светлой силы. Поэтому ей было неловко в обществе обычных людей, поэтому она стеснялась и сторонилась шумных и неугомонных адептов — не было в академии покоя и участия светлых сестер. И я дала ей то, что нужно, — внимание и ненавязчивость под легким соусом теплой улыбки и живого интереса.

А после лекций, которые я прослушала вполуха и не вылезая из собственных мыслей, я сразу же отправилась в библиотеку. Она занимала, наверное, треть второго этажа главного корпуса и давила своей мощью и старостью. Для меня сразу стал явным некоторый диссонанс, который был ещё одним свидетельством наличия магии в данном обществе, — при всей окружающей тьме, серости каменной кладки, внушительности стоящих на каждом углу статуй помещения было сухим и теплым. В воздухе не замирала пыль, в носу не свербело после перелистывания страниц, а маленькие и уже привычные светильники на столах окружали пространство длинных деревянных столов ровными кругами света.

Сначала я подошла к библиотекарю, длинному пожилому мужчине с очень узким лицом по имени мастер Леванэ. Возможно, в его роду были эльфы, уж очень был он каким-то узким, но так как я их опознаю пока только по волосам и иногда по странным глазам, тут я ничего не могла сказать наверняка, ведь волосы у мастера были седые.

Он очень удивился, увидев адепта в первый день обучения, и охотно разъяснил мне правила: книги, не относящиеся непосредственно к моему курсу обучения, изучать можно лишь в помещении библиотеки, но она работает круглосуточно. Темное время суток накладывает ограничения лишь на посещение внешних пределов академии, а по внутренней территории мы можем перемещаться круглосуточно и в любых направлениях.

Мне предстояло решить, что важнее: зелье, исцеляющее от человеческих болезней, или способ его пронесения сквозь ткань миров. Подумав, я решила сперва заняться первым, чтобы точно знать, что мне будет, что пронести. Тут с выбором книг проблем не было: я взяла три тома под названиями «Способы влияния на человеческое тело с помощью зелий», «Принципы изготовления зелий для людей» и «Человеческие болезни и способы их лечения. Новейшие рецепты».

Устроившись поудобнее на обитой бордовой материей деревянной лавке, я погрузилась в чтение. Страницы перелистывались одна за одной, встроенный в мою голову переводчик не всегда находил синонимичные названия болезней, но в общем процесс шел неплохо. Уже по завершении листания первой книги я сделала две закладки с зельями, похожими на те, что мне нужны.

Когда за окном забрезжил рассвет, я уже окончательно определилась в пользу одного из зелий. Оно полностью регенерировало ткани в легких, а оттуда, если какая-либо болезнь

выходила за их пределы, расплзлось по другим органам, приводя в здоровый вид те места, где находила вредоносную болезнь. Так же сообщалось, что зелье очень действенное, среднего уровня сложности и направленного действия, то есть необходима была кровь кого-то из близких родственников. Единственный недостаток — готовится две недели. А до этого мне ещё нужно подобрать ингредиенты. Но это радостная новость!

С чувством небывалого облегчения, радости и шила в одном месте от переизбытка эмоций и желания действовать прямо здесь и сейчас, я отправилась в душ, а потом и в столовую.

В этот день после занятий я даже сделала себе маленькую поблажку — разрешила себе просто поспать, забив на ужин и появившиеся домашние задания. И этот сон был прекрасен.

Как бы странно это ни звучало, но жизнь постепенно вошла в какую-то колею. Я перестала шарахаться от магов, особенно от магов в синих мантиях. С ними я пересекалась лишь в столовой, но там они вели себя относительно смиренно — молнии не разбрасывали, хотя шуму от них было немеряно. Мой обидчик встретился мне лишь однажды в непосредственной близости, он прошел мимо и даже не взглянул в мою сторону. Впрочем, маги все игнорировали зельеваров — первокурсников, считая общение с нами ниже своего достоинства. Рина особенно от этого страдала. Как человек, привыкший отдавать душу, пытаюсь помочь другим людям, она не понимала, как можно так откровенно кого-то игнорировать и считать пустым местом. Я её успокаивала, а сама радовалась, что их внимание обходит нас стороной. В глубине души я всё равно знала, что боюсь магии до потери пульса.

Но ради справедливости стоит сказать, что такое отношение было не ко всем зельеварам. Иногда компании в зеленом, синем и коричневом садились за один стол и о чем-то горячо спорили, объединенные общей тайной. Но нас, адептов первого курса, это определенно не касалось.

Занятия постепенно переставали быть скучными. Пару раз мы выбирались в теплицы и обрезали, поливали, пропальывали разные травы или собирали их в пучки и сушили. Так в моём шкафу появился пучок валерианы, шуплый корешок женьшеня и горсть ягод иссиня — черных белладонны. К последней нам выдали зачарованные мешочки, которые должны были законсервировать её в нынешнем состоянии на год. Это оказалось весьма кстати, так как она входила в состав зелья, которое мне нужно приготовить.

Ещё нам обещали поход за травами в лес, как только определятся с сопровождающими. Наша главная травница, магистр Намерин, действительно оказалась весьма любопытной и настырной, и забывала обо всем, стоило ей войти в теплицы. Однажды она долго складывала пучки с валерианой в ведро с удобрениями, пока Браат, самый смелый из нас, не пошутил, что на таких харчах она вырастет заново. Тогда уж магистр и опомнилась. Пожалуй, нам действительно нужно было сопровождение в магическом лесу с таким-то преподавателем.

Окружающая обстановка, окружающие адепты постепенно превращали меня в другого человека — человека, которым я не хотела быть. Если бы кто-то мне сказал раньше, что можно изменить характер за неделю, я бы в жизни не поверила. Но я не узнавала себя. Вместо того, чтобы делиться радостью, я замкнулась в себе. Вместо того, чтобы поддерживать живой разговор и шутить в унисон с сокурсниками, я скромно отмалчивалась и ограничивалась короткими пустыми фразами из-за невозможности развивать тему. Мне нечего было сказать ни по поводу очередного разгула троллей на границе, ни по поводу предстоящего праздника Двуетной Матери, ни по поводу того места, где я якобы росла. И — самое главное — вместо того, чтобы шагать по коридору, гордо неся свежеприобретенное звание адепта, я сжималась и ловила себя на той мысли, что нервно оглядываюсь. Я обещала себе быть сильной, но пока эта сила появлялась лишь в упорном штудировании учебников. Напротив, такой слабой и незащищенной я не чувствовала себя давно, и даже постепенное привыкание к непроходящему чувству опасности не делало мне чести.

Однажды, засидевшись до полуночи за учебником в библиотеке, я всё же решила уйти пораньше. Чудодейственные свойства смолы драконника, равно как и способы её хранения, были чрезвычайно важны и даже занимательны, но постоянно косившийся в мою сторону мастер библиотекарь меня настораживал. Мне не хотелось казаться совсем уж подозрительной, уж если в первый день неожиданный интерес к знаниям можно было списать на вдохновение от полученного звания адепта, то засиживание допоздна во все остальные дни и даже — самое крамольное — во время ужина делало меня очень странной личностью. Я такой и была, но нужно всё же поумерить свои желания узнать всё и сразу об ингредиентах зелья.

Особенно неприятно стало, когда он начал ходить взад — вперед возле моего стола. Я боялась, что он начнёт заглядывать мне за плечо, чтобы узнать, что же я так увлеченно читаю. Это раздражающее поведение продолжалось уже пару дней и начиналось после того, как последний адепт покидал библиотеку. Вот и в этот раз, стоило высокому лохматому парню в синем, непонятно каким ветром сюда занесенному, выйти, как библиотекарь засуетился.

Я сочла за лучшее убраться из библиотеки подобру — поздорову.

Винтовая лестница, напрямую ведущая со второго этажа библиотеки на первый, минуя коридор с лабораториями второго этажа, в этот раз была непривычно тускло освещена. Я неосознанно замерла на её вершине, порываясь достать мобильник, чтобы посветить, но потом

чуть не расплакалась от того, что даже такой привычной вещи нет рядом. Как же я скучала по дому! Как же я скучала по всему нормальному! Как же мне хотелось, чтобы мама меня обняла и сказала, что всё будет хорошо, а сестра привезла шоколадку в обмен на сплетни. Но это было так далеко, словно в другой жизни.

Слезы сами собой, словно из ниоткуда, появились в глазах, готовые пролиться от ещё хоть одной мысли о доме. Стоило бы проморгаться и не начинать спускаться с пеленой на глазах по крутой лестнице, но я наплевала на элементарные соображения о безопасности.

Они и не понадобились.

Посреди лестницы я сделала шаг на очередную ступеньку и заорала что есть мочи. Слезы всё же брызнули из глаз, а дикая боль сковала всё моё тело, исходя из ноги. В неё вцепилась словно тысяча мелких зубов, разрывая подошву и пронзая плоть. Я никогда ничего подобного не испытывала и, пошатнувшись, упала на лестницу, поскуливая, словно побитая собака.

Спустя пару мгновений на лестнице возник тот лохматый парень, что ушел передо мной, и громко крикнул на весь этаж:

— Зер, придурок, выходи! Ты промахнулся!

Парень опустил передо мной на колени, крепко сжал плечи и спросил, пытаюсь заглянуть мне в глаза:

— Ты как? Регенерировать сможешь?

Не получив ответа, он потряс меня, но вызвал этим лишь моё громкое истеричное «Ааа!».

— Что ж ты за целитель-то такой? — зло процедил он, а потом вновь крикнул в никуда: — Зер!

— Я... зелье... — сквозь дикую боль только это получилось выдавить, но он услышал.

— Темная мать! Ты слышишь, Зер! Она даже не магичка! Идиот, выходи, тебе же хуже будет, если ты даже не поможешь!

Откуда-то сверху лестницы послышались шаги. Кто-то приблизился сзади и остановился, шумно выдохнув. Парень напротив наконец отпустил мои плечи, резко поднялся и быстро дернул рукой. Голубой искрящийся шар мгновенно сооткался в его ладони, но вместо того, чтобы просто осветить пространство, парень сделал неувловимый жест, опуская шар и цедея сквозь зубы «тёмный сын». Всё это заняло всего пару секунд, но мне они казались вечностью.

Где-то за спиной послышалось ругательство, запахло гарью. Но ответа не последовало, тот, другой, лишь буркнул «отойди» и оттеснил нападающего от меня.

Сквозь ручьи слез, продолжающие литься из глаз, я сумела разглядеть только темный силуэт. Он вытянул руки над моей ногой, что-то зашептал, но боль не пропала, лишь появилось какое-то странное чувство, которое я никак не могла выделить из всего испытываемого спектра самых отвратительных ощущений.

Затем меня подняли на руки и куда-то понесли. Парень из библиотеки поплелся следом, спросив:

— Куда?

— К ректору. Всё равно ведь выплывет.

— Как ты мог так просчитаться?

— Откуда мне знать, что кто-то ещё застрянет в библиотеке? Это же тебе отработку назначили после трени, другие придурки так допоздна не засиживаются. Это был идеальный момент!

Позади хмыкнули, но голос отвечающего был совсем не веселым:

— Хотел бы сказать, что так тебе и надо, но ты конкретно попал, Зер. Вряд ли тебя отчислят, но парой отработок ты точно не отделаешься.

— Сам знаю, Ант, — рыкнули над головой.

Затем меня перехватили как-то совсем неудобно, вызвав очередной мучительный приступ боли и громкий стон. Как оказалось, эти манипуляции нужны были, чтобы постучать в дверь.

Затем её распахнули пинком, вошли и сгрузили меня в довольно жесткое кресло у какого-то стола.

— Хараш, что случилось? — голос третьего был басист и взволнован. — Почему адептка в крови?

— Неудачная шутка, — коротко отрапортовал невидимый мне Хараш. — Я пытался подловить Бераака, но под раздачу попала она. Готов понести наказание.

— Чтоо ты сделал? — закричал третий, и с каждым новым словом тон его голоса повышался, грозя сорваться на ультразвук. — Совсем заигрался? Вот и вышла шуточка боком! Тебя же предупреждали! Тебя же даже на каникулы вовремя не отпустили, чтобы ты хоть чему-то научился, но всё равно нейдет ему! Олух! Темная мать с шеи не слазит, так сходи в храм к Светлой!

Минутная пауза. Третий рывками хватает воздух, которого не хватает от быстрой речи.

— Я вызываю магистра. Пусть он наказание назначает, — говорит решительно, а позже шепчет какое-то заклинание.

Все замирают на какое-то время. Я полностью сосредоточиваюсь на боли, не думая даже о том, что ведь подол юбки мокрый от крови, а весь верх рубашки — от слез. Повязка на голове висит абы как, сползает на глаза, вдвойне закрывая обзор. Но мне не до этого. До ноги дотрагиваться страшно, и я сжала руки на животе, прижимая их к нему что есть сил, как будто от этого что-то изменится. Кажется, я даже слышу тихий стрекот стрелок часов, отмеряющих каждую секунду этой боли и отдающихся толчками в груди. Дышать становится так тяжело, что воздух попадает внутрь только с хрипами, от которых болит вся грудная клетка.

Наконец дверь открывается и появляется четвертый участник сцены. Его голос тягуч, но мрачен:

— Что случилось?

— Твой... Хараш покалечил девушку, не магичку, как видишь.

— Он... что? — и так много холодного негодования в этом «что», что я боюсь представить, как смотрит на Хараша этот долгожданный магистр. Кажется, никого я ещё настолько сильно не ждала в ожидании того, что этот кошмар закончится. Я уже разучилась говорить и всхлипы — мой единственный способ вести диалог.

— Так случайно получилось, магистр. Но я понимаю всю глубину своей провинности и готов нести всю ответственность.

— Ещё бы ты не был готов! — восклицает четвертый, и пауза мне подсказывает, что он смотрит на меня.

Я согнулась в три погибели и, должно быть, представляю собой жалкое зрелище.

— Уважаемый адепт третьего курса, скажи-ка мне, что ты сделал для того, чтобы хоть немного преуменьшить свою вину? Может, заклинание какое применил?

— Естественно, — фыркает адепт. — Я применил консервацию, а целители долечат. Понятия не имею, почему она так ревет.

Тяжелые шаги. Магистр приближается, но поступь его нетороплива. Он выжидает.

— А скажи-ка мне ещё, адепт, к чему именно ты применил консервацию?

Минута затишья, и на выдохе:

— О нет...

— Да, теперь её туфли отлично законсервированы. Ты прекрасно справился со своей задачей, Хараш! — вот теперь четвертый реально зол.

Он садится совсем рядом, его руки аккуратно дотрагиваются до моей ноги, ладонь бережно обхватывает подошву туфли. Тихий шепот, и с каждым словом боль уходит, словно её и не было. По телу разливается странное оупение, оно становится чужим, податливым влиянию

извне.

Затем теплые руки дотрагиваются и до лица и начинают шептать вновь. Слезы высыхают, хрипы проходят, мне становится легче, словно камень падает с моей души.

— Как вы себя чувствуете? — спокойно и несколько отстраненно говорит мой лекарь.

Я нахожу в себе силы, чтобы трясущимися руками поправить закрывающую пол лица ленту и посмотреть на своего спасителя. И еле сдерживаюсь, чтобы не закричать вновь.

Передо мной он. Тот, от кого я сбежала на рынке. Серый хищник, один взгляд которого заставил меня трусливо поджать хвост и уносить ноги.

Он так близко.

Смотрит, не веря. Отводит взгляд и снова возвращается к моему лицу. Пожирает глазами, не упуская ни единой детали — мокрой ленты, растрепавшихся волос, красного носа, опухших глаз.

Это длится несколько секунд, а затем он отшатывается. Поднимается на ноги, немного неловко. Где твоя грация, хищник? Сегодня ты испугался забитого зверька?

— Это кто?

Он ещё раз бросает на меня взгляд, сначала какой-то странный, немного безумный, а затем цепкий, пронизывающий насквозь. Я боюсь этого взгляда и вновь обхватываю себя руками, привычно сгибаясь в кресле и пряча глаза. Поза нелепа, но нет сил становиться подопытным кроликом. Готова поспорить, что он считывал мою ауру, силу или что там маги смотрят. Или даже пытался залезть в мысли. Последнее у него получиться вроде бы не должно, но желания смотреть на магистра это не прибавляет.

— Не знаю, — растерянный голос третьего. — Кто ваш куратор, адептка?

— Мастер Нораак, — отвечаю хрипло, хотя последствия истерики страшный магистр уже убрал.

Снова шепот. Незнакомые грубые слова. Молчание. Никто ничего не говорит, ничего у меня не выпытывает. Я боюсь поднять глаза. Совсем не хочется смотреть на участников сцены, и нет ни следа от праведного гнева, который, по идее, должен появиться. Только страх. Страх разоблачения и страх перед магией. Меня начинает немного колотить, я крепче обхватываю себя руками и шепчу про себя, как мантру: «Ты всегда можешь просто исчезнуть... Раз — и тебя здесь нет. Два — и ты снова у Брора. Ты всегда сможешь забрать камень и пронести его домой, и больше никто тебя не достанет. Ты можешь просто пропасть, нет причин для паники».

Хлопнула дверь. Гулкие шаги, очередное:

— Что случилось?

— Адепт Хараш напал на вашу адептку. Случайно, как он заявляет. Она у вас немного нервная, сразу в истерику, но магистр Тардаэш её уже...

— Чтоо? Маг напал на немагичку? — не дослушав, воскликнул куратор. И позвал: — Митрэ! Митрэ!

Пришлось всё же поднять на него глаза. Мятая зеленая мантия, под нею виднеются бежевые пижамные штаны в клеточку. Но взор Нораака суров, как и тогда, на вводной лекции, когда он вещал о правилах.

— Да, мастер, — смотрю прямо на него, боясь хоть краешком глаза взглянуть на магистра. Хрипота ушла из голоса, но он всё равно дрожит.

— Митрэ, что произошло? Расскажи мне всё, — требовательно говорит мастер, но под взглядом моих испуганных глаз смягчается и добавляет: — дорогая.

Немного тепла в голосе и доброе слово, как всегда, растапливают моё сердце и чуточку отгоняют испуг, поэтому я нахожу в себе силы встать с кресла, крепко ухватиться ладонью за его спинку в поисках поддержки и начать:

— Я шла из библиотеки, мастер. Засиделась допоздна, а когда вышла, в коридоре было непривычно темно. Стала спускаться по лестнице, и где-то на её середине угодила в... не знаю, как назвать, что-то вроде капкана. Мне показалось, что сотня маленьких зубов вонзилась в мою ногу. Было очень больно.

Тут я не удержалась и шмыгнула носом. Противные слезы снова появились в глазах, хоть я обещала себе быть сильной. Но прямо сейчас мне было невероятно жаль саму себя.

Мастер нехорошо нахмурился, уголок его перекривившегося рта потонул в бороде, а руки он сложил на груди и зло посмотрел на магистра. Я случайно проследила за его взглядом и наткнулась на непроницаемую черноту страшных глаз. Моя опасность застыла каменным изваянием, но лицо не выражало ничего. И это пугало больше всего.

Я заставила себя продолжить, так как пауза в моей речи и так затянулась:

— Я упала, и ко мне подбежал... он, — отыскав глазами предпоследнего посетителя библиотеки, я кивнула в его сторону. — Тот стал звать кого-то ещё, вскоре тот появился, что-то прошептал над ногой и понес меня сюда. Всё.

— Он на вас напал? — третий участник сцены, пожилой невысокий мужчина, показал в сторону незамеченного мной парня или, вернее, молодого мужчины.

Тот стоял рядом со своим куратором, нахмурившийся, упрямый, всем своим видом выражающий раздражение от того, что вынужден торчать в этом месте. Привычно черные волосы, привычно смуглая кожа, темные глаза. Те смотрят на меня враждебно, в них ни капли сочувствия, а готовность нести наказание звучит только на словах, как вынужденное подчинение академическим правилам. Белая рубашка подчеркивает широкие плечи, синие карманы на ней и такого же цвета брюки выдают принадлежность к факультету боевой магии. Он мне не нравится. И то, что черты лица красивые, поднимает волну ненависти в душе. Тонкие губы, квадратный подбородок... так бы и влепить ему пощечину за ту боль, которую мне пришлось по его вине пережить. Или засветить самым большим магическим шаром. Или молнией. Или хотя бы просто каблуком со всей дури по ноге.

— Я его не разглядела тогда, но выходит, что он.

Голос звучит твердо и спокойно. Злость меня отрезвила, всё самобичевание осталось позади. Даже страх куда-то пропал.

— Это уже ни в какие рамки! — восклицает Нораак. — Такого не случилось уже... лет пять, если не больше! Чтобы маг... боевой, заметьте, маг, да ещё и третьего курса... напал на адептку первого? Адептку зельеварения, самого безобидного направления во всей академии! Я требую исключения!

— Что? — ректор немного удивился такому размаху. — Не слишком ли вы лютуете? Это же всё-таки случайность!

— Зато другим nepовaдно будет! Хотя начнут эти пустоголовые боевики думать, прежде чем такое творить! Это ж надо! В главном корпусе! Возле дверей библиотеки! Напасть на зельевара! Первого курса!

После последнего слова Нораак перешел чуть ли не на ультразвук. Его лицо покраснело, казалось, он едва сдерживается, чтобы не пойти на обидчиков врукопашную.

— Вы перегибаете палку, мастер, — спокойно говорит магистр. — Я полностью разделяю ваше негодование, но адепт Хараш сделал это не нарочно. В противном случае я бы сам настаивал на исключении.

— И что же ты предлагаешь, Тардаэш? — криво усмехнулся мой прекрасный защитник. — Неделя отработок? Месяц без тренировок? Это, по — твоему, достаточное наказание?

Магистр поднял бровь, не поддаваясь на провокацию, и тем же уравновешенным тоном предложил:

— Адепт Хараш нам всем наглядно доказал, что его больше всего интересует победа в тренировках, учебных или... вне учебных. Таким образом, лучшим выходом будет несколько снизить его шансы на победу.

— И что же вы предлагаете? — заинтересованно спросил ректор, наконец-то усаживаясь на своё законное место за массивным столом белого камня.

— Предлагаю включить в его команду слабое звено. Недоучку, которая к тому же совсем не будет стремиться ему помогать. По крайней мере, пока он сам не испулит свою вину.

— Что? — возмутился Хараш. Он даже немного выдвинулся в сторону магистра, крепко сжав руки в кулаки, и тупо повторяя: — Что?

— Именно то, что ты слышал Хараш, — подтвердил магистр, окидывая его хмурым взглядом. — И извинения перед адепткой, естественно.

— Мне это нравится, — довольно заявил ректор. Весь его вид выражал воодушевление и даже некоторое нетерпение от желания ввести экспериментальное наказание. — Что думаете?

— До первой провинности, — немного недовольно ответил мой куратор, но теперь он выглядел гораздо спокойнее.

Наверное, это и в самом деле неплохое наказание — добавить в его команду недоучку, которая ему не поможет... Только вот... надеюсь, они говорят не про меня?

— Вы же не меня имеете в виду? — решила всё уточнить я.

— Тебя, Митрэ, — подтвердил мои худшие подозрения куратор.

— Что? — теперь пришла моя очередь возмущаться предложением магистра. — Это вообще чьё наказание — его или моё? Я не собираюсь иметь никаких дел с этим вашим... адептом!

Последнее слово я выплюнула, как ругательство, не найдя достойного цензурного слова для описания моего отношения к этому Харашу. Какого черта вообще происходит? Какая команда? Кому помогать? Я здесь вообще не за этим! Не хочу не иметь никаких отношений с магами, тем более с теми, кто на меня нападает!

— Вот это я и имел в виду, — голос страшного магистра снова заставил колючие ручейки страха поползти по телу. — Адептка отказывается помогать Харашу. Предлагаю прикрепить её к его команде без права исключения. А дальше пусть сами разбираются.

Теперь я зло посмотрела уже на него, и даже страх не помешал мне возненавидеть ещё и это каменное изваяние. Я, конечно, в этом мире на птичьих правах, но помогать всяким придуркам не подписывалась.

— Митрэ, всё не так уж плохо, — куратор подошел поближе и положил теплую руку мне на плечо, слегка его сжимая. — Членам тренировочных команд всегда платят повышенную стипендию, а тебя никто не заставляет помогать адепту Харашу. Только если ты сама захочешь это сделать. Да и помощи от тебя на первом курсе как от Темной матери света. Успокойся.

— И это что, на все курсы что ли? — воскликнул Хараш под смешок несостоявшегося противника. На лице того же расцвела улыбка, и вид он имел самый довольный и радостный.

— Да, адепт, на все, — твердо заявил мой куратор. — И мы ещё ждём ваших извинений.

В наступившей тишине, прерываемой лишь моим безумно колотящимся сердцем, прозвучало не дружелюбное и совсем не раскаивающееся:

— Я прошу прощения, адепт Митрэ. Подобное больше не повторится.

И куда подевался мой страх? Я смотрела на наглого адепта, не говоря ни слова в звенящем молчании и не отводя глаз. Естественно, я его не прощу. Пусть он и сделал мне больно случайно, но даже тени сожаления или сочувствия не промелькнуло на лице этого придурка. Ненавижу магов!

— Так, ясно, — куратор всё прекрасно понял. — Пойдем, дорогая. Я провожу тебя в корпус. А вы, Хараш, подумайте над своим поведением. Хорошенько подумайте.

Легонько подтолкнув меня в спину, мастер Нораак открыл передо мной дверь и повел к выходу из корпуса. Я не нашла в себе силы оглянуться, опасаясь единственного боевого мага в комнате, который не участвовал в этой проделке, но наводил страха больше всех адептов академии, вместе взятых.

Пару раз я спотыкалась, но мастер был наготове, поддерживал за плечо и приговаривал:

— Ничего — ничего...

Я сжала руки в кулаки до такой степени, что ногти впечатались в ладони. Всё идёт не по плану. Я убежала от опасного человека — и встретила его в месте, откуда уже не могу сбежать. Я радовалась, что у меня много времени для изучения зелья — теперь появились какие-то тренировочные бои. Я надеялась, что общение с магами сведено к минимуму — теперь, что-то мне подсказывало, от меня всё же не отстанут.

Но, прежде всего, нужно было кое-что выяснить:

— Мастер, а что это за тренировочные бои? И какой вообще от меня толк, я же без магии?

— Как, ты не знаешь? — удивился Нораак. — Ах да, ты же издалека. Тренировочные бои проводятся раз в два месяца между адептами факультета боевой магии — собственно, боевыми магами и ведьмаками. Вернее, на занятиях они, конечно, тоже вступают в схватки, да и вне занятий, но там за ними всё же как-то присматривают, да и полагаются адепты только на себя. Но в академические бои — это совсем другой уровень, общеакадемическое соревнование, в котором участвуют и адепты других направлений, входя в состав команды. Так, каждый адепт факультета боевой магии набирает себе в команду целителя, зельевара, артефактника и филигранника и, опираясь на их помощь, вступает в бой с другой командой такого же состава. Целитель залечивает ему повреждения, зельевар варит разные настойки, не больше двух на одну серию боев, вроде эликсира «Быстрота мантихоры» или там «Жидкое серебро»... Проходили его?.. А, ну да, это же только в конце третьего курса преподают... Человек, выпивший жидкое серебро, неуязвим для ритуалов крови. Если у адепта в ней пробел, слабая сторона, то зельевар может помочь это исправить на денёк. Артефактники тоже создают не больше двух артефактов, а филигранники им помогают и обереги делают. Вот так всё устроено. С командой боевой маг в разы сильнее, чем без неё. Команда становится семьей в университете, лучшими друзьями, теми, кто всегда поможет по мере своих возможностей. Добавить в неё врага — это очень и очень плохо. И одновременно хорошее наказание. Но ты не бойся. Больше тебе никто угрожать не будет. Возможно, вы даже подружитесь... спустя какое-то время.

— Вот уж нет, — упрямо заявила я, но решила не продолжать вспоминать этот ужасный эпизод.

И так одежда испорчена, я успею помянуть Хараша недобрым словом ещё сотню раз, пока сегодня полночи буду сидеть возле душевой и ждать одежду из чистящего шкафа. Тот проводит свои магические манипуляции над одной вещью в течение минут тридцати, а у меня заляпаны четыре элемента одежды. Поводов ненавидеть Хараша прибавилось. Если бы не он, я могла бы и вовсе не столкнуться с магистром в академии. Не видела же я его неделю!

— А магистр Тардаэш... он куратор Хараша? Или его декан?

— Нет, только куратор и преподаватель. Некромант, — Нораак выплюнул это слово как ругательство. — Боевой некромант. Может, он и стал бы деканом, но кто ж некроманта им поставит? Хотя быть членом Совета это ему не мешает. Ректор, естественно, встал на его сторону, не стал исключать Хараша. Что ж, это ожидаемо.

— Надеюсь, я не буду с ним пересекаться, — невольно вырвалось у меня.

Но куратор ничего не заподозрил, только понимающе усмехнулся:

— Да уж, неприятный человек. Но я бы на твоём месте на это не надеялся. Лучше поблагодари Светлую мать, что ты лишена магии и у него не учишься. Это уже повод для радости.

Отражение в зеркале душевой настоятельно рекомендовало не показываться сегодня на глаза никому из людей, эльфов, гномов, оборотней и даже троллей. Белки глаз испещрены красными прожилками, тени под глазами отсылают к образам поднимаемых магистром покойников, а хмурый взгляд не предвещает ничего хорошего любому вставшему у меня на пути. Я не выспалась настолько сильно, насколько это вообще возможно, а именно — не сомкнула глаз всю ночь. Сначала чистка вещей, а затем, когда под самое утро я смогла окунуться в мягкое тепло одеяла, хлынули мысли.

Комната перестала казаться островком спокойствия. Мою тайну могут раскрыть, вернее, даже не могут, а рано или поздно раскроют. Магистр не остановится, и пусть он лично так ничего и не сказал, но намерение выяснить что бы то ни было явственно читалось на его лице в секунды, когда он потерял над ним контроль. Мне остаётся только ждать ещё какой-нибудь подлости от этого мира, и это чувство надвигающейся опасности просто сводит с ума.

Самое главное — действовать как можно быстрее, потому что в противном случае придется начинать всё сначала. Надеюсь, это самый страшный вариант, но кто знает, что меня может ждать на самом деле в случае раскрытия того, кем я являюсь? Я опасна для них? Или полезна? Может, они решат меня использовать или же посчитают за лучшее уничтожить. Может, они захотят начать экспансию в другой мир и понадеяются, что я могу им в этом помочь. Кто знает, какие проблемы у этого мира? Пока всё выглядит довольно благополучно, но не стоит переоценивать свой ум и возможность трезво оценивать ситуацию.

С этими мыслями я ещё раз умыла своё лицо водой, но тщетно — свежее я выглядеть от этого не стала.

Быстро высушив и завив волосы, я надела брюки, блузку и высокие сапоги. Сегодня можно выглядеть более привычно для себя, так как у нас ожидалась вылазка в лес, куда в юбке, естественно, не отправишься.

Раздался стук в дверь. Рина радостно сверкнула улыбкой, ожидая, пока я накину сумку с учебниками, чтобы мы вместе отправились в столовую. Такой маленький ритуал стал уже привычным, и я больше не боялась молний вне корпуса. Всё-таки вдвоём как-то не так страшно.

На первом этаже нашего корпуса было непривычнолюдно. Мы уже практически дошли до выхода, как я услышала в толпе:

— А кто такая Митрэ?

— И за какие заслуги...?

Это заставило меня остановиться и обернуться. И тут же послышалось:

— Митрэ, ты что, зельевар при Хараше? — это уже Милан вырвался из толпы и кинулся ко мне, привлекая всеобщее внимание. — Как тебе удалось? Ты же первокурсница!

Еле сдерживаясь, чтобы не сказать что-то злое от досады, так как оказаться под пристальными взглядами адептов мне хотелось меньше всего, я ответила чистую правду, ибо прикрывать идиота Хараша не намерена:

— Это наказание для Хараша. Он напал на меня вчера, случайно, вот меня и приставили к нему в команду.

— Ого — го какие новости! — адепт Эливтэ расплылся в радостной улыбке, но обратно нырять в толпу не спешил. Напротив, к нам стала подтягиваться компания целителей.

— Это правда? — тревожно спросил ещё один тощий беловолосый парень, моргая белыми ресницами. Он нервно поправил сумку на плече и застыл соляным столбом.

— Да, правда, — крайне раздраженно подтвердила я. Теперь настала очередь и Рины изумленно застыть, раззевая рот.

Милан не выдержал и крайне вредно заржал, наблюдая эту картину.

— А как же Амелина? — немного отойдя от шока, тупо спросил подошедший.

— Кто? — не поняла я.

— Это... ха — ха... вместо тебя... была, — задыхаясь от смеха, еле выдавливая из себя слова, встрял Милан. Вскоре ему удалось взять себя в руки и прервать напряженное молчание: — Зельевар с четвертого курса. Она была до тебя. Но теперь, видимо, будет искать другую команду. Тот же Бераак оторвет её с руками и ногами, не упускать же такой случай подгадать ближнему! Ну делаа...

— Не видать нам победы в этом году, — хмуро подытожил белобрысый. — Только первокурсницы ещё не хватало. Тебе придётся днями молиться Светлой матери, чтобы мы хотя бы не последними были.

— Чего это я буду ей молиться? Я в команде без права исключения, так что даже не подумаю помогать Харашу. Вот ещё — он на меня нападает, а я молись да старайся! — на последних словах я всё же сорвалась и перешла на повышенный тон.

— Митрэ, Митрэ, успокойся! — примирительно сказал Милан. — Он вообще-то тоже в команде, поэтому так волнуется. Это Ониен, Ониен Мелиноволь, целитель. Раньше они с Амелиной работали, оба четверокурсники... слаженная команда... теперь придётся приспособливаться.

— Простите, — я решила всё же извиниться за свою вспышку гнева. — Так получилось. Я не специально. Я не хотела вас подставлять.

— Да я и не думал, — ответил Ониен, но было заметно, что он всё же немного расслабился. — И даже не особо-то удивлен. Зарвался-таки Хараш. Что вообще случилось?

— Я так поняла, он решил разобраться с... как там его... Ант что ли...

— Да — да, это Бераак, Антэн, — пояснил Милан и замолк, ожидая продолжения.

— Так вот, Ант должен был выйти из библиотеки и угодить в ловушку, а попала в неё я. А так как я не маг, то вот такое наказание и придумал магистр Тардаэш. Наш куратор настаивал вообще на исключении.

— Ой, как строго! — Рина прижала руку ко рту, взволнованно глядя на нас. Удивительно, как она вообще решилась что-то сказать.

— Совсем не строго. Ты даже не представляешь, как мне было больно. Просто адски, как будто хищная рыба решила перекусить моей ногой, — у меня даже сердце замерло в груди при воспоминании о сотне острых зубов, пронзивших мою ступню.

— Адски? В смысле? — не понял Милан.

Очередной прокол. Именно поэтому я и помалкиваю.

— То есть как если бы Темная мать решила меня наказать, — пояснила я, уже даже не запинаясь, говоря ложь. — Так говорят в тех местах, откуда я родом.

Тут Ониена сильно толкнули, отчего тот едва не налетел на меня, и мы словно очнулись, понимая, что стоим на выходе из корпуса, не давая другим нормально выйти и позавтракать. Пришлось спешно выдвигаться в сторону столовой.

— Не представляю, что теперь будет, — покачал головой Ониен, идя справа от меня. — Хараш не может проиграть, но нельзя и брать зелья на стороне. Придется как-то выкручиваться. Но за «пиранью глотку» это и правда не самое страшное наказание. Бераак бы за пол минуты с ней справился, если б не успел уклониться, а ты... нет. Гадкое заклинание. Решил ведьмака ведьмачьими методами и поразить.

— Что, слухи уже пошли? — послышался насмешливый голос за спинами.

Мы синхронно обернулись. Такой же, как и вчера, идеальный Хараш приближался к нам быстрым уверенным шагом. Он скользнул по нашей маленькой компании взглядом, но потом заметил меня и на мгновение притормозил. Впрочем, это не помешало ему возобновить ход и нагло заявить, настигая нас:

— И ты здесь, плакса!

Я опешила от такой беспардонности и не нашлась с ответом. Меня выручил Ониен:

— Зер, вы совсем охренел? Ещё бы она не плакала от «пираньей глотки». Да мы бы все сопли пускали, если б защититься не смогли.

— Ладно — ладно! — примирительно поднял руки Хараш. — Ошибся, с кем не бывает!

Я вновь задохнулась от возмущения, и хотя мне было, что сказать, лишь отвернулась от этого придурка и зашагала вперед.

Но не тут-то было!

Быстрые шаги, и Хараш заступает мне дорогу. Я обхожу его, намеренная дойти всё же до этой столовой без приключений, но маг не сдаётся, вновь заступает путь да ещё и хватается за плечи.

— А ты ничего, малышка, — заявляет он, ловя мой злой взгляд. — Слезы тебе не лицу, а так... может, мы и получше, чем с Амелиной, сработаемся...

— Знаем мы, как ты с Амелиной работал, — хмыкнул Ониен.

— Это я и имею в виду, Он, — взглянул на целителя противный маг. — Больше от первокурсницы никакого толку. А так хоть развлечение выйдет.

Он ухмыльнулся и подмигнул мне, выпуская из захвата. Я же застыла, ловя ртом воздух. Как? Как так вообще можно делать? И говорить такие вещи в лицо? Да, я не маг, но все же не послушная марионетка.

— Не дожدهшься, — сквозь зубы зло заявила я и гордо пошла вперед.

Если бы не тихий смех позади, я бы могла почувствовать легкую победу слабой, но несломленной женщины, но моё заявление явно не приняли всерьёз. Спину жгли взгляды, и совсем некстати подумалось, что надевать пусть и неплотно, но всё же облегчающие штаны было плохой идеей. Обеспокоенный взгляд Рины был лишним тому подтверждением.

Теперь смешки, шепотки и любопытство преследовали меня всюду. Не знаю, как за утро успела разлететься эта новость, но на меня не бросил взгляд лишь ленивый.

За столом я возблагодарила бога, что Ониен с Харашем последовали дальше, к столу в центре зала. Они оказались одной из тех смешанных компаний, который я видела прежде и задавалась вопросом, что же сводит адептов разных факультетов вместе. За столом ещё сидело двое парней, оба невысокие, в коричневых одеждах, но один был привычно черноволосым и смуглым, а другого волосы были каштановые, а лицо покрывали веснушки. Хараш что-то им бросил, кивая в мою сторону, и они уставились на меня, заставляя отвести взгляд. Я не хотела столько внимания, за что мне это?

Омлет на тарелке оказался безжалостно распотрошенным на мельчайшие кусочки, из них разве что четверть оказалась внутри меня. Еда категорически отказывалась лезть мне в горло под таким напором внимания, и некстати всплыла девчачья сущность. Подумалось, что я выгляжу сегодня плохо, что косметики у меня нет и что надо всё-таки высыпаться. По идее, надо было бы спрятать волосы, но за неделю я поняла, что о моей внешности никто особенно не задумывается. Да, немного необычная для этих мест, но никто не тыкал в меня пальцами, когда я не надевала повязку на волосы, хотя бы частично их прикрывая. Сегодня её не было, и чужое любопытство вызывала отнюдь не моя внешность.

По пути к теплицам, где нас должна была ожидать магистр Намерин, нас нагнал Браат и засыпал кучей вопросов о том, что же произошло. И снова никто мне не сочувствовал. Он принялся меня поздравлять, а когда я отмахнулась, то заявил, что ради зачисления в команду на первом курсе можно и потерпеть боль пару минут. Тут ещё и выяснилось, что команды формируют адепты боевой магии, начиная со второго курса, так что первокурсники обычно не участвуют в академических тренировочных боях.

У теплиц меня ждал неприятный сюрприз. Рядом с маленькой магистром Намерин возвышался грозный магистр Тардаэш. Вот и обещанное сопровождение!

— Так, строимся по парам, быстрее, сони! — суетилась Намерин, разрываясь между желанием самолично разбить всех на пары и уложить холщовые мешочки в летающую корзину.

Мы с Риной встали вторыми в колонне. Когда же она двинулась в сторону леса, магистр нагнал Намерин впереди колонны. Странно, что сзади колонну замыкала лишь летящая корзина, но всё у этих магов не так, как у нормальных людей.

Намерин же вещала своим высоким голосом, бодро шагая впереди:

— Сегодня мы с вами продвинемся в северную часть академического леса. В нем созданы условия, способствующие произрастанию растений, более свойственных северным районам Смешанных земель, в частности, нашей сегодняшней цели — эвернии сливовой, в просторечье именуемой дубовым мхом. Как следует из названия, чаще всего он произрастает на столах и выступающих над землей корнях дубов, но такой мох практически бесполезен для приготовления зелий, разве что в качестве настойки для провоцирования искусственной аллергии. Мы же с вами будем искать мох, растущий на стволах осин, так как такой мох в засушенном состоянии входит в состав зелья от насморка. В начале следующего семестра вам как раз пригодится этот ингредиент, когда вы начнете проходить «Лечебное зельеварение». Если мне не изменяет память, магистр Дамиран даёт его приготовить первым. Кстати, сегодня вас сопровождает ещё один магистр — магистр Тардаэш. Он преподаёт боевую некромантию на факультете боевой магии, с ним вы можете ничего не бояться в лесу.

А побояться-то стоило! Лес начинался за границей территории Академии и представлял собой мрачное зрелище. Его южная сторона была более светлой, северная же утопала во тьме. Деревья словно не могли расти прямо, им что-то мешало, и они изгибались в страшных позах. Лианы были живыми и передвигались с тихим шуршанием. Сначала я приняла их за змей, но когда остальные адепты то и дело пытались их поймать, поняла, что они — обычное дело для этих мест. Браат даже немного выбился из строя, подтягиваясь на одной руке на очередном кривом дереве и пытаясь другой ухватить шипастую сине — зеленую изворотливую плеть. Его остановил оклик магистра: «Не время играть в хваты!». После этого мы немного ускорились, больше не ожидая заигравшихся мальчишек.

В штанах действительно идти было удобнее, так как постоянно приходилось перепрыгивать через сваленные загнившие стволы деревьев, обходить норовящие вцепиться колючими иголками в адептов кустарники и перескакивать лужи зацветшей дождевой воды.

Стало ясно, почему «Практические особенности сбора трав» всегда идут по две пары за раз, так как половину первой пары мы только пробирались до точки назначения. Наконец, по команде Намерин мы остановились у осины, которую я даже не сразу узнала из-за кривизны ствола. Магистр надела перчатки и аккуратно срезала мох со ствола в холщовый мешочек, а затем раздала нам по мешочку и приказала рассредотчиться, но не дальше, чем на расстояние десятой доли пролета дракона. Вот и ещё одна зарубка в памяти. Надо этот вопрос изучить, я даже приблизительно не могу представить, чему же равно это расстояние. Пока же постараюсь просто не уходить слишком далеко от места встречи. Встретиться мы же должны через учебную пару на этом же месте, которое было обозначено сверкающим над верхушками деревьев красным маяком, который выпустил наделенный магией магистр Тардаэш.

Я выждала момент, когда он обернется, чтобы что-то обсудить с нашим магистром, и двинулась вглубь леса. Наверное, я параноик, но мне почему-то не хотелось, чтобы он знал, куда я направляюсь.

Непрестанно оглядываясь и всякий раз вздрагивая от движения лиан, я принялась идти вперед, с трудом находя нужные деревья. Это оказалось не так-то просто. Либо здесь осин было немного в принципе, либо у меня проблемы с их опознаванием, когда их стволы так причудливо искривлены. К тому же поначалу я просто быстро шла вперед, отдаляясь от преподавателей, и лишь спустя минут тридцать ходьбы, оставив далеко позади маяк, принялась собирать мох. Жаль, что на практике нам запрещали заниматься сборами по двое, компания Рины мне бы сейчас совсем не помешала.

Лес был словно вымершим. Редкие взмахи крыльев птиц, немного кваканья под ногами, беспрестанный шелест лиан — вот и вся опасность, с которой мы могли столкнуться. Наверное, его специально для адептов первых курсов вырастили или очистили. И как при этом не нарушился экобаланс?

Я нагнулась, чтобы срезать мох у наконец-то найденной осины, как вдруг откуда-то сбоку краем глаза увидела движение.

Конечно, это оказался он.

Черная мантия скрывала одежду, высокие скулы делали лицо излишне резким, лишая его малейшего намека на мягкость, темно — серые волосы наводили на мысли о пепелище и прахе. Он даже не сделал вид, что появился здесь случайно.

Когда я резко выпрямилась, крепко сжимая в руке маленький, практически игрушечный, нож для среза трав, он медленно подошел и застыл в метре от меня, склонив голову на бок. Это

движение сделало его похожим на коршуна, а черный немигающий взгляд заставил меня сделать шаг назад. Подумалось, что с хищниками нельзя показывать страха, а этот шаг — единственная слабость, которую я могу пока себе позволить. Хотя лучше было бы обойтись без неё.

Его взгляд пугал, но он только смотрел и смотрел, не предпринимая никаких действий.

— Что-то не так, магистр? — решила нарушить мертвенную тишину я.

Он словно очнулся, вздрогнув от звуков моего голоса, но продолжал пристально на меня смотреть.

— Кто ты? — тихо и как будто растерянно спросил некромант.

— Адепт Алесан Митрэ, первый курс зельеварения, магистр Тардаэш, — ответила я, даже не запнувшись. Как хорошо мне в последнее время дается говорить неправду! Даже с такими пугающими... нелюдьми.

— Тебя зовут Алесан... Алесан, — он повторил это слово, словно пробуя его на вкус, перекатывая звук на языке. — Почему я не могу тебя прочитать?

— На мне амулет ментальной защиты. Подарили, когда узнали, что я поступила в Академию, чтобы маги не лезли мне в голову, — как можно беззаботней ответила я. Вполне же обычное дело — бояться чтения мыслей, разве нет?

— Нужная вещь, — хмыкнул магистр, постепенно оттаивая и начиная проявлять эмоции. И тут же, словно с претензией: — Ты тёмная.

Я задохнулась от нахлынувших чувств. Снова перед глазами лицо того доверившегося гнома, все эти дни мелькавшее в моих снах. Чувство вины придавило сверху гранитной плитой, пронизывая грудную клетку болью. Сердце сразу начинает колотить, стоит мне только вспомнить о том, что же я совершила.

— Так... получилось, — выдавила из себя я и вновь натолкнулась на испытывающий взгляд черных глаз.

— Человек? — вопрос.

— И немного эльф, — дружелюбно добавила я, пытаюсь немного сбавить градус его настороженности. И затем насмешливо спросила, перешагивая через свой страх: — Вы всем первокурсникам устраиваете допросы?

И тут же пожалела о своих словах. Он резко шагнул ко мне, так быстро, что я даже не вздрогнула, и ухватился цепкими пальцами за мой подбородок, приподнимая его и снова всматриваясь в мое лицо.

— Только таким, как ты.

Я попыталась вывернуться, но он держал крепко. Биться в конвульсиях и вырваться что есть сил казалось мне глупым, так как на меня никто не нападал, но всё же ситуация была странней некуда. И к тому же несколько двусмысленной.

— Вам не кажется, что вы переходите границы? Я всё-таки адепт академии, а вы — преподаватель.

Он улыбнулся, пугающей, предвкушающей улыбкой — ухмылкой, и я снова почувствовала себя загнанным зверем. Надежда его смутить и образумить растаяла, как дым.

— Я не твой преподаватель, Алесан. И никогда им не буду, — доверительно, словно открывая мне глаза на некоторую тайну, сообщил магистр.

Я дернулась, снова попыталась вырваться, и на этот раз он меня отпустил. Теперь уже я не могла оторвать от него ошарашенного взгляда. Я боялась его. Опасалась. Думала, что он может меня раскусить и попытаться убить. Но совсем не ожидала подобного поворота событий. Это что вообще такое? Мысли лихорадочно запрыгали в голове, пытаюсь выстроить новую картину событий и определить новую линию поведения. Но сделать это за минуту оказалось непосильной задачей.

И я решила заняться тем, к чему следовало приступить уже давно, — вновь опустила на

колени и принялась срезать мох, пытаюсь не обращать внимания на магистра. Пальцы немного дрожали и движения выходили неловкими. Я злилась за себя из-за невозможности контролировать реакцию своего тела. Наверняка он это подмечает. Стоит же, глаз не сводит.

Молчание меня напрягало, а вот его — нисколько. Но заговаривать я не собиралась, боясь того, что он может ещё сказать. Надеюсь, мне почудилось в его словах то... что почудилось, в общем.

Не знаю, сколько времени я срезала мох с этого дерева и соседней осины, но магистр вдруг прервал тишину:

— Пора возвращаться, Алесан. Ты уже достаточно набрала.

Мне осталось только хмуро взглянуть на него и повиноваться. Я крепко завязала бечёвкой мешочек, сняла перчатки и двинулась в сторону маяка. Магистр бесшумной тенью скользил рядом. Он вообще живой? Как можно настолько тихо передвигаться?

Я отвлеклась на мысли и перестала смотреть под ноги, поэтому подвернувшись кочка чуть не заставила меня вспахать носом болотистую землю. Но меня тут же подхватили и вернули в вертикальное положение, пробормотав:

— Осторожней.

И, чуть позже, недовольно:

— Неудивительно, что ты угодила в «пасть».

Я промолчала, сдерживая желание заявить, что это всё-таки его обожаемый адепт виноват. Всем случившееся кажется каким-то веселым приключением, досадным недоразумением, но попробовали бы они испытать это заклинание на своей шкуре.

Неожиданно меня ухватили за руку, заставляя остановиться. Руки у магистра были теплые, слегка шершавые, и когда он аккуратно поднял мою ладонь, желание вырваться даже не появилось. В этом жесте не было агрессии или опасности, и я замерла, выжидая.

— У тебя очень маленькие ладони, тебе говорили?

— Да.

Он нахмурился после моего ответа, как будто я сказала что-то не то. Затем из ниоткуда взял тонкую золотую или просто золотистую цепочку и вложил мне в руку.

— Что это? — удивилась я. Каждое его действие заставляет мой мозг судорожно работать, продумывая сотню вариантов, но ему всё равно удается находить новые способы меня взволновать.

— Амулет. Он защитит тебя ото всяких «пастей».

Только этого не хватало! А вот и подвох. Я же не маг, откуда мне знать, от чего этот амулет? Или амулет ли вообще? Он может противодействовать ментальной защите, медленно меня убивать, лишать воли или просто следить.

— Спасибо. Не нужно, — ответила я, быстро перекладывая его обратно и пряча руки.

— Не глупи, Алесан. Если ты не можешь себя защитить, я могу тебе помочь.

— Правила запрещают магам нападать на немагов, да и вообще нападать на кого-то с других курсов. Я доверюсь им, — упрямо ответила я.

— А мне ты, значит, не доверяешь, — правильно понял мою реакцию магистр, но всё равно продолжал стоять и прожигать меня взглядом.

— Нет, — честно сказала я. И почему-то добавила: — Извините.

Он ещё немного постоял рядом, раздумывая, а затем, ничего не отвечая, двинулся к маяку.

В напряженном молчании мы и прошли весь оставшийся путь. На месте магистр вновь превратился в безэмоциональное существо, не говорившее ни слова. Я замечала пару раз его косые взгляды, но он только этим и ограничился...пока.

Мягкий свет пирамидального светильника окутывал уютom высокие деревянные полки, мягкие сиденья, бумажные свитки и играл в волосах засидевшихся адептов. Сегодня я закончила собирать информацию по всем ингредиентам. Длинный свиток желтоватой бумаги был весь испещрен чернильной вязью, плотно заполнявшей всё его пространство. Вот и всё. С этой частью работы по спасению покончено, но впереди меня ждёт другая — изготовление зелья и поиск способа его пронести сквозь ткань миров. И пока я понятия не имею, как подступиться к оставшимся и первому, и второму пунктам плана.

Справа, по диагонали, сидел парень в коричневом и бросал на меня любопытные взгляды. Да, сегодня я звезда номер один. Я провела рукой по волосам, надвигая их на лицо, чтобы не провоцировать его на разговоры, а то он выглядел так, словно вот — вот сорвется с места и начнёт меня доставать.

Неожиданно противоположный край стола накрыла тень, а затем появился и её наглый обладатель. Он уселся напротив и ухмыльнулся, сказав:

— Так и знал, что найду тебя здесь.

Наверное, мне стоило бы демонстративно собрать вещи и уйти, но я уже чертовски устала отo всех этих магических разборок. Поэтому я лишь убрала волосы от лица и уставилась на него, не отводя взгляда.

Хараш тоже не отводил свой, насмешливо кривя уголок рта при этом. Он не выглядел злым или неприятным, просто производил впечатление излишне самонадеянного мага, которому слишком много всего дозволялось. И несмотря на то, что по его вине я испытала ужасную боль, я его не боялась. Просто у меня к нему имелись некоторые претензии и предубеждения, и я прекрасно это осознавала.

— Нам надо поговорить, — он стер с лица раздражающую ухмылку и стал серьёзным.

— Я слушаю.

— Мне нужны зелья. И ты должна быть в команде. Пусть и будешь готовить самое простое, но лучше быть с ним, чем безо всего.

Теперь уже настала моя очередь насмешливо улыбаться. Вряд ли его удивил мой ответ:

— Меня это не интересует.

— Ты что, вот так прямо смертельно обижена? Твои слезы бесценны? — разозлился Хараш. — Да, я сглупил, но это же не причина наказывать всю команду! Раз уж тебя к нам приставили, будь добра, исполняй свои обязанности.

— Меня. Это. Не интересует, — как можно членораздельней повторила я.

Хараш зло сжал руки в кулаки, губы его превратились в тонкую линию, и было видно, что он едва сдерживается, чтобы не сказать что-либо гадкое.

— Могу я узнать, почему?

— Можешь, — милостиво разрешила я. — Я не хочу помогать тебе. Мне нет дела до твоей команды. И мне не хочется ни с кем соревноваться. Я не могу представить вообще ни единой причины, чтобы участвовать во всем этом.

— Я же извинился! — искренне возмутился маг.

Я промолчала. Можно было бы, конечно, сказать, что он мне не нравится в принципе, но и нарываться на конфликт не хотелось. Хватит с меня уже вчерашних приключений.

Хараш скользнул задумчивым взглядом по мне, что-то прикидывая в уме, и выдал:

— Что ты хочешь?

— Что? — немного оторопела я.

— Что тебе нужно? Деньги? Платья? Украшения? Свидание со мной?... Что там ещё хотят девушки?

— Да как ты... — начала было я, но тут же осеклась, не веря так удачно подвернувшейся возможности. Вот он, свиток, лежит прямо передо мной, вот она, возможность, плянется на меня напротив!

— Вижу, что-то тебя всё же заинтересовало! — догадался Хараш, но смотрел отнюдь не радостно, а как-то нехорошо.

Но мне не было дело до его чувств. Я резко оторвала кусок пергамента и застрочила ингредиенты нужного мне зелья, указывая в несколько раз завышенную дозировку. То, что я неумеца, никто не отменял, так что я могу лишь надеяться, что всё получится с первого раза, но рассчитывать и на то, что придется варить его ещё неоднократно.

— Вот, — протягивая ему клочок бумаги. — Это цена моей помощи. На один турнир.

Хараш вскользь просматривает написанное и кивает:

— Пойдёт. Сбор завтра после занятий в нашем корпусе, аудитория сто три. Не опаздывай.

Он бросает на меня ещё один взгляд, весь как-то подбирается, становясь деловым и непривычно серьёзным. И уходит.

Казалось, ещё вчера я чуть ли не клялась и божилась, что больше не буду иметь с ним никаких дел, но сегодня весь мой настрой круто поменялся. Я перестала видеть перед собой препятствия и наконец увидела возможности.

Сердце радостно замерло, и пришлось принудить себя не раскрывать крылья от радости. Это ещё только начало. Самое начало пути. Не нужно считать работу сделанной, когда ты даже, по сути, к ней и не приступил. Успокойся, Саша, успокойся и сосредоточься.

В этот раз вечерний полумрак лестницы разгоняли бодро горящие светильники. На губы то и дело сползала улыбка, но стоило мне заставить себя подумать о другом, как в голове всплыл образ магистра. Липкие шупальца страха заставили вспотеть ладони, но чем больше я думала о нём, тем менее пугающей мне казалась эта ситуация, скорее, просто полной неизвестности. Да, я интересна ему. Он видит во мне диковинку, что-то подозревает, но при этом не пытается загнать меня в угол. Или это такой хитрый план — заставить меня забыть об обороне, или он преследует другие интересы.

На мгновение там, в лесу, мне даже показалось, что он видит во мне девушку, а не подопытного кролика. Это его осторожное прикосновение, настойчивое пояснение, что он не мой преподаватель... в этом было что-то такое, от чего замирало сердце. Но этот страх был другим, совсем другой природы и не имел ничего общего с боязнью боли или смерти. Я не знала, чего от него ожидать, и боялась, что верно поняла его намерения.

Что мне делать, если он будет продолжать в том же духе? Как себя вести? Поддаться, чтобы не провоцировать его на раскрытие моих тайн, притвориться обычной увлеченной девушкой? А смогу ли я? Магистр пугает меня до чертиков, он настолько чужероден, настолько далек от моего представления о мужчинах и людях... Мне сложно воспринимать его иначе, чем как опасное и незнакомое существо, от которого можно ожидать чего угодно.

Что он во мне видит? Что его манит? Зачем он пошел за мной в лес?

Эти вопросы не имели ответа, и мне не хотелось их требовать от него. Жизнь в этом мире завертелась, меня вынудили выползти на свет из своего укрытия и столкнули с неизвестностью. Я никогда даже не представляла, что мне придётся размышлять о том, что делать, если тёмное существо в мужском обличье будет проявлять ко мне недвусмысленный интерес. Как не сбежать, не разбирая дороги? Как собрать волю в кулак и остаться в той точке пространства и времени, где я пребываю сейчас?

Обычно в таких случаях я пытаюсь разделить чувства и мысли, но в этот раз они в унисон кричали: «Беги!». Маленькое мгновение теплоты, промелькнувшее, когда он взял мою ладонь в свою руку, померкло и потонуло в общем ощущении растерянности и неизвестности. Я словно оказалась на краю бездны, и лишь шаг отделял от того, чтобы она меня поглотила целиком.

Корпус боевой магии чем-то напоминал главный. Изнутри он так же, как и снаружи, оказался выложен тёмным камнем и навевал на мысли о Средневековье. Обстановка была предельно минималистичной: никаких цветов в кадках, никаких полупрозрачных занавесок, никаких изящных фигур из белого мрамора. Напротив, едва я попала в холл, сердце сделало испуганное сальто — меня встречали два чудовища из черного металла с горящими огнём глазами. Одно ошетинилось иглами и, раззявив клыкастую пасть, пыталось напасть на вошедшего, другое вытянуло руки, останавливая его, пряча лицо под темным балахоном, который был не силах скрыть горящие зловещим алым светом глаза темного боевого мага.

Справившись с первым приступом ужаса, я уже без проблем нашла нужную аудиторию, благо по — прежнему хорошо ориентировалась и запоминала увиденное расположение помещений на карте.

В нужной аудитории никого не было, и это меня даже обрадовало. Я села на одну из черных парт у окна и приготовилась ждать. Привычка приходить заранее и ответственно относиться к данным обещаниям пришла со мной из родного мира, так же, как и совесть. Единственное отклонение от общепринятых норм я позволила себе, снова надев штаны. В них я чувствовала себя увереннее, словно со мной пребывала частичка моей родины. К тому же большинство магичек не носило юбки, да и я за два дня пристального внимания со стороны всей академии более — менее привыкла к заинтересованному взглядом. Все уже успели меня рассмотреть с головы до ног, так что к чему теперь таиться — прятать волосы и постоянно ходить в юбке? Что можно было увидеть — увидели, теперь остаётся лишь пустить будущее на самотек. Будь что будет.

Вскоре вполне ожидаемо послышался шум за дверью, и в аудиторию ввалились четверо: двое с артефактологии, знакомый уже бледный целитель Ониен и надоевший за пару дней знакомства Хараш.

Веснушчатый парень в форме факультета артефактологии на мгновение притормозил, отчего на него налетел его темноволосый коллега с факультета. Но никакого конфликта не произошло, оба выпалили с секундной паузой:

— Светлого дня!

Я кивнула, и вежливо им ответила:

— Светлого дня.

Хараш не стал тратить время на расшаркивания и, пружинистой походкой направляясь к преподавательскому столу, на ходу сказал, обращаясь ко мне:

— Это члены нашей команды, Дононд, артефактор, пятый курс, и Вазиль, плетенщик с третьего.

Веснушчатый оказался филигранником. Не зря он мне сразу понравился! Нутром чувствовала, что он не из ненавистной мне породы магов, а вполне адекватный человек. Кстати, вполне возможно, что это даже не словесный оборот, а верное определение его расы. Очень уж он похож на нормального парня из моего мира. Сразу чувствуется что-то знакомое. Вот она, расовая сплоченность, или менталитет, или ещё какое умное слово для обозначения внутренней солидарности с другой личностью только из-за общего происхождения.

— Очень приятно с вами познакомиться, — не стала молчать я, приветливо улыбаясь.

— Митрэ вы все уже знаете, зельевар, первый курс, неумеха, по всей видимости, — тем временем продолжал знакомство противный маг. — Расскажи нам хоть что-то о себе, чтобы мы знали, с кем имеем дело.

Я не удержалась от злого взгляда в его сторону, но он уже сидел на столе, абсолютно непробиваемый, словно говорил вполне разумные вещи, а не гадости.

— Я не местная, — не стала ерепениться я, в конечном итоге, мне заплатили достаточную цену, чтобы я могла и солгать. — Приехала поступать в Академию из Кревани, что на границе с эльфами. И поступила.

— Тёмная, — отметил артефактор.

— Да. У вас с этим проблемы? — с вызовом бросила я.

— Нет. Но очень интересно, как ты ею стала, — не смолчал Дононд.

— Не ваше дело, — ответ грубоват, но в этом вопросе я шутить не намерена.

— Дон, отстань от неё, — заступился за меня Ониен. — Все её тайны уже у Темной матери за пазухой, пусть же там и останутся. Тебе от этого знания легче не станет.

— Полуэльфы редко бывают темными, — встрял Хараш. — Тебе ли не знать.

— Не очень-то много она забрала от эльфов, Зер. Остаток слишком мал, чтобы не впустить тьму.

— Ладно — ладно, Ваз, — сдался боевой маг. — Давайте перейдем к делу. Я видел предварительные списки, пока меня планируют поставить против Кротока и Арханхала. С Кротоком я и сам разберусь, но Арханхал хоть и ведьмак, но водник. Тут уж туговато придется. Мне нужна защита от воды и в виде амулетов, и в виде зелий. Он, знаешь что попроще, с чем бы правилась новенькая?

— Можно попробовать сделать простенькую «Мантию», четвертого уровня, внутреннего действия. Она покроеет тело некоей оболочкой, так что если Арханхал тебя достанет, водой в твоём теле он управлять не сможет, а он горазд на такие вот гаденькие заклинания. Но «Мантия» с этим справится. Несложно, но эффективно.

— Да, можно, — согласно кивнул Хараш, поигрывая коротким клинком, который он достал из-за пояса. В такие моменты окружающий мир начинал мне казаться каким-то приключенческим фильмом, где длинноволосые мужчины перекидывают оружие из одной руки в другую и нагло улыбаются. Это просто не может быть правдой, так ведь?

Но реальность тем не менее ощущалась жесткой партой подо мной, сухим теплым воздухом в аудитории, немного тесноватыми сапогами. Слишком много тактильных ощущений, чтобы это было какой-то имитацией.

— И ещё можно сделать раствор «Отповедь русалки», чтобы вода не смогла остановить меч. Тогда ни водный щит, ни глыба льда не станут тебе преградой.

— Он точно ей по силе? — подозрительно спросил маг.

— Точно. «Отповедь» совсем простая, она ведь только для металла, слишком узкий спектр воздействия. Но в нашем случае крайне полезная.

— Вот и отлично! Завтра жду список ингредиентов, Митрэ, послезавтра приступаешь к изготовлению. Насчет лаборатории я договорюсь.

— Хорошо, — кивнула я.

— Как вы вообще договорились? — удивился Ониен.

— Взаимовыгодное сотрудничество, — улыбнулась я. Ещё бы не улыбаться — мне вдобавок обещали лабораторию! Но кое-что оставалось неясным: — А почему ты так остерегаешься именно воды? Разве нет для неё противодействия в виде заклинаний?

— Есть, конечно, — ответил Хараш, и, что удивительно, без едких комментариев. — Но для меня родная стихия — огненная, слишком высока доля демонской крови, водные заклинания противодействия даются крайне тяжело. Только нападение с помощью огня и помогает, но иногда требуется и защита, которую для меня выставить проблематично. Арханхал об этом знает, небось уж отмечает победу. Но её ему не видать.

Ну надо же... Он демон. Теперь хоть буду знать, как они выглядят. Хотя никаких определенных внешних признаков я и не выявила. К тому же о них помню только то, что они темные изначально, если чистокровные.

— А почему так? У других рас тоже проблемы с определенными видами магии? — решила задать мучивший меня вопрос.

— Вот она, деревенщина во всей красе! — не удержался-таки маг. Я уж думала, что в этот раз обойдемся без оскорблений.

— Ты словно из подземелий выбралась, Алесан, — укоризненно добавил Ониен. — Таких элементарных вещей и не знать.

— У нас как-то тёмных магов не жаловали, — нашлась с отговоркой я.

— Тем более. Должны же были проклинать за глаза, — недобро усмехнулся Хараш. — Как же все эти «Убирайся в Преисподнюю, откуда пришёл» или «Тебя не признает даже Темная мать», как любят храмовники в глубинке заявлять.

— Да — да, что-то такое слышала, — немного удивленно ответила я. Вот уж не ожидалась встретить слово «Преисподняя», хотя о демонах и у нас говорили. Надо же, какой общий фольклор у двух таких разных миров.

— И даже не задумалась, что это значит, — презрительно скривился боевик. Кажется, в его глазах мне ниже уже падать некуда. — Мой народ пришел из погибающего мира пару тысяч лет назад. Тот мир, Преисподняя, как говорят служители Темной матери, состоял из огня и магии, но огонь потухал, а магия постепенно из него вытекала. Здесь же, хоть и нет огня, достаточно магии, чтобы мы могли жить и создавать его самостоятельно.

Сердце на мгновение остановилось, чтобы дальше забиться в бешеном ритме. Мысли заскользили так быстро, что не было никакой возможности их притормозить и здраво взвесить услышанное. В голове раз за раз разом крутилось, как заезженная пластика: «пришел из погибающего мира». Раз демоны сюда прошли, сохранив свою магию и сущность, значит, должен быть способ... Либо им помог кто-то вроде меня, либо ответ сокрыт в их магии, которая устойчива к перемещениям... Над этим вопросом определенно следовало поразмыслить, а ещё лучше сходить в библиотеку и прочитать всё, что там сказано о демонах.

— Эй, Митрэ, не смотри на меня так! — насмешливо воскликнул Хараш. — Бывают, конечно, демонопоклонницы, но ты вроде не из этих... Надеюсь, мне не придётся волноваться за свою честь.

Последнее предложение было встречено взрывом хохота, и это привело меня в чувство. Наверное, я выглядела на редкость по — идиотски. Но кто виноват, что Хараш мгновенно стал самым интересным для меня объектом в этом мире? Он единственный знакомый мне демон, и так или иначе мои дальнейшие действия будет завязаны на нём. А значит, лучше поумерить свою гордыню и прекратить огрызаться. Он опасен, но и полезен. И пусть я пока не знаю, чем именно, в конечном итоге я непременно это выясню.

— Не придется, — улыбнулась я. — Завтра я предоставлю тебе список необходимого, а сегодня прочитаю всё об этих зельях, чтобы не допустить ошибки при их приготовлении. Не беспокойтесь, я не подведу команду.

При этих словах на лице демона мелькнуло удивление, но быстро пропало, сменившись привычной неприятной ухмылкой. Но не время думать о том, насколько же она неприятная и отталкивающая.

Я поднялась с парты и, оставив команду совещаться, отправилась выполнять свою часть сделки.

Несмотря на моё ярое и активное желание непременно всё выяснить о расе демонов, это оказалось не так-то просто. Да, в любом справочнике значилось, что они пришли из мира Преисподней, но каким образом — оставалось загадкой. Это был общеизвестный факт, но при этом господин Брор ничего по этому поводу не сказал изначально, когда мы обсуждали, что же мне делать с переносом зелья. Когда же в наступившие выходные я навестила его и рассказала о своих злоключениях, он послушал мои предположения и в какой-то мере даже согласился с тем, что в истории этой расы есть решение нужной мне проблемы, но отметил, что никаких проявлений пространственной магии за демонами замечено не было. А опыты по перемещению предметов, изготовленных с помощью магии огня, никто, естественно, не ставил, либо же это просто не афишировалось.

Таким образом, все выходные я провела в библиотеке за исключением небольшой вылазки к господину Брору. Город, как и всегда, казался мне чужим и опасным, а библиотека же, напротив, стала родной почти такой же, как и комната, и даже любопытство местного библиотечкаря стало мне безразлично. Теперь я могла находиться в библиотеке на правах подготовки к турниру, как будто я только и думаю о том, как же помочь команде. В этом была и доля истины. Я на самом деле прочитала порядочно информации о зельях, которые требовалось изготовить, но вопрос с лабораторией и ингредиентами должен был решиться только в начале недели.

Утром последнего выходного дня мне улыбнулась удача. Я решила подойти к проблеме с другой стороны, вспомнив про манок, и принялась изучать книгу «Артефакты зова». Пожалуй, с неё и следовало бы начать изначально, так как мой манок в ней действительно нашёлся в разделе «Потерянные артефакты». Его назначение автору книги было неизвестно, значилась лишь информация, что это — древнейший артефакт призыва, предположительно принесённый демонами в этот мир и изготовленный одним из правителей Преисподней в последние годы перед гибелью их мира. Источник этих сведений не указывался, но ясно было одно — его изготовили демоны, а значит, мне нужно каким-то образом защитить с помощью демонских сил сосуд, чтобы магия, в него заключённая, не развеялась при переходе между мирами. Осталось лишь узнать, каким образом это можно сделать.

На следующий день, после ужина, когда я собралась вновь отправиться в библиотеку, к нам с Риной подошли Хараш и Ониен.

Боевой маг, по обыкновению, даже в форменной одежде умудрялся выделяться из толпы. Напоминает героя восточных мыльных опер, что смотрят страстно, способны соблазнить одним лишь взглядом и представляют собой идеал девичьих мечтаний (но при этом не придают этому значения). Хараш же определенно знал о своей привлекательности и смотрел надменно, гордясь собственной смазливостью и привлекательностью в глазах женщин.

Пусть мне господин Брор и разъяснил особенности магического воспитания, всё же маги были на порядок вышекомернее обычных жителей этого мира, и даже если это не проявлялось на словах, то сквозило в жестах, повороте головы или походке. Представить страшно, что было бы, если бы им не блокировали магию в детстве. Тогда пропасть между магами и немагическим людом была бы несоизмерима.

Эльфоподобный Мелиноволь на меня смотрел вполне дружелюбно, даже подбадривающе, но стоило посмотреть на него вне компании адептов его курса или команды, как и в его манере держаться тоже угадывалось высокомерие. Хотя, казалось бы, к чему оно тут, когда вокруг и так одни лишь маги? Может, пара специальностей для использующих одну лишь силу адептов вроде меня и нужна, чтобы поддерживать их веру в собственное превосходство? Нужно же иметь фон для сравнения...

Мысли о здешнем мироустройстве не раз посещали мою голову, но не всегда находили рациональный ответ. А ещё говорят: «Умом Россию не понять...». Вот мой народ понять-таки можно, в отличие от местных, наделённых менталитетом с врождённым высокомерием, проявляющимся у существ магической породы.

Тем временем Хараш застыл с торжественным видом и, выдержав приличествующую моменту паузу, произнес:

— Лучшая лаборатория зельеваров в твоём распоряжении. Магистр Дамиран любезно вручил мне ключ от неё. У тебя даже не будет соседей, чтобы сохранить состав приготовленных зелий в тайне. Я надеюсь, это понятно, что никому об этом говорить не стоит?

Тут он обратил свой царственный взор на Рину, отчего та залилась краской. То ли причиной было смущение от излишнего внимания, то ли возможная симпатия к этому гадкому магу. В последнее верилось с трудом, но, наверное, причины для подобной самоуверенности у Хараша были.

— Естественно, я ничего не говорила, — ответила я, пытаюсь поумерить прорывающееся раздражение в голосе. Пока не могу определиться, как действовать дальше, стоит побыть смирной овечкой, чтобы не разрушить плацдарм для будущих действий заранее.

— Тогда пошли смотреть, — важно кивнул Хараш.

Пришлось оставить краснеющую Рину за столом и пойти вместе с ними к корпусу, а то, не дай бог, кто-то посторонний сможет услышать чрезвычайно важные сведения, не предназначенные для их ушей.

На улице было непривычно слякотно. Я уже привыкла к теплу южных широт, и совсем не ожидала, что с самым началом осени здесь по вечерам начнёт холодать. Но разброд температур был совершенно непривычен для меня, привычно выбирающейся каждое лето на южное побережье нашей родины. Там по вечерам тоже было тепло, даже если шел дождь, и не возникало желания преодолевать расстояние от одного помещения до другого исключительно бегом.

Порыв ветра взлохматил мои кудрявые сегодня волосы. Они закрыли лицо, попытались

залезть в рот, призывая вступить с ними в борьбу.

Сбоку засмеялся Ониен, от которого не укрылась моя неравная битва с ветром. Но когда я посмотрела на Хараша, ожидая встречу с очередной саркастической ухмылкой, меня удивило задумчивое выражение на его лице. Он смотрел на меня прямо, бесхитростно, непривычно серьезно, так, что я смутилась и отвела взгляд. Когда он не ведёт себя, как малолетний подросток, я с непривычки начинаю видеть в нём мужчину.

Гулко хлопнула позади дверь моего факультета, возвращая нас в магическое тепло помещений. Мы поднялись на второй этаж, где размещались лаборатории, и Хараш передал мне ключ. Немного повозившись, пытаюсь унять немного задрожавшие от волнения руки, я распахнула дверь.

Сразу же вспыхнул свет, освещая уютное светлое помещение со множеством полок и узких столов вдоль всех четырех стен. Посреди же располагался один широкий стол с несколькими котлами, горелками и всем необходимым для работы над зельями.

Ониен уверенно прошел к боковому шкафу и сказал:

— Он открывается этим же ключом, здесь ты можешь оставлять зелья. Ключ исключительно твой, и хотя магистр тоже может отпереть эту дверь подобным, твой шкаф останется для него неприкосновенен. Такая система защиты во всех лабораториях, где работаю зельевары, прикрепленные к какой-либо команде, во избежание... чего-нибудь. Так что смотри, не теряй свой ключ, а лучше носи его при себе постоянно. Хотя вряд ли кто-то будет пытаться его у тебя выкрасть, всё-таки мало кто рассчитывает, что ты сможешь принести команде какую-то пользу. Уж извини.

Он виновато развел руками, но это было правдой, а на правду не обижаются. Я — полнейший неуч с кучей задолженностей к тому же, потому что вечерам я занята чем угодно, кроме домашних заданий. Разве по сбору трав отметки хорошие, ведь там все задания выполняются непосредственно на занятии.

Затем Ониен провел меня вдоль шкафов с ингредиентами, которые академия безвозмездно предоставляла зельеварам команд. Но учёт всё же велся, правда, его данные подавались заведующему лабораториями только после тренировочных поединков, потому что бывали случаи, что их выкрадывали и по ним могли примерно составить картину о зельях команды — соперницы.

— Ты можешь приходить сюда в любое время, — заканчивал инструктаж целитель. — Если вдруг возникнут какие-то проблемы, например, ты обожжешься или зелье выйдет из-под контроля, я живу в комнате пятьсот двадцать два. Завлабораторией не имеет права вмешиваться в процесс приготовления, равно как и любой другой студент. В крайнем случае, беги к Харашу, ему сюда допуск разрешен.

— Это уж совсем в крайнем, — не удержалась от тихого комментария я, что, впрочем, не укрылась от внимания сокомандников.

— Оставим тебя наедине... со всем этим, — обвел широком жестом аудиторию Ониен, улыбаясь, и пошел к двери.

— Иди, Он. Я пока задержусь, — сказал Хараш, заставив меня вздрогнуть.

Как же не хочется оставаться с ним наедине! И пока пугающие мысли, совсем не свойственные мне, вполне уже взрослой девушке, неслись по извилинам мозга, маг подошел к столу и принялся выкладывать из сумки несколько холщовых мешочков. Запоздало пришло понимание, что его действия не несут никакой опасности.

— Вот, это то, что ты заказывала, — деловито сообщил он, выкладывая последний мешок. — Надеюсь, ты не надумала готовить ничего опасного, чтобы нас не дисквалифицировали.

— Когда это тебя волновало? — не удержалась от подкола я.

— И то верно, — улыбнулся Хараш, на удивление приятно. — Но будь осторожна. Это, конечно, не моё дело... но проверь зелье перед испытанием и чётко следуй инструкциям. А то посмотрел я твои отметки... пока не слишком впечатляет.

— Я над этим поработаю.

— Поработай. В библиотеке сидишь много, но на учебе это никак не отражается. Я искренне

надеюсь, что ты не задумала ничего противозаконного. На случай, если ты не знаешь, применять зелья к адептам других направлений запрещено. Некромантские зелья изготавливать можно только магистрам, поэтому не используй зелья с акцентом на вливании темной силы.

— Да не буду я! — возмутилась и при этом удивилась такой дотошности я. — Я хочу попробовать приготовить вполне обычное зелье. Не волнуйся. Ваша команда примет участие в тренировочных боях, и если её и дисквалифицируют, то не по моей вине. Всё с твоей командой будет хорошо, и я приложу все возможные усилия, чтобы ты победил.

— Приятно слышать, — немного удивленно сказал маг, приподняв левую бровь.

Затем он плавно обогнул стол и приблизился ко мне, отчего у меня перехватило дыхание. Я подавила желание сделать шаг назад, не давая себе панически отступить, но в глубине души надеялась, что все его идиотские подколы были просто шуткой и он не планирует на самом деле заменить предыдущего зельевара мной... во всех смыслах.

— Мир? — он улыбнулся и поднял вверх правую руку, вытянув ладонь вертикально.

Я недоуменно посмотрела на неё. Очевидно, это какой-то жест, вроде нашего пожимания рук, но что нужно сделать мне? Повторить его жест? Хлопнуть своей ладонью по его в знак примирения? Надеюсь, руки-то ему целовать не надо?

Я всё же выбрала первый вариант, и по тому, как он закатил глаза, поняла, что выбор был неверным.

— Темная мать! — выругался он, закатил глаза, а потом сам хлопнул меня по ладони. — Что ж это за деревня такая, что ты даже этого не знаешь!

— Нормальная деревня, — пробурчала я.

— Ну конечно, — хмыкнул он. — И чему тебя там учили? Доить коров? Сторожить овец? Тайно с эльфийской границы таскать пауков? Так твоя мама и познакомилась с эльфом, да?

— Что? — тупо спросила я, не понимая, к чему он клонит.

— Уже представляю ситуацию... Светлый эльфийский лес... тихо щебечут королевские свирели... хрупкая селянка крадется по лесу, прячась за тонкие березы, и собирает свисающие с длинных ветвей паутинные нити, складывая их в фартук и воровато оглядываясь... Тут раздаются хлопки мощных крыльев серебристого озерного дракона с прекрасным всадником — дозорным на нём...

Кажется, я уже начала понимать, к чему он клонит, но история, хоть и рассказывалась с насмешливой улыбкой на тонких губах, вызвала ответную улыбку.

— Юная селянка, пойманная с поличным, очень боится заточения в эльфийской башне, и предлагает дозорному отпустить её... Но тот, покоренный её человеческой красотой, столь непривычной взгляду лесного эльфа, в качестве платы за воровство требует поцелуй... или девичью честь... или что там ещё... на этом моя фантазия заканчивается... — он рассмеялся над своей же историей. — Очень сложно представить себе охваченного страстью эльфа... Как у твоей мамы получилось?

— Понятия не имею, — ответила я, не в силах придумать ответную правдивую историю. — Но результат налицо.

— Я вижу, — тихо сказал Хараш, приближаясь ближе. — Очень хороший результат. Так недолго представить и охваченного страстью демона в закрытой изнутри лаборатории...

После такого недвусмысленного намека я всё же отступила назад, но не от страха, а скорее из нежелания спровоцировать его на какие-либо решительные действия. Теперь уж наступила моя очередь закатить глаза и рассмеяться. Я не думала, что маг разозлится или обидится. Его дурашливая история придала ему некоей человечности, теплоты, и мне больше не хотелось бежать без оглядки.

Моё отступление не укрылось от взгляда демона и сопровождалось понимающей ухмылкой. Он не стал делать настойчивые шаги вперед, хватать меня за руки или зажимать по углам, но от этого его взгляда ёкало сердце. Вполне возможно, что он добился именно того, чего и хотел.

Я отвернулась от него и дотронулась до одного из мешочков. На нем было удивительно ровно вышито «молотые бобы Тонка», что наводило на мысли о примененном бытовом заклинании вышивки. Очень полезная, должно быть, штука.

— Спасибо... — сказала я, переводя скользкую тему на более щадящую самолюбие мага тему благодарностей.

— Азер.

— Что? — недоуменно переспросила я.

— Азер. Меня зовут Азер, Алесан, — мягко пояснил он. Когда он говорит таким тоном, моё имя звучит по — особенному.

— Спасибо, Азер, — повторила я в той формулировке, которая оказалась более приятна ему.

— Будь осторожна, не могу не повторить. Саш только и ждёт...

Сердце снова ёкнуло, но на этот раз не сладко — испуганно, а от страха. Паника, по всей видимости, ясно отразилась на моём лице, отчего Азер даже немного наклонился вперед, впиваясь в меня ястребиным взглядом.

— Ты знаешь Саша? — требовательно спросил он.

Секунды недоумения и испуга сменились облегчением. Не то окончание... не моё имя. Никто меня не раскрыл. Но как же похоже! Вот уж не думала, что тут есть Саши.

— Кого?

— Саша, — повторил Азер, причем отнюдь не приветливо.

— Понятия не имею, о ком ты, — честно ответила я, но Хараш мне не поверил.

— Да я же видел, как ты отреагировала на его имя! За чем ты врешь? Он тебя подкупил? Запугал? Кто он тебе?

— Да не знаю я его! — едва не сорвалась на крик я, вкладывая в эти слова больше эмоций, чем следовало. Но я же не робот, в конце концов, чтобы лихо управляться с чувствами.

— Я. Тебе. Не верю, — процедил Хараш, приближаясь ко мне.

Он застыл напротив, прямой, хмурый, впиваясь в меня цепким взглядом. Что-то мне это напоминало... и спустя секунду я поняла, что. Маг вдруг сделал резкий выпад вперед, одной рукой хватая меня за подбородок, а другой убирая волосы назад. Он знал, что искать, поэтому, когда его взгляд уперся в каффу на моем ухе, а руки сжались сильнее, я не удивилась, хотя и зашипела от боли.

— Сними амулет, — приказал он.

— Нет.

— Сними.

— И не подумаю, — мой ответ не изменился бы, даже если бы он снова применил ко мне «пасть».

Он промолчал, но его глаза смотрели на меня в упор, а руки, всё ещё сжимавшие подбородок и волосы позади, заставляли замереть на месте и чувствовать себя словно пойманной в капкан. Маг был силен, чертовски силен, и мои бывшие мысленные сравнения его с подростком растаяли, как дым. Он тяжело дышал, а в черных глазах начал разгораться огонь. Сначала черные зрачки стали коричневыми, потом покраснели, превращаясь в раскаленные угли, а затем принялись накалять и радужку. Я почувствовала себя словно под гипнозом, не в силах отвести взгляд от магии, творившейся на моих глазах, от магии, заключенной внутри живого существа, от магии, такой невероятно прекрасной и опасной.

Но он всё же контролировал себя намного лучше, чем мне думалось. Цепкие пальцы разжались, глаза почернели, и я смогла сделать вдох, отдавший болью в груди.

— Если ты хоть как-то связана с Сашем, в Академии ты не удержишься. Шпион в команде мне не нужен, — процедил Хараш, отступая на шаг.

— Да я не знаю, кто это! Чем он так тебе насолил? Он вообще адепт?

— Сашшихайн Архангал, ведьмак, водник, наш противник на этих играх. Он предпочитает приходить на бой с темной картой за пазухой. Если его карта — это ты, мы, конечно, проигрыш переживём, но с Академией можешь попрощаться, Митрэ. Даже твоя смазливая мордашка тебя не спасёт.

— Я не знаю его, Азер, — как можно убедительнее попыталась сказать я. — Возможно, он и попытается выбить меня из команды, как самое слабое звено, но пока что у нас с тобой договор, и я планирую его придерживаться. Если он попытается хоть как-то на меня воздействовать, ты об этом узнаешь первым.

Подозрительности в глазах Хараша стало чуть меньше, хотя она и не исчезла совсем. Но, тем не менее, он кивнул и, даже не пожелав «Темной ночи», ушел за лаборатории.

Едва за ним закрылась дверь, я обессиленно опустилась на жесткий трехногий стул. Только решишь одну проблему — появляется другая. Только, казалось бы, разберешься с подозрительностью одного — другой подхватывает этот вирус. Почему всё не может быть хорошо? Почему всё никогда не идёт по плану?

Хотя какой план? Я до сих понятия не имею, как решить один крайне важный вопрос и как мне в его решении сможет поспособствовать крайне подозрительный и совсем неглупый Хараш. Он не стал засыпать меня вопросами про зелье, за что я ему безумно благодарна, но больше такого счастья мне не видать.

К Темной матери их всех! У меня есть дело, и надо к нему приступать.

С такими мыслями я зажгла горелку и принялась готовить основу для самого главного в моей жизни зелья. На первом этапе часть ингредиентов нужно шесть часов варить на слабом огне с добавлением родственной крови. Именно поэтому его и нельзя купить, так как кровь добавляется в самом начале приготовления. Но нечего тянуть, чем раньше я приступлю к его приготовлению, тем раньше у меня отпадёт необходимость пребывать в этом мире.

Работа над зельем медленно, но шла. После занятий, а иногда и вместо обеда либо ужина, я поднималась в лабораторию и тщательно отмеряла дозы черной белены, аптечного корня, смолы мастичного дерева, лимонной вербены, крошки драконьего зуба и яда с жала мантихоры. Это не было сложно, просто требовало концентрации и терпения. Я всегда отличалась способностью к монотонному труду, требующему повышенного внимания, к тому же умела готовить. Поэтому приготовление зелья оказалось несложным, но суть специализации зельевара заключалась не только в слепом следовании инструкциям, но и в способности самостоятельно изготовить ингредиенты, вырастить их, заменить отсутствующий компонент идентичным ему по свойствам и научиться самостоятельно составлять зелья, чтобы двигать науки зельеварческой отрасли вперед. К сожалению, у меня не было времени, чтобы сосредоточиться на чем-либо помимо изготовления зелий по рецепту.

Я уже привыкла к насмешливым комментариям мастеров и магистров после моих ответов на занятиях, низким баллам на свитках с домашним заданием и снисходительным взглядам даже светлой и всепонимающей Рины. Но я не краснела, не принимала это близко к сердцу и уж тем более не боялась угроз о не сдаче мною зачетов и экзаменов. Это последнее, что меня волновало.

Самая главная ценность этого мира тихо покоилась днями в шкафчике, а по вечерам и ночам, а порой и по утрам, извлекалась на свет и варилась, варилась и варилась.

Впрочем, я не обо всем забыла. Когда зелье не требовало моего бдения над ним, я потихоньку готовила зелья по договору с Азером. Тот больше ко мне не заглядывал, лишь на обедах или ужинах я иногда ловила его задумчивый взгляд. Он перестал скабрёзно шутить и задирать меня, больше не бросал вызов одним лишь своим видом, но... глупое девичье сердце почему-то от этого не радовалось. Пара теплых мгновений в лаборатории наедине что-то изменили в моем отношении к противному магу, и я боялась себе признаться в том, что он мне нравится. Нет места для чувств. Только не сейчас, когда вся моя миссия находится в подвешенном состоянии.

Количество прочитанных легенд о демонах уже перевалило за сотню, и я уже могла бы написать свою книгу по демонскому фольклору, а ответ так и не находился. Всё свидетельствовало о том, что среди них пространственных магов не водилось. Никто из известных представителей их вида не путешествовал по загадочным землям, не встречался с необычными существами и не создавал произведений архитектуры, замешанных на магии пространства и времени.

Но при этом их магия всё же была другой. Она исходила из огня, который жил внутри демона, и находила поддержку в магическом фоне их мира. По всей видимости, при переходе в этот мир демоны некоторое время осваивались, заново восстанавливали «внутренний огонь», но его было из чего восстановить, так как «Сердце Народа» прибыло вместе с ними и не погасло. Они не утратили способностей полностью, а с помощью сердца смогли их восстановить, а значит, что-то в их сущности было особенным, ведь смогли же они создать манок и пронести это сердце сквозь ткань миров.

Самое главное, что я поняла за эти несколько дней, слившихся в одну единую цепь из шуршания свитков и книг и въевшегося намертво запаха зелий, — я понятия не имею, с какой стороны подойти к этому вопросу. А единственный человек, кто может мне сказать хоть что-то об этом, — это филигранник либо артефактор.

И так уж получилось, что двое знакомых из этой братии у меня были.

Действовать нужно было осторожно, но и медлить больше нет сил, поэтому единственным способом для обеспечения безопасности в моей голове являлось отсутствие Хараша и магистра поблизости.

Так и случилось на ужине. К слову, Хараш частенько пропускал ужин, как и многие с его потока, предпочитая по вечерам заниматься на тренировочном поле. В этот раз его тоже не было, поэтому я явилась в главный корпус чуть позднее его начала. Рина сидела в комнате за уроками, у меня же уже были такие задолженности, что разгребать их не было никакого смысла.

За дальним столом сидел в одиночестве Вазиль, веснушчатый плетенщик. Удача определенно мне улыбнулась.

Я подошла ближе, захватив по пути чай и пирожок, и уселась напротив:

— Темного вечера, Вазиль.

— И тебе темного, Алесан, — немного удивленно ответил тот, забыв на мгновение о поднесенной ко рту ложке.

— Как продвигается твоя часть подготовки к бою?

— Хорошо. А твоя? — вежливо спросил человек.

— Тоже вроде неплохо, — как можно очаровательнее улыбнулась я, но это лишь добавило подозрительности в общем-то добродушный взгляд плетенщика.

— Ты что-то хотела?

— Неужели так странно, что я просто подошла поболтать?

— Вообще-то, да, — честно ответил Вазиль.

— Ладно, у меня есть к тебе вопрос. Очень странный вопрос, но ты единственный знакомый филигранник, поэтому я подошла к тебе.

— Я тебя слушаю, — с этими словами он отложил вилку и прямо и простодушно взглянул на меня своими карими глазами.

— Скажи... Вот, например, у меня есть сосуд. И мне его надо защитить магией...

— От чего защитить? От огня? Удара? Наведенной порчи? Потери?..

— Нет — нет. Мне нужно... — я взмахнула руками, не зная, как объяснить нужный мне результат, не говоря главного, — чтобы он был как бы... в коконе. Из магии. И она не развеялась, а плотно его облепляла... чтобы ничего внутрь не прошло....

— Странные у тебя вопросы... Понятия не имею, зачем такое вообще может понадобиться...

— Но такое возможно? — чуть ли не с мольбой спросила я.

— Можно, конечно, — ответил Вазиль, смотря на меня, как на умалишенную. — Это будет амулет — накопитель, вернее, в твоём случае, сосуд — накопитель, — тут он не выдержал и так широко улыбнулся, что я почувствовала себя крашеной блондинкой, которая спрашивает, где право, а где лево.

— А как это сделать?

— Тебе — никак, но я могу, в принципе, попробовать. Раз уж ты член команды. Если ты пообещаешь и вести себя, как член команды.

— Да что угодно! — сходу пообещала я.

— Только, я надеюсь, ты понимаешь, — как маленькой девочке, начал разъяснять плетенщик, — что я не маг, поэтому я лишь сделаю тебе сосуд — накопитель, а магию должен влить артефактор или любой другой маг.

— Целенаправленно влить? С каким-то заклинанием?

— Не с заклинанием, но да, целенаправленно. Поглотители магии делать запрещено, чтобы они не выкачивали магию из окружающего пространства, но накопители есть у любого мага, и они умеют их... подзаряжать.

— Спасибо, — от души ответила я и добавила не раз слышанное прежде: — Пусть Светлая мать прольет свет на твою работу.

— И тебе спасибо, — приятно улыбнулся Вазиль, отчего в уголках его глаз появились мелкие морщинки.

Мы замолчали, каждый в своих мыслях, и тут появился третий участник действия.

— Какая милая картина! — протянул Хараш, впериw в меня колючий взгляд.

— Темного вечера, Азер, — вежливо поздоровалась я, не нарываясь. Теперь-то я уж знаю, что он мне действительно нужен.

— Что привело тебя за наш столик? — проигнорировал моё приветствие маг.

— Зер, перестань, — остановил его Вазиль. — Она только что дала мне обещание быть командой. А значит, будет теперь сидеть с нами. Верно, Алесан?

Вот уж об этом я не подумала, когда обещала. Думала, это подразумевает лишь внимательно варить свои зелья и не выделаться. А оно вон как... Ну да ладно, не смертельно.

— Именно, Вазиль, — улыбнулась я.

— Она спрашивала тебя, какие амулеты ты сейчас готовишь? — не сдавался Азер.

— Нет... Ты что... — начал было плетенщик, но маг его не дослушал.

— Она знает Саша!

— Да не знаю я его! — так разозлилась я, что даже встала из-за стола. И, повысив голос, чуть ли не прокричала: — Где он? Покажи! Пусть я хоть полюбуюсь на того, кто мне так портит жизнь!

— Да ты что! Сейчас сделаешь вид, что его не знаешь, делов-то!

— Покажи! — требовательно повторила я.

Хараш в миг оказался рядом, схватил меня за плечи и развернул в нужную сторону, прошептав на ухо:

— Да вот он, Саш, за соседним столом, так внимательно наблюдает за твоей сценкой.

Я вздрогнула, когда натолкнулась на прямой взгляд красноволосого мага. Увы, я его действительно знала, хоть и не была с ним знакома. Кто бы мог подумать, что у нас похожие имена!

— Ну что? Теперь знаешь? — ядовито спросил Хараш, поворачивая меня обратно к столу.

Я вновь села за него, чувствуя спиной взгляд моего обидчика. Интересно, он помнит, как осмелся надо мной в первый день? Теперь мне уже не было страшно, скорее... унижительно.

— Я сделаю всё, чтобы ты победил, Азер, — спокойно и честно сказала я.

Наверное, что-то особенное было в моем голосе, так как Хараш тоже опустил за стол, внимательно в меня всматриваясь.

— И да, ты был прав, я его знаю. Хотя мы и не представлены.

— Знаешь? — переспросил маг, ещё не веря в чистосердечное признание. — И откуда?

— Когда я поступала в Академию, он стоял на крыльце, хвалился своей практикой... А потом решил припугнуть... как ты там говоришь... деревенщину? Бросил мне молнию под ноги, я тогда перепугалась до смерти. Прежде на меня маги никогда не нападали. Хорошая вышла шутка... Как раз в вашем стиле. Вы, маги, очень такое любите, верно? — голос всё же не выдержал, дрогнул, а глаза противно заслезились. Я отвела глаза в сторону, на какую — ту группу адептов в коричневых мантиях, не в силах смотреть на демона.

— Извини, — на мою руку сверху опустилась горячая мужская ладонь. — Прости, что тогда я так неосторожно поставил капкан. Я бы никогда нарочно не применил пасть против тебя. И эта молния... вполне в духе Арханхала, вполне в духе... нас.

Это было так удивительно, что я решилась посмотреть на Азера. Он выглядел непривычно серьёзным и хмурым, и от его слов мне на самом деле стало легче, словно ноша на плечах немного полегчала. В этом мире есть место сожалению и раскаянию, и это... прекрасно.

Слезы всё же покатались по моим щекам, и пришлось высвободить руку, чтобы их вытереть. А те, словно почуяв слабину, прорвали плотину и хлынули из глаз сплошным потоком. Пришлось спрятать лицо в ладонях, чтобы переждать этот взрыв эмоций.

— Извините, — сквозь всхлипы выдавила я, не отрывая рук.

Спустя минуту мне удалось хоть немного взять себя в руки, окончательно вытереть слезы и улыбнуться, глядя на беспомощно взирающего на меня Хараша:

— Теперь ты никогда не перестанешь звать меня плаксой.

Тот молча смотрел на меня, застыв в каком-то странном оцепенении, а затем медленно помотал головой из стороны в сторону. У них это движение тоже значило «нет», и хотя оно было заторможенным, я всё равно улыбнулась ещё раз.

— Пойду-ка я в... лабораторию, — пробормотала я, вставая из-за стола.

— Я тебя провожу, — поднялся вслед за мной Хараш.

— Ты же на ужин пришёл, — напомнила я.

— Я не голоден, — соврал Хараш, наконец, вырвавшись из оцепенения.

Я пожалала плечами, не отказываясь от этой поддержки, и пошла к выходу. Азер шел следом, а на улице пошел рядом, косо на меня посматривая. Мне не хотелось ничего говорить, к тому же было стыдно за свою слабость. А он, очевидно, не знал, как в таких случаях следует себя вести.

Ветер снова немилосердно подул в лицо, вызывая озноб. Оно было мокрым от слез, а из-за ветра превратилось вообще в ледяную маску. Надеюсь, я не простужусь здесь. Надо всё же меньше плакать, так недолго и самой водным магом стать.

Всё в том же молчании мы поднялись в лабораторию. Я привычно повесила пиджак на крючок у двери, оставшись в блузке и юбке. Замерла ненадолго у узкого зеркала, всматриваясь в свои красные глаза. Белок глаз весь в тонких розовых прожилках... Определенно, мне не стоит плакать в присутствии мужчин.

Хараш замер у двери, не раздеваясь. Я уже собралась с ним попрощаться и поблагодарить за то, что проводил, как он задумчиво спросил:

— Скоро выходные... Что ты будешь делать?

Хорошо, что я стояла спиной, и он не заметил моей ироничной улыбки. Почему-то этот вопрос напомнил нередко появляющийся на экране монитора в разных социальных сетях. Я всегда знала, что за ним последует спустя несколько фраз. Но беда в том, что Хараш мне нужен как представитель расы демонов, а какие-либо личные отношения лишь усугубят ситуацию, добавят ещё больше нестыковок в мою хлипкую легенду. Прокол с моим именем, зелье, амулет для защиты мыслей — это уже несколько подозрительно для обычного адепта. Да и вообще, о чем мне с ним говорить? Чем объяснять постоянное сидение в библиотеке? Это сейчас я по сути ничего никому не должна, и оценки, и моё времяпрепровождение — исключительно личное дело. Я не могу тратить время на какие-либо отношения, даже несмотря на то, что Азер всё же начал мне нравиться... но не настолько, чтобы я забыла, что жизнь моей сестры зависит только от меня и от того, насколько хорошо я выполню свой долг перед семьей.

— Почувствуй, наверное. У меня много долгов. Да и зелья готовить надо...

— Ты слишком много времени проводишь в библиотеке и лаборатории... Тебе не кажется, что стоит иногда выбираться наружу?

Он подошел ближе, замер где-то у меня за спиной, так, что я сквозь весь воздух между нами практически физически ощущала его присутствие.

— Может, когда-нибудь выберусь... но не в ближайшее время.

Ещё шаг вперед. И тихо, совсем рядом с ухом:

— Ты ведь прекрасно меня поняла, да?

— Да, — не стала лгать я.

Жесткие, но такие горячие руки обхватили мою талию, разворачивая к себе. Он внимательно посмотрел мне в глаза, пытливо спрашивая:

— Ты ведь уже не обижаешься на меня за «пасть»?

— Нет.

— Тогда почему?

Что мне ему ответить? Я, черт возьми, из другого мира и боюсь малейшего промаха? Ты симпатичный парень, но я не доверяю тебе в достаточной мере, чтобы не бояться за свою жизнь и — что намного важнее — жизнь сестры в случае прокола? Что я не могу ни с кем сблизиться? И как при этом не обидеть его, сохранить возможность потом, в нужный момент, попросить об услуге?

— Не хочу быть заменой прошлому зельевару, — решила включить типично женское упрямство я. Такие доводы не должны показаться подозрительными. — Вы, по всей видимости, хорошо сработались с Амелиной, как ты сам утверждал, но я предпочту ограничиться более официальными обязанностями в твоей команде.

Он нахмурился, должно быть, припоминая сказанное когда-то. Хватка на моей талии стала крепче, но я промолчала, выжидая.

— Ты совсем не похожа на Амелину, — произнес он донельзя логичный довод.

Мне осталось лишь насмешливо улыбнуться и посмотреть на него, как на неразумного мальчика. Вот уж не хватало мне песен о любви с первого взгляда, неземной страсти или сказа о том, какая же я прекрасная и необыкновенная. Я-то знаю, что всё это чушь.

— Почему же? Вроде две руки, две ноги, ноль магии, — принялась перечислять я. — К тому же она поопытнее меня будет.

— Ты настоящая, — твердо ответил он, словно это всё объясняло.

Тут уж я не выдержала и рассмеялась. Я? Настоящая? Серьёзно? Да более ненормально человека для этого мира представить сложно. К тому же я слишком завралась для «настоящей».

— Спасибо, конечно, — всё же выдавила я. — Но я тебе не верю. Так... можно любой девушке сказать.

Пришлось замолчать, хотя я готова была дать более развернутый ответ, но после «так» я чуть было не сказала «можно любой девушке лапшу на уши вешать», а это именно тот прокол, которого я опасаясь.

— Хм, — неожиданно раздалось от двери.

Азер своими широкими плечами загораживал весь обзор, но он на мгновение сжал руки чуть сильнее, а потом резко меня выпустил, отодвигаясь.

— Магистр Тардаэш? — удивился он появлению среброволосого некроманта.

Тот стоял, облокотившись на дверной косяк и сложив руки на груди, весь черный, грозный и нелюдимый.

Я вспомнила это его «я не твой преподаватель, Алесан», звучащее как предупреждение... или обещание. Сердце враз пропустило такт, губы почему-то стали сухими, и очень захотелось всё объяснить, словно я виновата в чем-то постыдном.

— Что ты здесь забыл? — голосом магистра можно было заморозить целый город.

— Проверяю, как готовятся зелья, магистр, — немного недоуменно ответил Азер.

— Вижу я, как ты проверяешь. Лучше ступай в свой корпус, уверен, адепт Митрэ справится и без твоей помощи, — медленно проговорил некромант, словно через силу, тщательно подбирая слова.

Хараш пожал плечами, бросил на меня немного растерянный взгляд и вместо привычного «Темного вечера» мягко сказал:

— До встречи, Алесан.

Это не укрылась от слуха магистра, глаза его стали ещё более колючими, хотя, казалось бы, такое невозможно, но Хараш смотрел не на него, поэтому спокойно прошел к выходу, оставив

меня наедине с этим страшным человеком.

Я застыла у стола, не зная, куда деть руки, но боясь повернуться спиной. Инстинкт вопил нечто совсем уж несуразное, словно я оказалась в одной комнате с опасным хищником, которого нельзя выпускать из виду.

— Хараш к тебе пристаёт?

Я немного помедлила с ответом, но всё же сказала полуправду:

— Нет.

— Ты всё же варишь для него зелья, — не вопрос, а утверждение. Выражение лица даже ни на йоту не поменялось.

— Да.

— Как ему удалось привлечь тебя в команду?

— Он... нашёл подход.

На этих словах губы некроманта сжались в тонкую линию, и он сделал шаг вперед. Я же сделала полушаг назад, и уперлась в столешницу. Глаза против воли заметались по комнате, ища пути отступления. Почему это происходит? Чего я боюсь? В чем моя вина?

— Нашел подход, говоришь?

И снова чужие жесткие руки хватают мой подбородок, не давая пошевелиться. Накатывает ощущение дежа вю, только на этот раз мне в сотни раз страшнее.

— Отвечай, — требовательно.

— Да, — шепчу, подавленная его силой и темной аурой, не дающей вздохнуть без страха.

Он отпускает меня, отворачивается, чтобы произнести:

— Хараш — не самая лучшая компания для юной девушки. Тем более, для такой, как ты.

Хочется едко переспросить «настоящей?», но я боюсь его реакции на этот вопрос. Поэтому я бормочу:

— Не думаю, что во мне есть что-то особенное.

Он усмехается, но никак не комментирует мой ответ, словно и сам ещё не решил, что же во мне такого необычного. Чувствует же, чувствует, не зря магистр. И пытается разгадать. Как мне продержаться? Быть наивной деревенской дурочкой, да?

— Но какая бы девушка отказалась от внимания Азера? У нас все девчонки на него тааак смотрят... А я, благодаря вам, попала в его команду! Спасибо! Мне просто невероятно повезло.

Я нашла в себе силы улыбнуться после этих слов, молясь о том, чтобы улыбка не вышла совсем уж жалкой. Я должна выглядеть недалекой. Осчастливленной вниманием Хараша. Обрадованной свалившимся шансом быть частью крутой команды.

— Да... благодаря мне, — скривился при этих словах магистр.

А потом посмотрел на меня пристально, изучая каждую черточку, словно на моем лице написан ответ. От такого взгляда по спине пробежали мурашки. Мне показалось, что он готов отрезать мне ухо, лишь бы залезть внутрь головы, словно я оболочка, под которой оказалось нечто невиданное, что непременно нужно разгадать.

А потом он улыбнулся.

— Ты не очень хорошо врешь, Алесан. Какая же ты ещё маленькая.

При этом магистр неожиданно ласково погладил меня по голове, на прощание проведя рукой по щеке. А затем развернулся и ушел, оставив меня в полнейшей растерянности.

Утро снова не принесло мне радости. Зелья варились допоздна, а короткий сон весь был омрачен ощущением тревоги. Иногда я думала о доме, о семье, о том, ради чего я не могу спать уже третью здешнюю неделю, которая намного длиннее привычной семидневки. Периодически мне начинало казаться, что это мираж, что я гонюсь за чем-то настолько недостижимым, настолько невозможным, что оно вот-то выскользнет из рук, как солнечный зайчик из лап заигравшегося котенка. Только мы-то знаем, что поймать зайчика невозможно, но котенку это неизвестно.

Возможно ли вообще спасти сестру? Иду ли я по верному пути? Не упущу ли я время?

К тому же появился новый страх — в моменты, когда я помешивала зелье или переносила его на день в шкаф, я так боялась хоть на мгновение вспомнить о доме, хоть на мгновение вернуть чувство переноса, что прокручивала заученные ещё в школе стихи, чтобы, не дай бог, мысль не скользнула не в то русло и я случайно не переместилась вместе с неготовым зельем, которое бы лишилось при этом всех своих свойств.

И, черт возьми, здесь даже не было шоколада, чтобы привычным методом унять нервозность.

И это утро ничем не отличалось от ряда предыдущих. Зеркало немилосердно явило залегшие под глазами тени, казалось, даже золотой цвет волос немного потускнел вместе с моим взглядом. На меня смотрела очень хмурая и уставшая девушка, которая к тому же сильно похудела.

Я надела женский вариант формы, расчесала волосы расческой для создания волн и заколола их с одной стороны. Заставила себя улыбнуться. Стало чуточку лучше. Надеюсь, когда возникают настоящие поводы для улыбок, глаза всё же немного загораются и из них уходит это забитое выражение.

По дороге в столовую захватила Рину и предупредила, что я теперь должна сидеть вместе с командой. Она немного расстроилась, но теперь мне не страшно было её покидать. Кое — какие дружеские связи внутри группы уже возникли, и ей было с кем посидеть и поболтать. Я же более не могла поддерживать беседу о каком-либо домашнем задании или новой теме занятий, так просто катастрофически отставала от всего курса. И это тоже меня подгоняло. Не хватало ещё быть отчисленной. Тогда придётся поступать ещё лет через сто, чтобы никто точно не узнал меня, но будет ли жив Гидеон, чтобы активировать манок? Или же я стану семейной легендой, неким мифическим событием, которое должно произойти, есть в определенный день внук господина Брора подует в манок? Или тот продаст его какому-нибудь собирателю древностей, менее дружелюбному, чем милый моему сердцу полугном, и тот меня встретит чем-то похлеще «пасти»? Кто знает, как продвинется магическая наука за столетие, может, и на пространственного мага управа найдётся.

— Светлого утра, — поздоровалась я с командой и услышала ответное приветствие.

Ониен был немного удивлен, но дружелюбен, Дононд, по всей видимости, уже был в курсе, что я присоединюсь, Вазиль приветливо улыбнулся, а Хараш смерил меня недовольным взглядом, подмечая все неллицеприятные детали моего облика. И почему-то мне жутко захотелось иметь под рукой свою собственную косметичку, оставленную на туалетном столике в родном мире, чтобы стать красивее и привлекательнее.

— Вижу, Хараш, ты собрал-таки команду вместе! — послышалось позади.

Я обернулась и наткнулась на широкую улыбку ведьмака Бераака. Тот сегодня был крайне лохмат и небрежен, но чрезвычайно доволен жизнью.

— Слышал, ты переманил-таки нашего бывшего зельевара, — заметил Хараш.

— Нуу... как говорится, что упало, то пропало, что упущено — то кем-то другим схвачено, — и Антэн демонстративно сжал руку, показывая, что держать он будет крепко. — Светлая мать не любит пустых мест.

— А темная наоборот, — отметил Дононд. — Но мы не в обиде, вот Алесан потренируется на этом турнире, а следующий раз мы надёрем вам задницу.

— Уже боюсь, — выставил руки в защитном жесте ведьмак, ничуть не испуганный. — Если нас вообще поставят противниками. Но в моих же интересах, чтобы вы дошли до финала... победить других мне будет не так приятно.

— С чего вдруг такая забота? — сразу подобрался Хараш.

Всё-таки отношения этих двоих, постоянно делающих друг другу каверзы, не строятся на настоящей ненависти. Здоровая конкуренция, полудружеское потрунивание, мальчишеские обещания — за всем этим не было злобной мстительности и желания опустить противника на самое дно. Наверное, для этого и нужны тренировочные бои, чтобы чем бы магические дитятко не тешилось, лишь бы не начинало нападать на всех без разбору для собственного самоутверждения. Пирамида Маслоу была актуальна и в этом мире, но две высшие ступени реализации потребностей оказались замешаны и на магии.

— Арханхал задумал в этот раз что-то крупное. Слышал, он грозился тебя утопить. Не то, чтобы я был против... — сделал паузу ведьмак, — но будет печально, если ему это удастся сделать раньше меня.

— Так и сказал? Что хочет утопить? — удивился Хараш.

— Да, — подтвердил Бераак и тут же сменил тему, видя, как в нашу сторону начал поглядывать с соседнего столика медноволосый водник. — Как насчёт поразмяться сегодня?

— Да, давай после ужина, — кивнул Азер, ничуть не удивленный предложением. Видимо, они нередко практиковали подобные встречи.

— И ты приходи, Алесан. Не видела же ещё тренировок магов? — спросил Бераак, впрочем, догадываясь об ответе.

— Нет... А куда?

— На тренировочный полигон. Думаю, остальная команда тоже двинется посмотреть, так что заблудиться у тебя шансов не будет.

— Естественно, — фыркнул Ониен. — Такое зрелище мы не пропустим.

Бераак хмыкнул, пятерней взлохматил свои и без того торчащие во все стороны тёмно — русые волосы и бодрым шагом потопал прочь, к столику своей команды.

Я посмотрела в ту сторону и увидела среди сидящих адептов и девушку в зеленом. Должно быть, это и была Амелина. Она искоса наблюдала за происходящим и, поймав мой взгляд, немного презрительно усмехнулась. Впрочем, у неё были все основания для такого высокомерного вида. Черные волосы, черные глаза, смуглая кожа, высокие скулы... Типично восточная красавица, которая знает себе цену. Неужели Хараш так легко её отпустит? Ведь то, что она больше не член команды, не означает, что и их отношения должны закончиться. К тому же она идеально ему подходит, они словно из одного теста вылеплены.

Я отвернулась от их столика и встретила взглядом с пристально наблюдающим за мной Харашем. Улыбнулась ему одними губами, припоминая наш разговор. Теперь бы я добавила к сравнению ещё и то, что она красивей меня. И, несомненно, умнее и полезней в команде. Учту, если придется снова придумывать причины для отказа магу. В следующий раз непременно подключу ещё и комплекс неполноценности и самоуничижение в стиле «кто она и кто я», «как ты вообще можешь меня с ней сравнивать, видишь же, что она лучше» и «в жизни не поверю, что ты можешь предпочесть меня ей». И в этом будет немалая доля правды, только говорить её легче, когда планируешь лгать, прикидываясь другим человеком. Вообще всё легче делать, есть абстрагироваться от того, кем ты являешься на самом деле.

— У Бераака существенно повысились шансы на победу, да? — спросила я.

— Да и он и раньше не был слаб, — ответил Ониен, бросив взгляд на стол соперников. — В прошлом году мы победили по чистой случайности, уж извини за правду, Зер.

— А то я не знаю, — буркнул тот. — Но так даже интереснее. Сложности делают жизнь веселее, правда, Алесан?

Я даже не нашлась с ответом. Что он хочет этим сказать?

— В смысле?

— Мне не даёт покоя вчерашний вечер. Тогда я не придал этому значения... но зачем приходил магистр?

— Тардаэш? — вклинился бас Дононда.

— Понятия не имею, — сказала чистейшую правду я.

— Да, он, — подтвердил догадку артефактора Азер, не сводя с меня подозрительного взгляда. — Пришел вчера в лабораторию... что там забыл? Не замечал за ним интереса к зельеварению.

— Зато интерес к эльфийкам известен всем, — хмыкнул Вазиль, лукаво на меня поглядывая. — Не к адепткам обычно, но... всё бывает в первый раз.

— Откуда он вообще знает Алесан? — удивился Дононд.

— Оттуда же, откуда и я. Кто мне наказание назначал? — напомнил ему недовольный Хараш.

— Ай — яй — яй, наша маленькая Алесан покорила ледяное сердечко магистра, — протянула веснушчатая зараза, улыбаясь во все тридцать два.

— Да идите вы... к Тёмной матери! С этими вашими шуточками... не смешно, — не выдержала я, пытаюсь утихомирить вмиг бросившееся в пропасть сердце. Только не это, только бы мои подозрения не оказались правдой... Не надо мне такого интереса.

— А я и не шучу, — не переставал гнуть мою линию Вазиль, противно хихикая. — Могучий маг, высший, заметьте, член Совета, магистр некромантии, разве что тёмный... но вам, девочкам, такие персонажи и нравятся...

— Нет, не нравятся, — твердо заявила я, пытаюсь прекратить этот балаган. Харашу тоже было не весело, а Дононд слушал всё это с таким серьезным видом, словно в его голове шестеренки пытались встать на место и дать единственно верный вывод. Лишь Ониен тоже слегка улыбался, молчаливо поддерживая начинание Вазилия по подначиванию меня.

— Почему же не нравятся? — он забавно опустил уголки губ вниз, прямо как мим.

— Да он... страшный... не внешне, но такой давящий... подавляющий, точнее. Как он может нравиться?

— Всё-то вам не угодись... То слабый, то неумеха, то слишком сильный... Вы-то, женщины, хоть сами знаете, что вам нужно? — парень притворно возвел глаза к небу, ища ответы у Светлой матери.

— Хватит, — прервал затянувшуюся комедию Хараш.

Вазиль замолчал, но всё равно продолжал улыбаться, теперь уже лукаво поглядывая на Азера. Вот кто ж знал, что он такой прохвост? Хочется надеяться, что он умеет держать язык за зубами в вопросах более серьезных, чем предполагаемые сердечные тайны тёмных магистров.

Настроение испортилось окончательно, и в этот раз я бродила по лесу как неприкаянное приведение. Хорошо только, что в сопровождение нам выделили какого-то мастера — ведьмака, и мне не приходилось ежесекундно прислушиваться к шорохам, хотя, пожалуй, и стоило бы. Но, наверное, этот магический лес всё же не был сильно опасен, ведь давали же нам свободу действий.

Соскабливая смолу со странной синеигольчатой сосны, я всё думала о магистре. И о Хараше. Их образы то и дело возникали в моей голове, и как бы я их ни гнала, напоминая себе о долге, важной задаче и семье, они неизменно возвращались на место, словно им медом там было намазано. И, пожалуй, не стоило себя обманывать дальше, утверждая, что я вижу в магах лишь опасность. Так было бы нечестно по отношению к самой себе.

В родном мире у меня не было любимого человека, но было разбитое сердце. Казалось, оно осталось там, за тканью миров, вместе с горечью от неудавшихся отношений. Боли больше не было, но страх её повторения по какой-то сверхъестественной лазейке проник за мной и сюда. «Саша, не смей влюбляться. Даже не думай. Это будет самая идиотская ошибка, которую ты только можешь совершить», — приговаривала я про себя. Кто может быть худшей парой, чем тёмный некромант, пугающий одним своим видом, и неосмотрительный демон, гонимый лишь жадной приключений? Я даже не удивлюсь, если мнимое соперничество с более сильным соперником только подстегнёт интерес демона. Всё-таки они ещё совсем мальчишки, которым дали поиграться с магией вместо машинки. В моем мире парни в этом возрасте начинают превращаться в мужчин, обзаводиться семьей, работой, машиной и думать взрослыми категориями. На уме местных же была лишь победа на тренировочных боях и стремление утереть нос сопернику.

На обед я не пошла, так как не могла нарушить выработанный план. Раз уж решила идти на в общем-то не имеющую никакого практического значения тренировку адептов факультета боевой магии, то стоило уделить время зелью в обеденное время, чтобы меня не съела совесть вечером.

А после ужина, прошедшего в обсуждении непонятных мне терминов из магической отрасли, мы все вместе двинулись к тренировочному полигону, располагавшемуся позади корпуса Хараша. Я плелась в хвосте нашей небольшой процессии, проклиная холодный вечерний ветер, от которого болели уши. Предвидя пребывание на свежем воздухе, я заплела волосы в косу, и теперь мучилась от холода.

Азер шел впереди, о чем-то тихо переговариваясь с Ониеном, но периодически оглядывался на меня. Я же делала вид, что не замечаю этих взглядов. В конце концов, чего он на меня пялится? Это вызывало непонятное раздражение, по большей части из-за того, что меня напрягало такое внимание, в то время как я сама была крайне недовольна своим внешним видом. Хотелось слиться со стеной, дорожкой или деревом, притвориться предметом мебели и убежать от этого соотношения самой себя с гадким утенком. Он же шел, ничуть не смущенный, разве что немного хмурый, и даже ни разу не поежился. Но судя про вычитанному мною в книгах о демонах, его грел внутренний огонь. Мне бы такой обогрватель... но я всего лишь слабая человечка, куда мне до магов.

Самоуничижительные мысли продолжали нарастать, норовя превратиться в снежный ком. А потом ещё и начал побаливать живот, отчего меня накрыло ужасным осознанием — женская напасть не знает преград в виде времени и пространства и ничто не помешало настигнуть меня здесь. По идее, у меня есть ещё пара часов, прежде чем начнется самое неприятное, пока же я всего лишь улавливаю предпосылки будущего мучения. От этого накатила непонятная злость и одновременно жалость к себе, и жутко захотелось плакать.

Вскоре впереди показался полигон. Это было вытопанное до каменной земли поле размером с футбольное, по краям которого располагались трибуны. Зеленоватый щит высотой метра в три разграничивал место для состязаний от зрительских скамеек.

Мы четвером устроились на первой лавке и принялись ждать команду Бераака. Те тоже шли после ужина плотной компанией и уселись совсем рядом.

Амелина же подошла сначала к Харашу, слишком близко для обычного человека, и что-то тихо ему сказала. Тот улыбнулся, кивнул, постоял с ней в отдалении с пару минут и подошел вместе с ней к нам.

Бераак проигнорировал это их приветствие, просто скользнул взглядом по ним, и чувство досады начало нарастать внутри. Чего я хотела? Чтобы Хараш с ней не поздоровался? Чтобы она злилась и кусала губы, а не мило улыбалась, чувствуя себя в своей тарелке в отличие от зажатой, ничего не понимающей меня?

— Давай начинать, — сказал Антэн. — Только без амулетов, пусть Дон и не думает тебе отдавать свою монету. А то он любитель это провернуть втихаря.

— Да ладно тебе, Ант, чего жлобишься, удача ещё никому не помешала, — недовольно пробурчал Дононд и прикоснулся к груди, где болталась связка амулетов вперемешку с артефактами.

— Она вам пригодится с Сашем, а мы с Харашем по — честному разберемся.

— Да, Дон, не надо мне больше ничего подкидывать, а то потом Бераак от меня не отстанет, из могилы поднимет, чтобы только жуликом обозвать, — закатил глаза Азер, снимая пиджак и начиная закатывать рукава.

Руки у него боли сильные, с большими ладонями и выделяющимися мышцами, хоть сам он выглядел накачанным, скорее, просто стройным. Плечи у него были широкими от природы, но на шкаф он совсем не походил. Видимо, здесь вообще не было в моде качаться. Если силу и предпочитали наращивать, то исключительно магическую.

Я быстро отвела взгляд, так как была опасность, что дальше мне это сделать будет проблематично. Мужские руки всегда были моей слабостью, а при взгляде на ладони Хараша мысли в голове возникали исключительно неприличные.

— Только не надо меня в некроманты зачислять, — парировал Ант. — Такая гадость лишь среди боевых магов и водится, а нам, скромным ведьмакам, остается только по болотам

упырей вылавливать, и исключительно в таком виде нас трупы и интересуют.

— Да идите уже драться, — раздраженно вклинилась Амелина. — Холодно же! Каждый раз одно и то же...

— Эй, ты на чьей стороне вообще? — притворно возмутился Бераак.

— На твоей, милый, — игриво улыбнулась Амелина и прильнула к оборотню, как кошка, дразня тем Хараша. — Другие этого не заслуживают.

Хараш проигнорировал её намек и спокойно двинулся к полю. Тонкая полупрозрачная перегородка легко пропустила его внутрь, и пройдя совсем немного от её края, он остановился. Как мне шепнул Ваз, на настоящих боях защиту укрепляют в десятки раз, чтобы не только зрителей обезопасить, но и исключить всякую вероятность мухлеза.

На поле Азер был не один. Видимо, тренировки среди магов были обычным делом, и тут и там встречались ютящиеся на лавочках члены команды. Наверное, на настоящих боях в пределах поля располагаются лишь двое, но сейчас там шатался любой, кто хотел потренироваться, включая палящих друг в друга слабенькими, даже на мой ненаметанный взгляд, молниями первокурсников.

Бераак не заставил себя ждать и двинулся следом.

А дальше началось что-то, что должно было быть интересным магам, но для меня оставалось загадкой.

Странные жесты предваряли не менее странные заклинания, но не все они были видны не наделенным магией людям.

Сбоку Ониен периодически шептал что-то вроде: «Тёмная мать, жало тьмы!», «Давай же, ответь кипящей смолой», «Ничего, подлечим!».

Дононд качал головой, хватался за связку амулетов и смотрел щенячьими глазами на поле. Чувствовалось, что он мечтал вручить Харашу пару — тройку амулетов, но маленький магический междусобойчик магов с боевого факультета не подразумевал сторонней магической поддержки.

Вазиль же спокойно смотрел на происходящее, хотя, должно быть, видел не больше меня.

Я улавливала какие-то летящие смазанные черные стрелы, огненные шары, удавку из черного дыма, нечто сверкающее огненными вкраплениями вокруг Хараша, но пропадающее после пары сильных атак Бараака.

Один раз я вскрикнула, когда ведьмак задел демона несколькими мелкими ледяными копьями, которые Азеру удалось отразить лишь частично. Те впились в плечо и обагрили рубашку кровью, но Хараш даже глазом не повел, и это нисколько не сказалось на координации его движений. В ответ Бераак получил ожог на скуле и сожженную до колена штанину, но тоже держался молодцом.

Магия завораживала и в эти моменты даже не пугала, хотя и предстала в своем смертоносном облике. Мне совсем не было страшно, а скорее интересно, словно я смотрела увлекательный трехмерный фильм с очень продвинутой графикой. Вокруг творились так много чудес, что первой реакцией мозга было отрешиться от всего происходящего и наблюдать за ним как за разворачивающимся на моих глазах представлением, не имеющим ко мне ни малейшего отношения. Лишь ранение Хараша ненадолго выбило меня из колеи, но тихий смех Ониена быстро отрезвил. Тот сказал мне на ухо: «Не волнуйся, я залечу», и я устыдилась своих страхов. Тем более, услышав сбоку и смешок Амелины. Та же сидела весь бой спокойная и гордая, немного улыбаясь и совсем не переживая ни за бывшего члена команды, ни за настоящего.

Бой затягивался, превращаясь в дурачество, и я перестала так наблюдать за происходящим, как маленький ребенок восторженно наблюдает за салютом. Боль в животе нарастала, я ерзала на лавке, не находя себе места, и в конечном итоге не выдержала, шепнула Ониену, что плохо себя чувствую, и ушла.

Коридоры родного корпуса встретили меня теплом и спокойствием. Я едва не расплакалась, не зная, что мне делать в такой ситуации. Где искать средства, которые помогут? Уже тьма начала вступать в свои права, я не могу идти в город. У Ониена и Милана тоже спрашивать неловко... И тут я поняла, что страшно туплю. Боль затмила рассудок, и я совсем забыла, что у

меня вообще-то есть подруга.

Прекрасная, добрая Рина, конечно же, поделилась со мной средствами гигиены, довольно похожими на аналогичные из моего мира, и я, полностью обессиленная, скрючилась на кровати в самой длинной из имеющихся ночнушек.

Боль накатывала волнами. Казалось, весь мой стресс, всё напряжение последних недель решили выплеснуться в эти часы, а рядом не было заботливой мамы с парой таблеток в руке. Хотелось утонуть в спасительном сне, но он никак не шёл, словно испугавшись женских недомоганий.

Стук в дверь заставил меня едва ли не взвыть. Кого нелегкая принесла, когда я так удобно устроилась? Неужели Рина не понимает, что сейчас меня лучше не трогать?

Не зная, то ли накричать на стучавшего, то ли заплакать от досады, я открыла дверь и едва подавила желание её тотчас захлопнуть.

На пороге стоял Хараш собственной довольной персоной. Посмотрев на моё лицо, он немного нахмурился, его улыбка померкла, но потом взгляд опустился ниже и больше не поднимался.

Да, пожалуй, мой вкус к ночнушкам по местным меркам был не очень приличным. Она доходила до середины бедра и была кремового цвета, кружевная, на тонких бретельках и с довольно-таки глубоким вырезом... но в ней спалось намного удобнее, чем спалось бы во всех предложенных в магазине Броров вариантах монашеских одеяний до пят. Последнее, о чем я думала тогда, когда её покупала — это то, что её доведется увидеть кому-то из мужской части населения.

Это было выше моих сил, поэтому я просто захлопнула дверь. Застывший на пороге Хараш даже не успел ничего возразить.

Спустя несколько секунд он очухался и заколотил в дверь с новой силой.

— Уйди! — крикнула ему я, но противный маг не унимался.

— Алесан, открой! — требовательно сказал он, не сдаваясь. — Клянусь, я выбью эту дверь, и меня не пугают возможные наказания.

Еле сдерживая маты, которые я даже в самые худшие мгновения своей жизни и не думала произносить, я вновь открыла дверь. Совершать хоть одно лишнее движение по натягиванию на себя любой детали гардероба казалось невыносимой пыткой. Впрочем, особого стеснения за мной не водилось, я же не голая стою. Немало платьев в моем гардеробе были пооткровеннее этой ночной рубашки, так что я и не думала стесняться, скорее, просто опасалась реакции Азера. Но он не подросток, если у него и возникнут какие-то желания, пусть их унимает. Сейчас мне до них не было никакого дела.

— Что тебе надо?

— И так девушки встречают победителей? — донельзя наглая ухмылка появилась на лице мага, и тот быстро проскользнул внутрь, самостоятельно захлопнув за собой дверь.

— Мне сейчас не до шуток, Азер, — немного грозно ответила я, начиная закипать.

— Обожаю, когда ты сердиться, — ставшим несколько хриплым голосом сказал Хараш, делая шаг ближе.

Несмотря на свои же слова, он смотрел вовсе не на лицо, где, по идее, и должны были отражаться так понравившиеся ему эмоции, а гораздо ниже. Против воли я ощутила, как мой пульс ускорился, а грудь стала вздыматься чаще. Это не укрылось от внимательного взгляда мага, и следующий его шаг был более решительным.

Новый приступ боли напомнил мне о моем положении, и резво отскочила к кровати.

— Можно и в догонялки поиграть, — хмыкнул маг, всё ещё не понимая моего настроения.

— Стой, — воскликнула я. — Азер, стой!

Он недоуменно замер, поднимая на меня взгляд. Мне чисто по — женски была приятна его реакция, но я четко понимала, что я должна его остановить. Во — первых, сейчас было самое наилучшее время для чего-либо близкого, во — вторых, он мне пока что только лишь

симпатичен, но не более того, в — третьих, существовала Амелина, чьей заменой я становиться не планировала, в — четвертых, у меня есть цель намного важнее этих игр. И в — пятых... было ещё кое-что, чему я пока не находила названия.

— Что? — раздраженно ответил маг.

— Ты зачем пришёл?

— К тебе, — он произнес это с таким выражением, словно это всё объясняло.

Я же закатила глаза, прежде чем заявить:

— Поболтаем как-нибудь в другой раз. Сейчас мне хочется побыть одной.

В его глазах постепенно начало появляться более осмысленное выражение. Он нахмурился, взглядываясь в моё лицо, и спросил:

— Что-то случилось?

— Я неважно себя чувствую. Хочу побыть одна. Тебе лучше уйти, Азер.

— Тебе больно, — немного удивленно констатировал он, пристально рассматривая что-то вокруг меня.

— Да.

— Кто-то тебя обидел? Ты снова угодила в заклинание? Что случилось? — встревоженно спросил маг, и я не смогла не улыбнуться от искреннего беспокойства, послышавшегося в его голосе.

— Просто недомогание. Скоро пройдёт.

Его лицо приняло озадаченное и немного скептическое выражение, которое всегда появлялось, когда он пытался вникнуть в смысл моих слов, заранее считая их немного глупыми. А затем его неожиданно осенило:

— У тебя... это... женское.

— Да, капитан очевидность, именно это, — раздраженно выпалила я, снова начиная злиться. Зачем он заставляет меня это говорить? Жутко же неловко. Я ещё не вступила в ту стадию ощущения себя женщиной, когда все эти проявления женской сущности заставляют собой гордиться, а не смущенно краснеть.

— Что? Какой капитан? — удивился маг.

— Выражение такое. Из тех мест, откуда я родом, — выкрутилась я, злясь на свой несдержанный язык, но при этом даже не солгав.

Он закатил глаза, определенно, снова посчитав меня недалекой. Это уже начинает выводить из себя. Затем вздохнул и произнес:

— Так, ты ложись под одеяло. Я сейчас позову Ониена.

— Не надо, — возражение вышло каким-то жалким.

— Ещё как надо, — не согласился Азер.

Он терпеливо дождался, пока я скроюсь под одеялом, и только после этого вышел за дверь.

За время его отсутствия я проклинала себя всеми словами. Вот же ситуация... Как неловко... Как стыдно... Меньше всего мне хотелось, чтобы Азер был в курсе таких вещей, но он же, зараза, приставучий донельзя. Я честно пыталась выгнать его из комнаты, но он меня не слушал. Хорошо хоть удалось его вовремя остановить. Могло бы быть ещё более неловко, если бы моё состояние обнаружилось в процессе исследования его руками моего тела.

Спустя пару минут ожидания появился Ониен. Азер впустил его в комнату и застыл немой статуей у изголовья кровати.

— Можно? — спросил целитель, берясь за край покрывала.

— Нет.

— Да.

Мы с Азером ответили одновременно, и я зло глянула на этого настырного типа, не дающего должным образом меня подлечить. Раз уж пришлось краснеть, сознаваясь, то нечего теперь идти на попятную.

— Можно, Ониен, — упрямо я своё согласие.

Тот осторожно опустил покрывало до середины бедра и прикоснулся руками к моему животу сквозь тонкую ткань ночной сорочки. Азер не сводил с меня своего ястребиного взгляда, пристально наблюдая за действиями лекаря, я же закрыла глаза, полностью погрузившись в ощущение убаюкивающего тепла. Такая магия мне определенно нравилась, и пусть я не ощущала никаких потоков, доступных взору магов, мне было так приятно, словно теплые ручейки сосредоточились внизу моего живота, постепенно унося боль без следа.

— Спасибо, — от всего сердца поблагодарила Ониена я, когда он убрал руки и приятное ощущение закончилось.

Азер как-то излишне поспешно накинул на меня одеяло, чем вызвал улыбку целителя. Но тот промолчал.

Ониен вообще весь непривычно подобрался, пока меня лечил, преображаясь в кого-то другого, доселе мне незнакомого. Образ тонкого бледного юноши как-то сгладился, уступив место уверенным движениям прекрасно знающего своё дело профессионала, и я впервые увидела в этом полуэльфе черты целителя. Определенно такого рода магии были мне по душе. Если бы я могла выбирать, какую магию иметь, я бы, без раздумий, выбрала склонность к целительству. Именно так я смогла бы спасти свою сестру и именно так я смогла бы дарить людям радость и облегчение. Это величайший дар, и будь у меня хоть толика магии, родственной этому миру, я бы точно не выбрала ни артефактологию, ни боевую магию, ни ведьмачество и уж тем более не некромантию. Как можно иметь шанс помогать людям, но предпочесть агрессию нежной ласке целебной магии? Даже если у тебя имеется склонность к другим сферам магической науки, как можно проигнорировать настоящее волшебство лечения живых существ?

— Не за что, — ответил целитель. — В следующий раз сразу меня зови.

— Хорошо, — слабо улыбнулась, закукливаясь в одеяло. Да, мне сняли боль, но общее ощущение слабости и эмоциональный спад никуда не делись. Мне по —прежнему было одиноко, грустно и никого не хотелось видеть.

Адепт ободряюще улыбнулся и вышел из комнаты. Я очень надеялась, что Хараш последует за ним, но этого не произошло.

Маг присел на край кровати и, немного замешкавшись, протянул руку, чтобы погладить меня по волосам. Мне же было настолько плохо, что я даже не дернулась в сторону и не остановила его.

— Ты должна была сразу сказать, что тебе плохо. Ониен бы помог либо я бы сам попытался, — укоризненно произнес Азер.

— О да, я прекрасно помню, как ты умеешь лечить, — не удержалась от подкола я.

Он скривился, словно я сказала ему что-то действительно неприятное, но руку не отдернул, продолжая немного меня поглаживать. Я едва не замурлыкала, словно кошка, от такой легкой ласки, в которой невероятно сильно нуждалась в данный момент.

— Я тогда не знал... тебя. Если бы знал, отнесся бы к лечению более серьёзно.

Я не удержалась от смешка и всё-таки немного отодвинула в сторону голову. Он понял намёк и руку убрал.

— А теперь знаешь, значит?

— Думаю, да.

Вот же какой самонадеянный тип! Он любую проходящую мимо девушку знает намного лучше, чем меня. И хотя наши народы похожи, пусть и находятся на разных полюсах развития цивилизации, эта похожесть лишь мнимая, поверхностная.

Как он может меня знать, если не осознает, как много значит для человечества моего мира космос?.. как часто люди пытаются найти ответы на вопросы о смысле жизни за пределами нашей планеты?.. как они смотрят не только за пределы галактики, но и вглубь мельчайших частиц? как они тратят жизнь на поиски того, чего не видно невооруженным глазом и что существует лишь в качестве расчётов?

Мой мир чудесен. Он самый прекрасный. И отсутствие магии его совсем не портит. У нас нет волшебства, но люди настолько мечтательны, что прыгают выше своей головы, совершая невозможное.

— Спасибо, ты и так помог, Азер. Теперь можешь идти, а я лучше посплю.

— Хочешь, я останусь? — заботливо спросил он.

— Нет, — ответила я, и, испугавшись, что слова прозвучали излишне резко, добавила: — когда я себя не очень хорошо чувствую, мне хочется побыть одной. А ты тоже иди отдыхай. Победитель заслужил отдых.

Хараш улыбнулся, польщенный моими словами. Всё-таки он ещё совсем мальчишка, который придает слишком большое значение этим соревнованиям в силе и ловкости.

Либо это я чего-то не понимаю со своим укоренившимся человеческим мировоззрением. В моем мире я больше всего уважала людей за то, что они заслужили потом и кровью, упорством и сосредоточенностью на достижении цели. Здесь же люди рождались с определенным уровнем магии и лишь оттачивали его в академии на подобных соревнованиях.

Возможно, я однажды и проникнусь здешним укладом жизни, но пока воспринимаю его исключительно как способ помочь сестре, немного выйдя за пределы обычного понимания вещей. Может, лет в десять я и воспринимала бы магию как настоящее чудо, сейчас же я вижу в ней возможности без трепетного созерцания её плодов.

Либо же ото всех переживаний у меня просто поехала крыша, так, что я разучилась видеть чудеса даже в магическом мире. Если дела обстоят подобным образом, то это очень и очень тревожный знак.

— Хорошо, — сказал Азер, не видя смысла спорить со мной дальше.

А потом вдруг наклонился и быстро поцеловал меня в губы. Я не успела хоть как-либо отреагировать, и лишь молча наблюдала, как за ним закрылась дверь спустя несколько секунд.

Когда же оцепенение спало, я дотронулась кончиками пальцев до места его поцелуя. Губы были сухими, холодными, шершавыми. От досады я до боли закусила губу, злясь, что у меня здесь нет даже гигиенической помады, чтобы стать хоть немного привлекательней.

И тут же отдернула себя. Зачем мне это? Не нужно никого привлекать, ни в коем случае не нужно никем увлекаться и отдаляться от цели.

С такими мыслями я и погрузилась в легкую дрему, чтобы среди ночи вскочить, вспомнив про зелье. И хотя кровать уговаривала меня остаться с нею, соблазняя теплом и уютом, я всё же нашла в себе силы высвободиться из её объятий и отправиться в лабораторию.

И ранним утром я добавила в зелье последний ингредиент — законсервированные в мешке свежие цветки бессмертника. С замиранием сердца, помешивая зелье против часовой стрелки каждые десять минут, я наблюдала, как оно принимает зеленоватый оттенок с нерастворимыми желтыми вкраплениями, описанный в учебнике как результат приготовленного правильно зелья. Оно неприятно пахло чем-то напоминающим засохшую кровь, но запах именно таким и должен был быть.

Не в силах унять слёзы, я держала в сосуде средство для спасения моей сестры. Затем опомнилась, быстро спрятала его в шкаф, чтобы случайно не переместиться от таких радостных мыслей.

Сердце пело, плясало, хотелось свернуть горы... Это и называется надежда. Теперь она напиталась силой, расправила крылья и приготовилась взлететь, чтобы в перелёте между мирами превратиться в уверенность. Осталось лишь решить одну маленькую проблему, и шансы на спасение родного человека существенно увеличатся.

Солнечный свет ласково встречал меня за пределами корпуса, приветливо касался ободряющим жестом моих щек, задорно щелкал по носу... Я вдохнула это свежий утренний воздух, благословленный Светлой матерью, и впервые почувствовала, что этот мир может нравиться. Он, наверное, навечно станет ассоциироваться у меня с надеждой, а воспоминания о нём станут поддерживать в самые нелегкие времена.

Пожалуй, я даже буду по нему скучать. Когда-нибудь.

Радостно улыбаясь, я сбежала по ступенькам, улыбаясь всему миру и здороваясь со всеми — всеми знакомыми. Удивленный Милан обозвал меня «солнцем», Ониен, догнавший меня по пути, после моей веселой болтовни тоже сменил хмурый невыспавшийся вид на улыбчивый. Правильно говорят в моем мире: «Будь добрее — и к тебе потянутся». Оказывается, быть источником света очень даже приятно.

За нашим столом (как я легко я приучилась называть его «нашим»!) уже сидели парни с артефактологии. И не успела я пожелать им Светлого дня, поддерживая пожелание не менее светлой улыбкой, как Вазиль меня ошарашил:

— А твой подарочек уже готов!

И протянул мне небольшой сосуд из странного зеленоватого металла.

Определенно, сегодня сама судьба мне улыбается!

— Спасибо! — едва не взвизгнула я и бросилась его обнимать.

Он, не ожидавший такой прыти, на мгновение замер, а потом приподнялся на лавке и неловко обнял в ответ.

— А мне обнимашек не достанется? — послышался позади веселый голос Азера.

Я обернулась, улыбнулась и ему и потянулась с объятиями. Его сильные руки притянули меня к себе, крепко обхватив за спину и талию, и я уткнулась носом в его грудь, вдыхая терпкий мужской запах. Было чуточку неловко из-за того, что мы ещё не привыкли друг к другу — он был высоким и широкоплечим, а я маленькой и тонкой. И в то же время было безумно приятно от ощущения кого-то сильного и намного более крупного рядом. Ох уж эти врожденные женские инстинкты, только мысли в голове перемешивают, совсем спасу от них нет.

После завтрака Хараш вызвался меня проводить до теплиц, убеждая, что может опоздать на занятие без проблем. Я ему не верила, но в таком прекрасном настроении не видела смысла отнекиваться. Ведь всё складывается наилучшим образом!

— А чем Вазиль заслужил объятия? — делая вид, что ответ его не особо-то сильно интересует, спросил маг.

— Он сделал мне один необычный сосуд для зелья, — не видела смысла скрывать правду я, к тому же очень удобно, что он сам начал этот разговор.

— Всё экспериментируешь? — хмыкнул он.

— А то! — как можно беззаботнее ответила я и шутливо добавила: — А ты не хочешь мне помочь в эксперименте? Вазиль сделал сосуд — накопитель, хочу попробовать его напитать магией, вот думаю, тебя попросить либо Ониена...

— И что же я получу взамен? — хитро спросил Азер, немного прищуриваясь от солнца, бьющего прямо в глаза.

— Что хочешь, — широким жестом развела руками я, но потом быстро внесла поправки: — Естественно, в пределах разумного.

— Хочу... — Азер остановился, вынуждая и меня сделать то же самое, и сделал вид, что задумался, — ... поцелуй. Настоящий.

Меня это пожелание совсем не удивило, к тому же плата была весьма скромной. А я вынуждена была признаться самой себе, что согласилась бы и в том случае, если бы он потребовал чего-то более близкого. Без раздумий согласилась бы.

— Идёт, — улыбнулась я.

Он предвкушающе улыбнулся и принялся наклоняться, норовя взять плату прямо сейчас. Я отпрыгнула и погрозила пальцем, держась на безопасном расстоянии.

— Э нет, ты ещё не выполнил свою часть сделки.

— Может, я хочу получить аванс? — смеясь, сказал боевик.

— Никаких авансов, — строго заявила я, и тут же нарушила серьёзность момента, рассмеявшись.

Азер засмеялся вслед за мной, и в таком благодушном настроении мы и дошли до точки назначения. Перед тем, как попрощаться, он взял в мою руку в свою, немного её сжал, и тихо напомнил:

— После занятий я приду за платой в лабораторию.

— Ты её получишь, — прошептала я, заговорщицки улыбаясь.

Когда же он удалился прочь, оставив меня вместе с Риной и Браатом, моя улыбка несколько померкла. Плата меня полностью устраивала, но поддерживать легкую непринужденность и заигрывать с магом оказалось не так-то просто. Всё же у меня совсем другой склад характера, и ношение маски более легкомысленной адепки отняло часть хорошего настроения.

Но всё это ерунда в сравнении с тем, что явственно ощутимо: сегодня произойдет нечто крайне важное. Переломный момент, который я никоим образом не должна испортить. И я не должна разочаровать мага в поцелуе. Уж его работа стоит какого-то не слишком долгого прикосновения губ, а с меня не убудет. Приходилось мне в своей жизни и прежде целоваться, не испытывая любви или безумного влечения. Всё получится и в этот раз.

Мы с однокурсниками ещё некоторое время продолжали толпиться у теплиц, ожидая задерживающуюся магистра. Впрочем, с неё стало бы и вовсе забыть про занятие.

— Слышал, твой Хараш вчера в очередной раз уделал Бераака, — заметил Браат, в то время как остальные косились на меня исподтишка.

К этим взглядам я уже привыкла. Пусть они лучше судачат обо мне и Азере, подозревают меня в нечестных способах попадания в команду, сравнивают меня с Амелиной, чем задумываются над моим странным поведением. Сейчас их более беспокоят мои предполагаемые взаимоотношения со старшекурсникам, чем моя собственная персона и богатый внутренний мир.

— Да, — подтвердила я, игнорируя слово «твой». — Но Антэн тоже хорош, ты бы видел его заклинания!

— Посмотрим, как он на играх себя покажет, — заметил оборотень. — Я в любом случае буду болеть за команду однокурсницы.

Я улыбнулась против воли от таких слов. Вроде и убеждаешь себя, что на команду плевать... но нет, становится тепло, когда говорят про моих мальчиков и причисляют меня к некоей группе. Может, мне нужно было быть одиночкой в этом мире с точки зрения более правильной стратегии адаптации, но... получилось как получилось. И я даже этому рада. В конце концов, именно благодаря такому стечению обстоятельств моя проблема и близка к решению.

— Надеюсь, мы не проиграем из-за меня, — изобразила обеспокоенность я, причем, не сильно-то и кривя душой.

— Насколько я понял, Хараш и сам по себе силен, — ободряюще заметил Бераак. — Так что если он и проиграет, то уж точно не по твоей вине.

— Тебе легко говорить, ты-то не в команде.

— По больному бьёшь, Алесан, — притворно скривился он, хватаясь за сердце. — Все и так сгорают от зависти, а тебе ещё надо об этом напомнить!

Он укоризненно покачал головой, заставляя меня устыдиться.

— Прости, Киран, — извинилась я. — Уверена, в следующем году и ты попадешь в команду. У

тебя такие успехи, что тебя с руками и ногами оторвут. И тебе не придется идти на такие жертвы, как попадание в «пасть».

— Знаешь, ради такого я под заклинание похлеще попал бы, — мечтательно проговорил Браат.

— Что ты, Киран, нельзя так говорить! — возмутилась доселе молчавшая Рина. — Темная мать услышит, да и найдет на тебя что посылнее.

— А Светлая защитит, — с усмешкой ответил зельевар, возражая подруге с помощью её же оружия.

— Да будет на то её воля, — подняв на мгновение вытянутые руки вверх, произнесла Рина.

Я, не удержавшись, закатила глаза, Киран же понимающе хмыкнул, но промолчал, не желая обижать набожную Рину.

Тут послышалось грохотание. Магистр появилась из-за угла и на всей скорости врезалась в глиняную кадку с алоэ.

Послышалось сдавленное упоминание Темной матери в нелестном контексте, отрывистое «архаэл моэ неравэ» — и горшок снова стал целым и невредимым. Спасителем растительности оказался магистр Тардаэш. По всей видимости, он снова нас сегодня сопровождает.

От теплиц мы привычной дорогой двинулись в лес. Рина говорила мне о выполненном задании, я же слушала её вполуха, периодически отвлекаясь на смешки следующих позади Бераака и Лонира. Те так громко обсуждали девушек с курса, что удивительно, как те не превратились в вареных раков. Так как мы с Риной шли совсем рядом, нас коснулись совсем чуть — чуть, обозвав Рину «нашей храмовницей», что было сродни насмешливому комментарию «наша монашка» из моего родного мира, а меня — «везучей златьей». Последнее, если мне не изменяет память, местная золотая монетка. Такое сравнением мне льстило, хоть его и вызывали одни лишь мои волосы.

Когда запустили маяк, я снова отдалилась от однокурсников. Я знала, что будет дальше, что он меня найдёт. Это уверенность не покидала меня с момента, как я его видела, хоть он и скользнул по мне всего лишь легким косым взглядом.

Обирая лепестки с фиолетовых цветков местной магической разновидности незабудки, я была готова к его появлению. Думала, как и прежде, он неожиданно выйдет откуда-то из-за спины. Но всё оказалось иначе.

Прямо передо мной возник столб черного дыма, скрученного в непрерывном завихрении. Я отскочила на несколько метров, с ужасом наблюдая, как дым постепенно принимает очертания существа в черном.

Это было так страшно... действительно потустороннее. Когда он сделал шаг, место его возникновения оказалось покрыто серым пеплом, тонким слоем укывшим прежде цветущую поляну с незабудками.

Он замер, увидев ужас на моем лице.

Я же замерла, пытаюсь вернуть картину мира на место. Это не должно меня настолько ужасать, не должно. Подумаешь, дым, подумаешь, пепел! Мир-то магический, я должна быть привычной к таким фокусам.

Поэтому я просто отвернулась, давая себе время на приведение выражения лица в порядок. За спиной оказались ещё незабудки, поэтому я присела и принялась немного дрожащими руками срывать лепестки.

— Я тебя напугал?

Вот теперь его голос послышался из-за спины, как я и ожидала первоначально.

— Да, немного.

Он подошел ближе и застыл серым изваянием у дерева, наблюдая за мной. От такого внимания руки, как нарочно, стали дрожать ещё сильнее, но я упорно не прекращала своего занятия, чтобы не заговаривать с ним. Ведь пока у меня есть дело, времени на праздные разговоры вроде как нет.

— Как ты себя чувствуешь?

Теперь уже наступила моя очередь застыть.

— Что?

— Всё в порядке? — переиначил вопрос магистр.

— Да, нормально, — пожала плечами я, возвращаясь к прерванному занятию. Всё же странный он. Хотя нет, не странный, но просто чужеродный настолько, насколько это вообще возможно.

Его взгляд прожигает насквозь, кажется материальным, осязаемым... Как вести себя, когда ощущаешь себя лабораторной крысой? Когда каждое твоё движение фиксируется, изучается, анализируется? Неужели и его периодические странные намёки — тоже часть эксперимента по выбиванию меня из колеи? Я уже даже не знаю, что для меня лучше — быть объектом изучения или объектом симпатии каменного чудовища.

Лучше вовсе пропасть. Дай бог, или Светлая мать, или Темная мать, сегодня всё удастся! Тогда, возможно, когда-нибудь... когда я приду в себя... я всё же посету этот мир в другое время. Тогда я найду в какой-нибудь архив и попытаюсь там выяснить сведения обо всех известных мне сейчас людях. Может, они будут живы, а может, и нет.

Жаль только, что не успею сегодня забрать манок. Получается, что в следующий раз я снова попаду в это время, разве что могу попытаться изменить место прибытия... Тогда бы я забрала вещи из академии и отдала бы их на хранение господину Брору. А потом, вернувшись спустя неопределенное время, деактивировав маяк, прочитаю обо всех моих знакомых как о героях страшной истории, случившейся со мной когда-то.

— Вы так и будете там стоять? — не выдержала я.

Он, конечно, меня пугает, но от такого нервного напряжения страх начинает смешиваться с раздражением, причем второе начинает перевешивать.

— Можешь знать меня на «ты», — не в тему сказал магистр.

— Думаю, это непозволительно, магистр Гардаэш, — попыталась привести его в чувство я.

— Раян.

— Что? — кажется, я скоро одержу победу в номинации «Мастер тупых вопросов».

— Это моё имя.

Ещё чего не хватало — знать имя моего преследователя! Он издевается?

А он действительно издевается. Видит мои мучения, но стоит, скрестив руки на груди и приподняв бровь, словно бросая вызов.

— Назови его, — продолжил издевательство он, отодвинувшись от дерева и двинувшись ко мне плавной походкой, как неумолимо движется мощный ледоход сквозь тонкую корочку прибрежного льда.

Отступать не хотелось. Сегодня не тот день, когда я пойду на попятную!

Поэтому я вскинула глаза, посмотрев на него снизу вверх, и сказала, тихо, но членораздельно:

— Раян.

Имя перекатывалось на языке, как мятлый леденец, одновременно холодя и даря сладость. Эта тягучая ударная «я» придавала звучанию какой-то интимный оттенок, отчего мы застыли, неподвижно глядя друг на друга.

Кажется, я, сама того не желая, сделала шаг навстречу, правда, исключительно на словах. Словно назвав его имя, перешагнула через какой-то разделяющий нас рубеж. И хотя впереди их ожидалось ещё немеряное количество, небольшая уступка была сделана, что на миллиметр нас сблизило.

Впрочем, я не планировала перешагивать следующие рубежи, так что пусть этот останется пройденным. Не всё же время мне быть трусишкой. В конце концов, назвать имя самого

страшного преподавателя академии — не смертельно.

— Молодец, Алесан, — похвалил он. — Мне нравится, как ты его произносишь. Повтори-ка ещё раз.

Ну уж нет! Ещё чего не хватало.

— Не буду, — упрямо заявила я.

Он тихо засмеялся. Мне послышалось шуршание падающего пепла в этом странном издевательском смехе.

— Хорошо, — не стал настаивать магистр. — На сегодня достаточно.

Я задохнулась от переполнявших эмоций. На сегодня достаточно? Мы что, на уроке? И чему же он меня обучает?

Он снова приглушенно рассмеялся, наблюдая за моим лицом.

И я даже ничего не могу ответить. Тому же Азеру я бы точно заявила что-то вредное, чтобы его обидеть, но здесь язык не поворачивается. Кажется, чтобы я ни сказала, это будет звучать как глупый ответ двоечницы, за которой интересно наблюдать, ожидая, как же она выкрутится из ситуации с забытым домашним заданием.

Магистр медленно провел рукой над поляной, не спуская с меня глаз. Сотни сиреневых лепестков плавно поднялись в воздух и замерли.

— Открывай свой мешок, — скомандовал он.

Я послушно выполнила его приказание, и лепестки один за одним влетели в горлышко мешочка. Мне же оставалось лишь смотреть за этим чудом, приоткрыв рот.

А затем послушно двинуться вперед после очередного приказа — «Возвращаемся».

С последнего занятия я ушла, даже не отпросившись. Какой в этом смысл? Если мой план удастся, я вернусь в этот мир в это время только единожды, когда захочу деактивировать манок, чтобы потом не быть привязанной к временной линии.

Да, я немного привязалась к одноклассникам и Харашу, но не настолько, чтобы желать обучаться в академии и каждый день притворяться и скрываться, боясь разоблачения. А оно неминуемо произойдёт, я это знаю, так как мои актерские способности оставляют желать лучшего.

Возможно, некоторые из моего мира и хотели бы обучаться в магической академии, особенно, если они помладше меня, но я уже отучилась своё, теперь даже близостью к магии меня не заманишь в университет. А больше меня ничего здесь не держит.

С этими прощальными мыслями я осторожно перелила часть зелья в заготовленный сосуд, а остаток спрятала в шкафу. Опять же, нельзя не предусматривать возможность, что мой план не удастся. Я не в состоянии начать всё по новой ещё раз.

Когда послышался перезвон колокольчиков, означающий окончание занятий, я села за стол и принялась ждать. Как и бывает в такие минуты, время тянулось невероятно медленно. Утреннее ликование сменилось тревожностью, и то и дело в сердце колело. Но ничего, это обычное дело. Перед экзаменами я чувствовала себя не лучше.

По коридору постоянно кто-то ходил, я слышала это даже через массивную дверь из темной вишни, что служила входом в лабораторию.

Спустя какое-то время послышались особенные шаги. Медленные, неторопливые, но уверенные. Хараш.

Он вошёл, хитро улыбаясь. Его шалость удалась, скоро он получит своё и будет думать, что это только начало. Место Амелины займет новенькая, которой так удачно постоянно что-то нужно. А с человеком, которому что-то требуется от тебя, договориться всегда легко.

Я замерла, не отрывая от него глаз. Мне хотелось запомнить его, задержать этот момент.

Он всё-таки очень красивый парень, уже почти мужчина. Твердый подбородок, томные темные глаза, тонкие, но мягкие губы. Его взгляд способен растопить сердце любой девушки, особенно когда он так загадочно улыбается и не сводит с тебя глаз. Хорош, очень хорош этот противный маг.

— Темного вечера, — немного не к месту сказала я. Почему-то захотелось заполнить паузу, хотя она не была напряженной или тяжелой.

Он понял и принял мою неловкость и подыграл мне:

— Темного вечера, Алесан.

Сказал и спокойно приблизился к столу, становясь напротив. Словно мы встретились для того, чтобы обсудить домашнее задание или выполнить практическую работу.

Впрочем, некоторые практические занятия у нас всё же будут.

— Вот сосуд, — протянула ему я зеленую ёмкость. — Мне нужно, чтобы ты влил в него свою демонскую магию таким же образом, как заражаешь амулеты и артефакты.

— Не хочешь посвятить меня в детали своих экспериментов? — поинтересовался маг, забирая сосуд и на пару лишних секунд задерживая мою руку в своей. Затем отпустил, улыбнулся и посмотрел мне в глаза предельно наглым взглядом.

Такое чувство, что ему кажется, что я вообще выдумала весь этот эксперимент только ради того, чтобы с ним сблизиться.

Пусть думает. Это не имеет никакого значения.

— Нет, — кажется, мои слова только подтвердили его подозрения. Наверное, думает что-то вроде «а был ли мальчик?», вернее, «а есть ли эксперимент на самом деле?».

— Ну ладно, — улыбка — усмешка вновь коснулась его губ.

Он сжал сосуд в пальцах и посмотрел на него сосредоточенным взглядом, который постепенно стал превращаться в невидящий. Его действия были мне не видны, но по его мимике, застывшей, как всегда бывает, когда человек выполняет тупую механическую работу, я поняла, что процесс идёт.

Вскоре от флакона стало исходить бледное сияние, но потом и оно пропало.

В мгновение его взгляд вновь приобрел вполне осмысленное выражение. Он поднял голову, посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц и сказал:

— Вот и всё.

— Всё.

— Да. Твой сосуд — накопитель готов... к чему бы там ни было.

Он улыбался, немного провокационно, и вместо того, что почувствовать радость от выполненной последней части плана, я ощутила смущение и неловкость. «Ну же, Саша, это всего лишь расплата. Никаких чувств, ты же обещала», — приговаривала я про себя, но одно дело говорить, а другое — ощущать в груди норовившее вырваться сердце.

— Спасибо, — всё же поблагодарила его я.

Хараш, наверное, и сам бы начал требовать плату, подошел бы ближе, стал бы настаивать... Но я тоже умею держать слово. Зелья для его турнира готовы, лежат, спрятанные в шкафчике, осталось полностью расплатиться по счетам, прежде чем быть свободной.

Я слезла с высокого стула, как бывает у нас в барах, неторопливо обогнула стол и приблизилась к нему. Замерла.

В этой обуви, с совсем маленькими каблуками, я была ему чуть выше плеча. Он возвышался надо мной, такой красивый, сильный, непробиваемый... Он знал себе цену. Он знал девушек и понимал, какое оказывает на них воздействие. Поэтому сейчас он просто ждал, когда его план сработает. Я должна всё сделать сама, раз уж выдумала этот нелепый эксперимент. Но если я передумаю... ему вполне хватит наглости, чтобы настоять на своём.

Медленно, со всё ещё безумно колотящимся сердцем, я взяла его за руку. Мне всегда для поцелуев необходим больший телесный контакт, чем простое прикосновение губ. Осторожно я завела его руку себе за спину, смотря прямо в глаза. Он смотрел пристально, выжидающе, немигающим взглядом.

Когда же его рука заняла положенное ей место на моей спине и сильные пальцы обхватили мою талию, я придвинулась чуть ближе и встала на цыпочки.

И тут мою инициативу перехватили.

Он быстро наклонился, прижимая меня крепче, обхватывая двумя руками и слегка приподнимая, и впился в мои губы. Я едва успела их приоткрыть, как настойчивый язык принялся хозяйничать внутри, сминая всякое сопротивление. В этом не было ласки, только какая-то жесткость, агрессивность, как и во всем, что он делал. Но я не была против. Спустя несколько мгновений, приноровившись к его стилю, я включилась в игру, помня об обещанном «настоящем» поцелуе.

Это было слишком откровенно. Слишком интимно. Его язык действовал в определенном ритме, наводящем на мысли о совсем других действиях совсем другой части тела.

Когда он приподнял меня ещё выше и усадил на лабораторный стол, нетерпеливо скидывая склянки и устраиваясь между моих ног, я не стала сопротивляться. Мозг не был затуманен страстью, поэтому я осознавала, что влюбленная в него девушка должна вести себя подобным образом и лишь спустя какое-то время смутиться и начать говорить нет".

Моя податливость лишь сильнее его завела. Он на секунду отстранился, чтобы убрать одну руку с талии и ухватить ею мой подбородок, как будто ему и так было мало контроля. В его глазах вновь появился тот пульсирующий огонь, говорящий о том, что его огонь тоже откликается на действия хозяина.

Я смотрела открыто, не сдерживая учащенное дыхание. Всё-таки я тоже не железная, и определенные животные инстинкты при определенных действиях вполне ожидаемо просыпались.

Он несколько мгновений полюбовался результатом своих действий, а потом наклонился, чтобы вновь завладеть моим языком. Его рука сначала прижала меня ещё ближе, а затем принялась плавно спускаться, огибая моё тело, чтобы медленно пройтись по внутренней стороне бедра. Из-за утренних практических занятий я сегодня была в штанах, что оказалось только на руку Харашу.

Когда же его рука достигла до заветной цели, но не замерла, а принялась поглаживать меня сквозь ткань, желая возбудить ещё больше, я поняла, что это пора заканчивать.

Отстранилась, отводя голову в сторону от удерживающей её руки и прошептала всё-таки ставшим немного хриплым голосом:

— Азер, не надо...

— Надо, Алесан, поверь, нам это очень надо, — хрипло заявил он и снова наклонился, чтобы меня поцеловать.

Но я отклонилась назад ещё дальше, показывая своё нежелание продолжать.

— Я не готова, — сказала универсальное и спасительное я.

Он всё-таки немного отстранился, продолжая меня удерживать, и пытливо спросил:

— Почему?

Вот же недогадливый! Даже будь я действительно сильно увлеченной им, это не отменяет нескольких женских заморочек.

— Азер, — я сделала паузу после этого слова, чтобы его имя звучало проникновенней. — Сейчас не место... мы же в лаборатории! К тому же я знаю тебя совсем немного. И по — прежнему не хочу быть быстрой заменой Амелине.

— Далась тебе эта Амелина! — раздраженно выпалил он.

Конечно, далась! На неё я спихиваю все свои сомнения, это весьма универсальная отмазка, правда, исключительно для отношений с Харашем.

Я нахмурилась, отводя взгляд, демонстрируя собственное упрямство и неготовность вступать в спор по этому поводу. Между тем, своё плохое настроение нужно показать, потому что иначе придется продолжать поцелуи, ведь в них-то, по идее, не было ничего такого, отчего бы я переступила грань приличной деревенской девочки.

Поэтому я перестала отклонять спину назад, а отодвинулась вбок и спрыгнула со стола. А затем вновь обогнула стол, чтобы оказаться от него подальше.

Он не пытался меня остановить, но и не уходил. Застыл напротив, нависая над столом, облокотившись на него стиснутыми кулаками.

— Ты не должна беспокоиться об Амелине. Она мне не нужна.

— Я видела вас на поле, — "ревниво" напомнила ему я. — Она не выглядела ненужной.

— Естественно, не выглядела! Она была в команде два года, не так-то просто за раз исключить кого-то из компании! Мы все к ней привязаны.

— Тогда не надо было на меня нападать! — теперь я уже повышала голос, но не намеренно, эта тема действительно меня задевала. — Не было бы вообще никаких проблем!

Он зло на меня посмотрел, стискивая кулаки ещё больше. Брови нахмурены, взгляд прищурен — грозный маг во всей красе.

— А проблем никаких и нет, — твердо заявил он. — Все проблемы ты выдумываешь сама. Ты — новый член команды. Старый не имеет к ней никакого отношения. Уясни себе это, чтобы мы больше не возвращались к этой теме.

Голос его звучал уверенно, хоть и немного раздраженно. Определенно, в нём есть задатки лидера... даже не задатки, он уже лидер, просто ему нужно ещё немного времени повзрослеть. Сквозь слова прорывалась его склонность всё контролировать. Я обязана его слушаться, и никак иначе... Только не на ту напал ты, парень.

Тем не менее я не стала спорить, желая поскорее приступить к следующей, самой важной, части плана.

— Хорошо, — покладисто ответила я, хоть и немного недовольно. — Но сейчас... мне надо подумать.

— Подумай, — немного с вызовом произнес он.

А затем оттолкнулся от стола, но вместо того, чтобы вновь приблизиться ко мне, как я ожидала, пошел к двери и ушел, не попрощавшись.

Этот его уход был сродни наказанию. Он ожидает, что теперь я буду пытаться загладить свою вину? Расплачиваться за беспочвенные подозрения? Не дождется.

Мои дальнейшие действия были полны сосредоточенности и полностью рассчитаны заранее. Как давно ждала этого дня! Как часто перед сном я мечтала о том, что буду делать, смаковала эти минуты прощания с магическим миром. Он мне уже как кость в горле, не выплюнуть, но и не идти дальше... затянувшийся до бесконечности промежуточный этап.

Я достала зелья для команды из шкафа и положила их в сумку к зелью для сестры. Заперла лабораторию. Поднялась на свой этаж, по пути улыбнувшись и пожелав "темного вечера" Милану.

В своей комнате разделась, чтобы по пути не выветрилась магия из одежды адепта. Не хватало ещё к своим прегрешениям в этом мире добавить порчу академического имущества. Надела ту бежевую кружевную ночнушку, что подлиннее.

Замерла перед зеркалом, нащупывая каффу. Она слушала мои мысли, и стоило только к ней прикоснуться, как послушно ослабила хватку и скользнула в мою ладонь.

Положила каффу на стол рядом с зельями для Хараша. Оставила две записки: "Пожалуйста, верните этот артефакт и всё моё имущество господину Гидеону Брору, проживающему по адресу: город Афарас, проспект Даммам, дом 39" и "Для Азера Хараша, адепта 3 курса факультета боевой магии".

Взяла зелье в руки, застыв посреди комнаты и вспоминая то самое ощущение, предшествующее перемещению. Это место не для меня. Я должна быть дома, все мои мысли направлены на это. Жизнь тонкой ниточкой тянется к родному миру, присасывается к нему щупальцами...

Вот он. Момент перемещения я чувствовала всё лучше.

Скрипнул под обнаженными ступнями ламинат, ночная естественная прохлада приятно окутала тело.

Свет ночника по — прежнему освещал мою комнату. Я скользнула взглядом по экрану мобильного. Точное время за эти недели стерлось без памяти, но сейчас была ночь, которую вот — вот должен сменить рассвет, а день был тем же.

Всё было таким родным, что на глаза против воли навернулись слезы.

Но не время для сентиментальности.

Я включила общий свет и посмотрела на флакон. Внешне он был таким же, магию я по — прежнему не видела. С колотящимся сердцем дрожащими руками я отвинтила крышку. Легкий скрежет, сопровождающий это действие, всколыхнул первую волну осознания.

Вторая пришла, когда я заглянула внутрь.

Никаких мерцающих вкраплений больше не было, как и зеленоватых разводов. Зелье, вернее, теперь обычная жижа, было буровато — коричневого цвета с плавающими кусочками ингредиентов. Магия, жившая в них и позволявшая зельевару при наличии одной лишь силы придавать зелью целебные свойства, улетучилась.

Теперь уже слезы полились градом. Я свернулась на кровати и больше не сдерживалась. Ошибка. Я подвела сестру. Вместо того, чтобы найти действительно верный способ перемещения зелья, я пошла по ложному следу. Осененная ничем не подкрепленной догадкой, сосредоточила свои усилия на том, что в итоге ни к чему не привело.

Глупая, глупая Саша! Как можно было так ошибиться?

Дом снова всколыхнул во мне воспоминания, которые за недели в Академии уже успели приглушиться. Там мне некогда было об этом думать, там я двигалась вперед, достигая свою цель... здесь же я снова беспомощна перед ударом судьбы.

Почему так получилось? Что я сделала не так? Как так вышло, что магия демона полностью выветрилась? Слишком маленькая концентрация? Слишком высока в Хараше примесь другой крови? Или путь изначально был полностью неверным? В чем я просчиталась?

Сил не было больше думать. Боль растоптала меня, растоптала всю надежду и самомнение. Я подвела семью. Мне дали шанс, я же им воспользовалась неверно.

Что делать? Где найти способ? Как найти в себе силы начать всё заново?

Тут же голосок внутри напомнил, что я всегда знала о возможности такого варианта. Зелье ещё есть, стоит себе в шкафчике. Записки никто не увидит, и если я как следует сосредоточусь, то вернусь в то же место. Такое возможно, господин Брор утверждал, что опытный пространственный маг способен сопротивляться и манку. Я же должна ему довериться, но направить перемещение в другую точку, и тогда окажусь на месте. И начну всё сначала.

Эти мысли скользили, не захватывая меня полностью. Всё же случившаяся неудача сильно выбила меня из колеи.

Наверное, нужно было взять себя в руки и заставить себя действовать в соответствии с новой стратегией сразу же, но я слишком слабая для этого. Мне никогда прежде не приходилось решать настолько важных вопросов и встречаться с настолько серьёзными разочарованиями. Разбитое когда-то сердце казалось глупым происшествием... Подумаешь, несчастная любовь! Какое это имеет значение в сравнении с жизнью дорогого человека? Тогда чувства медленно убивали душу, но никак не тело. Я выжила, вышла из той ситуации с дырой в груди, с попорченными нервами, но живая.

Теперь же я столкнулась с тем, что родная сестра может прожить совсем недолго, и исправить это своими силами, силами собственного мира невозможно. Я должна действовать, но сначала... я хочу побыть слабой.

Мне нужна перезагрузка, я просто физически никак не могу прямо сейчас начать всё сначала.

С такими мыслями я тихо прошла в ванную, включила воду, а затем долго отлеживалась, смешивая ароматную воду с солеными слезами. Затем сделала гигантскую кружку с чаем, достала запрятанную шоколадку из тех времен, когда моя фигура имела для меня какое-то значение. Высушила волосы.

Подточила пилочкой ногти, а затем ножницами раскучорила её, избавляясь от пластмассового держателя. Металлической, без колпачка и основания из пластика, она вызывала меньше подозрений.

Достала из шкафа несколько важнейших предметов для интимной гигиены, о которых не подумала прежде, в итоге оказавшись в глупом положении. И пусть они выглядят совсем не местными в магическом мире, в этом вопросе я способна пойти на риск. И так от многого отказываюсь, но пожертвовать такого рода комфортом я не способна.

Полежала несколько минут на кровати, вдыхая запах родного дома. Зашла с телефона в интернет, пролистала ленту, которую уже видела когда-то, но которая теперь стерлась из памяти. Умные цитаты, смешные картинки, фотографии знакомых... эти милые глупости были такими привычными и их так мне не хватало. Пожалуй, по меркам своего мира меня уже можно приравнять к герою за такое долгое отсутствие в интернете. Но, как и у всех героев, мне это далось слишком высокой ценой.

И тут же я отдернула себя. Какая высокая цена? Саша, ты о чем вообще? Руки — ноги целы. Здоровье при тебе. Тебе не пришлось никого убивать. Тебе даже не пришлось отдаваться Харашу за его магию. Разве что недели прошли вдали от родных, в постоянном беспокойстве о сестре и боязни раскрытия. Вот и всё. Посмотри объективно — события большую часть времени складывались как нельзя лучше, а ты только и делаешь, что ноешь. Одна неудача — и в слезы. А ещё "героиня"!

Такие диалоги с самой собой были не редкостью. Заставляли образумиться и взглянуть на

ситуацию по — новому. А ещё чаще заставляли устыдиться собственного нытья.

И хотя меня по — прежнему никто не гнал из родного дома и тиканье часов особого значения не имело, я все же поднялась с кровати, вновь облачилась в ночнушку, взяла необходимые мне пилочку и гигиенические принадлежности и принялась представлять свою комнату в другом мире. Вспоминала мельчайшие детали и устремлялась туда всеми мыслями, всеми клеточками своего сердца, чтобы спустя несколько мгновений подцепить сознанием знакомое ощущение перехода и раствориться нем.

Очередной выдох.

Я открыла глаза и обнаружила, что план удался. Хотя что-то сегодня прошло как по маслу! Я вернулась не к Гидеону, а в свою берлогу. Тот же поздний вечер, та же уютная теплота, создаваемая магически, тот же шар света над пирамидкой на столе.

Не мешкая, я спрятала принесенное в шкаф, а записки — в книгу.

Вновь надела каффу перед зеркалом. Та прекрасно меня слушалась. По всему выходило, что Рамон нужен был только для её активации, а затем она становилась полностью моей. Все эти магические заморочки до сих пор выбивали меня из колеи. Принадлежность предметов в техногенном мире всё-таки определялась другими факторами, а не признанием тебя хозяином этими самыми предметами с помощью предварительного магического импульса. Никаких логинов — паролей, только желания, отраженные в мыслях. Удобно, наверное... для магов.

Дохнуло холодом.

Послышалось тихое шуршание.

Я знала, чей это звук. Опадающий пепел.

Следовало, пожалуй, возгордиться собственной расчетливостью. Не зря я надела каффу сразу по прибытии, не зря не отложила это действие до утра.

Когда я обернулась, он уже стоял возле кровати. Моя тесная комнатка была ему мала. Казалось, чернота заполнила всё окружающее пространство, да так сильно, что даже магический светильник слегка побледнел.

В углах, менее всего освященных, затаились клубы черноты.

Магистр замер, как будто от неожиданности, походя на ворона, предвещающего смерть. Высокий, сильный, подавляющий. От него исходил затхлый холод, на язык просилось добавить "могильный", но сравнивать мне было не с чем.

Против обыкновения, мне не было страшно. Случившееся пару часов назад ударило по мне сильнее, чем неожиданные приходы местных магистров некромантии. Наверное, чего-то подобного я и ожидала. Подозревала же, что мои перемещения все же имеют какие-то отголоски, видимые магам. Может, возмущения магического поля, может, отдаленное эхо незнакомой магии, может, разрыв ткани пространства — времени был для них каким-то образом ощутим.

Нужно только придумать, как выкручиваться. Очень не хотелось бы убежать и начинать всё сначала спустя столетие.

Он шагнул, слишком хищно и плавно для каменного изваяния. Его лицо, казалось, слегка посерело, лишая кожу смуглости, волосы тоже. Незаметно, практически не меняя тона, но всё же привычный цвет мокрого асфальта посветлел. Это было странно, я же видела магистра утром, он был в порядке. Нотки совсем ненужного беспокойства шевельнулись глубоко внутри, совершенно против воли. Какое мне до него дело? Почему я это чувствую?

С минуту он рассматривал меня, держась в отдалении. Снова этот изучающий взгляд, словно я лягушка, которую надо препарировать. И если сначала он казался немного удивленным, то теперь на место этой эмоции пришел изучающий взгляд с долей подозрительности.

Бежать в этом мире мне некуда, поэтому я замираю на месте, готовая, чуть что, вновь ловить то ощущение перехода. Только бы он не напал, только бы не напал...

Неуловимое движение, такое быстрое, что я не успеваю среагировать.

Но вместо нападения, он хватает меня за руку, поворачивая её ладонью вверх. И

рассматривает что-то, видимое лишь ему одному.

Я стою, задержав дыхание.

— Где ты была? — грубо спрашивает он, хватая другой рукой мой подбородок и пристально всматриваясь в лицо.

Мне неудобно. Слишком высоко запрокинута голова, так, что даже шея начала побаливать.

— В своей комнате. До этого в лаборатории. До этого на занятиях... — отвечаю ему я, смотря прямо в глаза. Ложь становится говорить намного легче, чем правду.

Он кривится, смотрит неприязненно и зло.

— Снова врешь.

— Да вы же сами пришли в мою комнату! Посмотрите на меня. Разве похоже, что я где-то прогуливалась?

Он, наконец, переводит взгляд с моего лица ниже. Сорочка по — прежнему слишком откровенная для этого мира, но пусть смотрит. Пусть думает о чем угодно, кроме того, где я была. Пусть желает что угодно, кроме того, чтобы помешать мне.

Его взгляд всё равно какое-то время остается изучающим. Тардаэш педантично осматривает мою вздымающуюся грудь, скользит по талии, задерживается в районе бедер, плавно опускается до самых пят...

Затем подозрительность уходит, сменяясь чем-то хищным.

Но, тем не менее, он не предпринимает никаких действий и только спрашивает странное:

— Где же метка?

Я вырываюсь из его руки, как только опасность сбавила градус, отхожу чуть подальше.

— Не понимаю, о чём вы.

— Кто её снял? — требовательно продолжает он.

И тут до меня начинает доходить. Всё-таки за три недели в академии я успела научиться что-то понимать в заклинаниях магов. И не зря я называла его преследователем. Он и правда следил. А я правда попалась.

— Вы за мной следили? — я честно пыталась добавить в голос злости, но вышла лишь обреченность. Сделанные выводы меня даже не удивили, я всегда подозревала, что он не сдастся. Слишком редко он попадался мне на глаза в свете всех своих подозрений. Значит, нашел какой-то способ наблюдать за мной.

— Кто. Снял. Метку? — зло повторил он, надвигаясь на меня всей своей чернотой.

— Не ваше дело! — вскинулась я. — Вы вообще не имели права вешать её на меня! Это запрещено!

Он хмурился и ничего не говорил, словно мои слова для него были пустым звуком.

А я между тем продолжала, пытаюсь до него достучаться:

— Я не маг. Ко мне нельзя применять магию против моего желания! Как вы только посмели?

Он улыбнулся, и от этой холодной улыбки я заткнулась, сразу почувствовав, насколько глупые слова только что сказала.

— А я не адепт, Алесан. Кому ты пожалуешься? Думаешь, меня кто-то... — он сделал паузу, позволяя мне осознать нелепость высказанных претензий, — ... накажет?

Я шарахнулась от него, чуть ли не забиваясь в угол. Это звучало как угроза, неприкрытая издевательская угроза. И я сама своим перемещением, понадеявшись на чудо, заставила его к ним перейти. Пока он следил издали, а я вела себя как обычный адепт, ничего не происходило. Что же будет теперь?

— Когда вы успели поставить метку? — как можно будничнее спросила я, словно он не сделал ничего преступного. Если я начну истерить и возмущаться, то только лишний раз разозлю его. А таких нелюдей мне злить не хотелось совершенно.

— На твоём практическом занятии. Ты не взяла защитный амулет... мне пришлось повесить на тебя маяк, чтобы с тобой ничего не случилось. Он же мне и сообщил, что вчера ты подверглась целебному магическому воздействию. Что случилось?

— У меня болел живот, но Ониен, из моей команды, меня вылечил.

— А мне утром ничего не сказала, лгунишка, — укоризненно покачал головой он и добавил: — С тобой иначе нельзя, Алесан. Ты не говоришь правды. Не принимаешь помощи. Не снимаешь артефакт. Как мне понять, от чего пропала метка? Или кто её снял?

Он говорил это, обвиняя меня, но не всерьёз, а шутя. Я снова чувствовала себя мышкой, с которой заигралась кошка и которая по какой-то неведомой причине ещё жива.

Магистр подозревает, что я что-то скрываю, и знает, что я не скажу этого по доброй воле. Но так же он почему-то терпит мою ложь, не пытаясь вытянуть правду какими-либо магическими способами, не причиняет мне физической боли. Почему он медлит? Уверена, он знает о множестве способов выпытать правду из человека, тем более не наделенного магией.

Я пожала плечами, не отвечая на его вопрос.

Он подошел ближе. Путей отступления больше не было, за мной находился только шкаф с травами. Поэтому я просто замерла, ожидая, что он ещё надумает предпринять.

Магистр же приблизился, приподнимая мой подбородок пальцем и снова заставляя посмотреть на него.

Глаза в глаза. Могильная чернота против весенней зелени. Грязная серость против лучистого золота. Неестественная бледность против розового румянца.

— Я же найду тебя, Алесан, — он легонько погладил мой подбородок, и от этой ласки я вздрогнула. — Не надо никого просить снимать метку. Пока она будет на тебе, я почувствую опасность, а не буду снова искать тебя по лабораториям да библиотекам. Если бы я не нашел тебя в комнате, я бы прочесал весь город, все Смешанные земли... Ты никуда от меня не денешься. Просто прими это.

Я затаила дыхание, испуганно глядя на него. Его палец между тем поднялся от подбородка выше, очертил линию губ, заставляя его взгляд измениться с изучающего на... какой-то ещё, более пугающий меня.

— Не бойся, — он заметил, как я вздрогнула от его действий, и убрал руку.

Отстранился, не настаивая. Я знала, что он собирался сделать, и он мог это сделать, я бы даже не смогла сопротивляться, но по какой-то причине ему хватило достоинства не продолжать.

— Почему ты так напрягаешься? — он снова посмотрел на меня цепко, фиксируя каждое мимическое движение. — Если ничего не скрываешь... я не понимаю, что вынуждает тебя от меня шарахаться.

— Вы пугаете, — сказала чистую правду я. — Вы некромант. Вы слишком сильный. А я... я ведь простая девочка, без магии, из глубинки. Я просто не понимаю, что вам от меня нужно.

— Ты знаешь, что мне от тебя нужно, — эти двусмысленные слова вкупе с пристальным взглядом подтвердили мои внутренние подозрения.

Я знаю, да. Поэтому он заставляет меня называть его по имени, поэтому следит... но и подозревает в чем-то при этом.

— Знаешь, — улыбнулся он, читая написанные у меня на лице эмоции. — Я позволяю тебе пока общаться с Харашем... но, милая, лучше тебе не пересекать черту. Я его пожалел, когда он зарвался... больше жалеть не стану.

И снова он перешел к угрозам. Что ж, это было ожидаемо. Впрочем, мне не составит труда держаться от Азера на расстоянии и общаться с ним только в столовой.

— Я поняла.

— Я поняла... — повторил он за мной, — ... как дальше?

— Я всё поняла, Раян, — послушно повторила я.

— Умничка, Алесан, — улыбнулся он, затем скользнул взглядом по моей ночнушке.

Я подавила желание прикрыться руками, он ведь уже и так всё рассмотрел. Но если изначально его взгляд был откровенным, раздевающим меня ещё сильнее, отчего щеки опалило жаром... то затем он вновь сменился злым. Мысли, скрывающиеся в его голове, заставляли меня впадать в ступор. Я не понимала, что он видит, что подмечает, что его радует и что злит. Как вообще в таком случае с ним общаться!

Впрочем, разгадка была близко.

— И как часто девочке из деревни приходилось ходить в таких нарядах перед мужчинами? — тьма брызгнула из его глаз, прорвалась злостью в голосе. — Ты даже не прикрылась, когда я появился.

— Я испугалась, — попыталась оправдаться я, пытаюсь замаскировать страхом излишнюю вульгарность своего мира, ввевшуюся в меня намертво и опять наведшую его на подозрения.

— Ты снова врешь, — припечатал меня он. Но затем вздохнул, втянул воздух, призывая себя успокоиться, и напомнил: — Я тебя предупредил, Алесан.

И растворился в воздухе, оставляя лишь пепел на полу.

А через пару минут и тот пропал без следа, отправляясь в преисподнюю вслед за этим чудовищем.

Ночь прошла практически без сна, полная тревожных мыслей и упаднических настроений.

Поэтому рассвет я восприняла как избавление от необходимости лежать на кровати в пучине самоедских мыслей. Дошло до того, что мне казалось, что ещё одна минута — и я свихнусь. А в глазах тем временем закончились слезы.

Надо ли говорить, что мой внешний вид наутро оставлял желать лучшего. Снова круги под глазами, снова опухшие веки, снова красные прожилки по белкам глаз. Даже расческой для создания волн не хотелось пользоваться, поэтому я ограничилась косой. А надевая ненавистную длинную юбку, мне и вовсе хотелось схватить ножницы и порезать её на лоскуты, чтобы никогда больше не видеть.

Впрочем, это была единственная вспышка гнева. Всё остальное время мною владело на удивление спокойное состояние, словно я напилась таблеток, притупляющих все чувства. Но это было лучше, чем снова чувствовать, как разрывается сердце.

И как-то за всеми своими переживаниями я совершенно забыла, что вчера произошло между мной и Азером. Поэтому, когда я приблизилась к нашему столу, а он поднялся, планируя со мной поздороваться каким-либо более близким, нежели прежде, способом, я не удержалась, шарахнулась от него в сторону и села между Вазилем и Ониеном. Те сопроводили мои действия недоуменными взглядами, но ничего не прокомментировали, сказав только "светлого утра".

Харашу же чужие уши помехой не были, поэтому он спросил прямо:

— Алесан, что случилось?

Я промолчала, а он тем временем взгляделся в меня и заметил все признаки не самой лучшей ночи у меня на лице.

— Ты плакала что ли?

Мне совершенно не хотелось начинать изворачиваться, поэтому я сказала лишь:

— Давай не сейчас, Азер. Я хочу есть.

Есть, впрочем, мне не хотелось совершенно, поэтому я быстро выпила чай, попрощалась и убежала, прежде чем кто-либо мог надумать пойти меня провожать и выяснять отношения.

Занятия, как обычно, пролетели мимо меня. Мы начали проходить законы взаимодействия ингредиентов, и я то и дело пропускала мимо ушей куски лекций, думая о своем. Это, конечно же, не было сложнее высшей математики, которую я сдала на "отлично" в университете, но и тут следовало какое-то время посидеть, послушать, вникнуть в рассказ лектора или текст учебника, что у меня совершенно не получалось сделать.

Я даже не переписывала домашние задания у Рины или у балбеса Браата, который всё равно учился лучше меня, и раз за разом получала низший балл. Иногда мастера говорили во всеуслышание о моих плохих отметках, иногда заявляли о том, что с темной силой изначально нечего было идти в зельевары, иногда грозили отчислением в конце квартала.

Я же приняла решение до нового квартала все свои дела здесь закончить. Я пыталась припомнить тексты всех книг, что читала в библиотеке, вспоминала, какие книги находились рядом с ними, прикидывала, где ещё может всплыть информация о том, что мне способно помочь. И хотя библиотека сама по себе была большой, всё же большинство книг и свитков были посвящены известным разделам магии. Наверняка, до начала квартала я изучу уже всё, что мне может помочь хоть косвенно. Если ответ не будет найден, я заберу манок у Брора и либо пронесу к себе в мир, либо попрошу его деактивировать и спрячу где-нибудь здесь. Если же ответ найдется, то я буду решать его либо в течение сессии, либо с помощью господина Брора, либо перенесусь в этот мир спустя какое-то время и попробую решить вопрос в его новых реалиях. Но одно ясно — я не успокоюсь, пока не помогу сестре. И даже если я не найду способ переместить зелье сейчас, то я смогу приготовить его вновь. Обязательно смогу.

После этих мыслей мне несколько полегчало, как всегда бывает, когда принимаешь какое-то решение, даже если оно и не особо радостное. Просто волна тревоги и неопределенности где-то в глубине души опадает и наступает легкий штиль.

Мне не захотелось враз веселиться или смеяться, но на сердце стало легче, и я могла вздохнуть, не чувствуя боли в груди.

На обеде я захватила зелья для команды из комнаты и завернула их в холщовые мешочки, используемые для хранения трав.

За столик я пришла раньше, чем Хараш, поэтому дождалась, когда он появится, усядется за стол, снова странно на меня посматривая, и только после этого достала их из сумки и поставила на середину стола.

— Вот. Зелья готовы.

— Уже? — удивился Ониен. — Я думал, до самого турнира варить будешь.

— Я постаралась справиться побыстрее.

— А я говорил, что из неё выйдет толк! — воскликнул Вазиль, обводя всех торжествующим взглядом.

— Толк-то выйдет, — заметил Ониен. — Только лучше бы она училась на занятиях, а не в лабораторию бегала. Ты в курсе, что тебя могут исключить?

— Да, — кивнула я.

— Что? — удивился Хараш, доселе молчавший и не сводящий с меня пристального взгляда.

— То, — ответил Ониен, хмурясь. — Она хуже всех на курсе, по одной лишь практике хорошие оценки.

— Не думал, что я это когда-нибудь кому-нибудь скажу, — начал Вазиль, тоже хмурясь, — но так нельзя, Алесан. Надо учиться. Даже если ты хорошо умеешь варить зелья, это тебя не спасёт.

— Да не переживайте вы! — как можно беззаботнее ответила я и, улыбнувшись через силу, добавила: — Вам же лучше! Меня исключат — найдете нового зельевара либо Амелину вернёте. Уж на моё исключение наказание Азера точно не распространяется.

— Глупые шутки, Алесан, — сквозь зубы бросил Хараш. — Не понимаю, что с тобой сегодня такое.

— Впору мне обижаться и беспокоиться, — недовольно заметила я. — Я, вообще-то, если вы не заметили, изготовила зелья. И у меня получилось! Где поздравления? Где благодарности?

— Спасибо, — хмыкнул Вазиль.

— Да, ты молодец, — добавил молчаливый Днонд, тоже не сводя с меня напряженного взгляда.

— Справилась, — улыбнулся Ониен, приподнимая правую руку вертикально в аналоге нашего поднятого вверх пальца.

— Мы ещё с этим разберемся, — не повёлся на мою мнимую обиду Хараш, обещая неприятный разговор.

Мне оставалось лишь закатить глаза и начать есть. После принятого решения на лекциях аппетит появился, да ещё и нешуточный, так что жареное мясо с гарниром из овощей пришлось как нельзя кстати. В таком боевом настроении мясо, пожалуй, самая лучшая еда.

А после ужина я отправилась в библиотеку, где не была уже с неделю, с тех пор, как нашла способ перенести зелье, вернее, с тех пор, как я подумала, что нашла способ.

Снова легкий полумрак, широкие столы, полупустой зал. На этот раз у меня нет никаких идей, нет никакой цели, поэтому я беру книги о порталах, артефактах и особенностях других рас и устраиваюсь за стол.

Когда же глаза начинают слипаться, а мозги — плавиться, в зал заглядывает Хараш, манит меня наружу, не входя внутрь. На сегодня я считаю миссию по чтению трудов великих умов местной магической науки выполненной, поэтому перехожу к следующей, неприятной, но неизбежной, части сегодняшнего распорядка дня.

С Харашем надо что-то решать, но я не имею ни малейшего представления, что же мне делать. Я могла бы и дальше поиграть в любовь, представляя себя как наивную и ревнивую адептку, которая сама не знает, чего хочет... но надо переставать быть такой эгоисткой. А планирую убраться отсюда довольно скоро, а Азеру ещё в этом мире жить и жить. Нечего помогать ему заводить первых врагов, тем более таких, как магистр. Если я исчезну, метка снова перестанет действовать, и он определенно пройдет по Харашу как самому первому подозреваемому. А тот хоть и наглый до невозможности, но зла я ему не желаю.

— Тёмного, — тихо сказала ему я, выходя из библиотеки.

— Тёмного, — отвечает маг, снова пристально на меня глаза.

Я молча иду к лестнице, когда-то, чуть ли не в другой жизни, ставшей местом нашего знакомства.

Но Азер меня останавливает, хватая за руку и тянет дальше по коридору. Мы проходим мимо музея, каких-то кабинетов, заворачиваем за угол и заходим в одну из дверей.

— Одна из лабораторий боевой магии, — говорит за спиной Хараш. — Мы здесь работаем над артефактами с Донондом. И с Берааком иногда.

Лаборатория, на самом деле, очень похожа на мою, только вместо разных зельеварских принадлежностей на столе свалены груды необработанного металла, камней, веревок и кожи, а в шкафах, так же расположенных по краям, наверняка спрятаны принадлежащие адептам образцы их учебных заданий.

Тем временем Азер проходит к одному из шкафов, отпирает его заклинанием, а не ключом, как принято у нас, зельеваров, и вытаскивает оттуда что-то длинное и сверкающее.

— Мой меч. Учебный, — добавляет он, подносит его к столу и укладывает поверх груды учебного материала. — Сейчас Дон с Вазом меняют камни, чтобы он стал эффективнее против Саша. Видишь выемки?

Я кивнула.

— Здесь будет лазурит, бирюза и драконий камень. Так воде будет сложнее до меня добраться, если дойдет до того, что я израсходую накопленный на поединок запас магии.

Я внимательно слушаю, замороженно следя за движениями его пальцев по холодному металлу. Меч лишен каких-либо декоративных элементов, лишь на рукоятке оставлены углубления под камни. Но холодная красота оружия не оставляет меня равнодушной, и я смотрю на него, не отрывая глаз.

— Ты понимаешь, зачем я тебе это показываю?

— Нет, — говорю чистую правду я.

— Ты — член команды, Алесан, — уверенно, словно пытаюсь вырубить это у меня в мозгу, говорит маг. — Я доверяю тебе секреты. От этого меча зависит наша победа... либо же поражение. Но мы команда, и что бы ни случилось, мы останемся вместе. И ты будешь с нами.

Я не выдерживаю и улыбаюсь, но улыбка помимо воли выходит отнюдь не радостной, а как будто насмешливой. Он это замечает, кривится.

— Что с тобой?

Он отставляет меч, подходит ближе, протягивает руку, чтобы дотронуться. Я отохожу дальше, надеясь, что он за мной не последует. Мы ведь уже более — менее взрослые люди, не всё же нам в догонялки играть.

— Не надо, Азер.

— Вчера же всё было нормально! Что изменилось за ночь? — он ничего не понимает, не осознаёт, что я серьёзно, а не набиваю себе цену.

— Я подумала... и решила, что нам лучше общаться как членам команды, без каких-либо личных взаимоотношений. Тогда никаких проблем не будет.

— Ты ведь это не серьёзно? — хмурится он. Всё ещё не верит.

— Напротив.

Он молчит, думает. Азер очень умный парень, но я не знаю, что он надумает сейчас. Всё-таки при тех исходных данных, что у него есть на руках, и его субъективном ко мне отношении, выводы можно сделать самые разные.

Но информации ему недостаточно, поэтому он уточняет:

— А что же было вчера?

— Азер, — мягко говорю я. — У нас был договор. Я обещала расплатиться. И расплатилась. Ты вроде бы был доволен.

И тут до него доходит, я вижу это по загорающемуся огоньку гнева в глазах демона. Они его выдают, как вообще с этим живут? Если мимику проконтролировать худо — бедно можно, то с внутренним огнём такие шутки не пройдут.

— Вот значит как. Расплатилась.

— Именно.

Он не сводит с меня своих краснящих глаз, а затем не выдерживает, мгновенно пересекает разделяющее нас расстояние и встряхивает меня за плечи:

— Ты в своём уме, Митрэ? Ты с кем играть вздумала?

— Я не играю, Азер.

Демон смотрит зло, сжимая губы, а затем делает то, чего я надеялась избежать. Наклоняется, впивается в губы, не давая пошевелиться и что-то ему противопоставить. Это напоминает пытку. Слишком грубо, слишком неприятно, даже агрессивно. Пальцы его больно впиваются в плечи, а его губы становятся горячее с каждой секундой, но не уверена, что от страсти.

Когда же он отстраняется, чтобы посмотреть на результат своих трудов, то видит распухшие и кровоточащие губы. Но я не плачу. Я знаю, что я это заслужила, что он принял мою расплату за нечто большее. Его гнев оправдан. Но неприятно всё равно.

— Пусти, — зло говорю я.

И он отпускает, отшатывается.

Теперь уже я не успокаиваюсь:

— Чего ты этим хотел добиться? Приструнить меня? Подчинить? Заставить... — тут я не удерживаюсь от смешка, — ... растаять моё сердце от твоей неземной страсти?

Он смотрит на меня расширившимися глазами. Небось, ожидал от меня совсем другой реакции.

— Или ты хотел меня напугать, чтобы я и пикнуть против тебя не посмела? Надо же, гениальный Азер Хараш, один из лучших магов Академии, обратил внимание на какую-то адептку — первокурсницу, да ещё и без магии... Я должна возгордиться? Восхититься? Благодарить тебя за оказанную мне честь?

Тут я рассмеялась, зло, ненавидяще. Я его понимаю, правда, но ненавижу насилие в любой форме, а этот его поцелуй всё же пересек грань между мальчишеским желанием что-либо доказать и намеренным применением силы против заведомо более слабого существа.

— Не будет этого, Хараш.

Он всё ещё молчал, не сводя с меня взгляда. Только вот там уже затихал огонёк злости, уступая место пониманию.

— Ты говорил, что знаешь меня настоящую? — ухмыльнулась я. — Так вот она, настоящая. Любуйся!

На последнем слове я всё же сорвалась и выплюнула — выкрикнула свою злобу и обиду ему в лицо. Но вместо того, чтобы истерически выбежать, хлопнув что есть силы дверью, я начала оглядываться в поисках зеркала, ибо во рту застыл железный привкус крови.

Оно оказалось справа. Я спокойно подошла к нему, уже предполагая, что увижу. Так и есть, губы в рваных ранках, из которых сочится кровь. Хорошо хоть, что она только губы окрашивает в красный цвет, а не стекает струйками по подбородку. Всё-таки клыков у демонов нет, только злостью и орудуют.

Я схватила какой-то кусок ткани с ближайшего стола и принялась промокать губы, чтобы не идти по академии в таком виде. Сейчас хоть и ночь уже, но адепты всё же попадают, а преподаватели вовсе в этом корпусе живут.

— Да, я ошибся, — заметил маг откуда-то сбоку, но грусти в его голосе не было ни на йоту.

Я обернулась к нему, всё так же представляя в самом неприглядном виде, но не бросаясь обвинениями ему в лицо. Я была зла, чертовски зла, и мне невероятно хотелось покончить со всем этим, чтобы он больше ко мне не приставал.

— Тебе совсем недолго осталось меня терпеть, — поделилась откровением я. — Так что успокойся, перестань меня воспитывать. Этот турнир тебе придется выигрывать со мной, пользоваться теми зельями, что есть, а на следующий найдешь себе другого зельевара.

— Ты вообще о чем? — он, хоть и спросил это, догадывался об ответе. Теперь просто хотел услышать подтверждение от меня.

— Меня либо исключат, либо я сама уйду. Мне нет никакого дела до вашей академии. Я же говорила тебе об этом с самого начала, ещё в той же библиотеке.

Он снова приблизился ко мне, но в этом движении больше не было угрозы, только беспокойность. Огонь легко вспыхивал, но так же легко и гас.

— Ты поэтому не учишься?

— Да.

— И зачем же ты сюда поступала?

— У меня есть проблема, — я не стала скрывать, мне вообще надоело всё ото всех постоянно скрывать.

Азер своим насилием как будто отключил какой-то внутренний предохранитель. Словно тормоза отказали, и я осознала, что меня несёт сплошной поток, из которого мне не выбраться. Я больше не хозяйка своей судьбы, мне это только что наглядно доказали на примере того, что я не хозяйка своему телу. Честно говоря, если бы он со злости опрокинул меня на стол, задрал юбку и показал своими действиями, что я вообще ничто, я бы даже не удивилась. Я ожидала от этого мира такой подлости с самого начала. Не переставая думала, что однажды маги воспользуются своими способностями и что-либо мне сделают... только Азер не стал применять магию, обошелся обычной грубой силой.

— Я не могу с ней справиться вне Академии. Поэтому я проделала такой долгий путь сюда. Поэтому не хотела быть в вашей команде. Мне нужно решить её поскорее, а потом вы все вздохнете с облегчением.

Он совсем не походил на кого-то, кто планирует в ближайшем будущем вздохнуть с облегчением. Наоборот, снова гипнотизирует меня взглядом, о чем-то задумавшись, но следующее его высказывание было довольно нелогичным.

— А когда ты её решишь, то останешься здесь? Начнешь учиться по — нормальному, в полную силу?

— Нет, конечно, — я не удержалась от фырканья. Да ноги моей здесь больше не будет, особенно после того, что он только что выкинул. Кровь идти всё никак не перестаёт, поэтому я и не могу выйти из этой чертовой лаборатории.

— Почему? — он удивляется, как и всякий маг. Есть у них это свойство... считать магию и близость к ней самым лучшим из всех возможных благ.

— И ты ещё спрашиваешь? — и снова яд прорвался в моем голосе. Я отвела руку с тряпкой от губ, чтобы показать на них пальцем. — Вот что с немагами происходит в магических академиях. Ты сам, дважды притом, дал мне стимул отсюда убраться как можно скорее.

Он смотрит на мои губы. Кажется, его вновь и, как всегда, запоздало накрывает понимание. В

прошлый раз после "пасти" до него тоже не сразу дошла мысль о тяжести его проступка. Что ж, на этот раз винтики в его мозгу заработали быстрее.

— Прости. Прости. Я не сдержался, — вина появляется в голосе. Он делает шаг вперед, но я вытягиваю руку в останавливающем жесте.

— Не приближайся.

Он не слушает, снова делает шаг, и вот я уже кричу, истерично, хотя и не хотела показывать эту часть себя:

— Не приближайся, Хараш!

Останавливается. Ещё одна секунда осознания.

— Ты меня боишься? — шепчет.

— А ты как думаешь? — снова голос срывается, снова не получается успокоиться.

— Прости. Я не хотел.

Демон смотрит на мои губы, скривившись, как от боли, но хоть больше не приближается.

— Ты хотел это сделать. И сделал. Не надо теперь извиняться, — мне всё же удалось сменить тон голоса на более тихий. — Я всё поняла. Осталось недолго нам друг друга терпеть.

И тут же сменила тему:

— Мне нужно подождать, пока кровь немного подсохнет. Тогда я уйду отсюда. Можешь идти, я ничего здесь не трону. К тому наверняка тут понатыкано разных заклинаний.

— Я не уйду, — он снова скривился. Этот его серьёзный вид начинает меня нервировать. — Я могу залечить.

— Вот уж нет, — я непроизвольно делаю шаг назад, стремясь оказаться от него как можно дальше.

Потом оглядываюсь, нахожу стул в ближайшем ко мне углу и сажусь на него.

Мы молчим. Тишина напряженная, и я бы безумно хотела, чтобы он ушел отсюда, но когда это Азер поступал так, как мне лучше? Разве что в тот раз, когда привел Ониена, на этом его добрые дела и закончились.

Хотелось бы уйти, спрятаться от этого его взгляда. Но в коридоре я могу встретить магистра, знаю, он живёт на каком-то из этажей главного корпуса, как и большинство преподавателей.

Но одно полезное качество у демона есть, я всё же вынуждена это признать. Он умеет не совать нос в чужие дела и не задавать лишних вопросов, каким-то чутьем понимает, когда не стоит ждать ответов. Азер не стал спрашивать о зелье, не стал допытываться, что же за эксперимент я задумала, вот и теперь молчит, не мучает меня вопросами о проблеме, которую мне так важно решить. Но он об этом думает, это видно по его озабоченному взгляду. Каким-то образом его научили не лезть в чужие тайны, но не избавили от желания их разгадать.

Что ж, теперь карт на руках у него больше. Посмотрим, что выйдет.

Эта мысль заставила меня усмехнуться, и по его брошенному искоса взгляду я поняла, что он это заметил или услышал.

И хотя у него явные проблемы с самоконтролем, иногда он умеет взять себя в руки и не делать лишних телодвижений. Несколько минут молчания и напряженного, но спокойствия помогли мне прийти в себя.

А потом я просто поднялась со стула и ушла, не прощаясь.

Умный маг не пытался меня остановить.

В выходные я отправилась к Гидеону. Надела любимое бежевое платье, распустила волосы, пустила по ним волны своей чудо — расческой.

Пару дней назад, на утро после ночного разговора с Харашем, я сама поднялась на мужской этаж и попросила Ониена вылечить мои губы. Он промолчал, не стал расспрашивать, кто это со мной сделал, но по его взгляду было видно, что он догадывается о моем обидчике. Впрочем, он, как и все лекари, сталкивающиеся с деликатными проблемами, понимал, что в некоторых случаях не стоит лезть не в своё дело. И за это молчаливое неодобрение действий Хараша, проскальзывающее и за нашими совместными встречами в столовой, я была ему благодарна.

Днём я наняла коляску за деньги из своей крохотной стипендии, которая в разы меньше, чем у магов, и направилась к мудрому человеку. Даже если магистр и следит, в этих моих перемещениях нет ничего преступного. Я вполне имею право навестить родственников или друзей в городе.

Хозяин оказался дома. Меня пропусти в дом без проблем, а полугном сразу же распорядился подать обед в кабинет.

А затем, когда за слугой закрылась дверь, привстал и обнял меня.

Сама не знаю, как мы перешли на такие теплые отношения. Я была у него всего в четвертый раз, но чувствовала, что нашла в этом пожилом мужчине единственную опору в этом мире. На этот раз мне ничего от него не было нужно. Я просто пришла поговорить и поделиться произошедшим, исключая из разговора некоторые деликатные моменты.

Когда сноровистая служанка принесла блюда с деликатесами, которые так любил коллекционер, я уже рассказала о неудавшемся эксперименте и последующих за ним действиях магистра.

— Он сказал, что поставил на мне метку. И она пропала. Правда, ему кажется, что мне помогли её снять. Вроде бы он не подозревает, что есть другой способ её лишиться... И, наверное, он поставил её снова. Поэтому он может узнать, что сегодня я была у вас.

— Ну ты и влипла, девочка, — покачал головой Гидеон. — Так заплела косу, что теперь и Тёмная мать не распутает.

— А мне и не надо. В конце квартала я уйду. Конечно, до этого навещу вас... но если ничего не найду, точно уйду.

— Жаль, что я далёк от делов Совета... Я пытался выяснить об этом Тардаэше ещё после прошлого твоего прихода, но в магических кругах у меня близких знакомых нет, а те, что есть, молчат. Боятся. Сказали только, что он страшный человек и лучше не переходить ему дорогу.

— И на том спасибо, господин Брор, — я всё равно чувствовала к нему огромную благодарность. — Как ваши дела? Как бизнес... ммм... торговля? Как поживает гномья община?

— Хорошо, всё у меня хорошо, Алесан. А община... откуда мне знать-то? Я с гномами дел никаких, кроме торговых, не имел, всю жизнь прожил в Смешанных землях, а крови их во мне слишком мало, чтобы меня звали на родину.

— Извините, — не стало неловко, что я подняла эту тему. Не стоило совать нос в его дела, сама не терплю, когда другие делают так же.

— Ничего, — он тепло улыбнулся. — Тебе-то откуда знать, как у нас дела обстоят? Мать моя была полугномкой, замуж вышла за человека, вот меня никогда назад и не звали. Да я и не стремился. В Смешанных землях жить хорошо, рай для любителя собирать редкости, все культуры перемешались, все ценности сюда свозят, чтобы перепродать. А в горах-то что? Драгоценные камни, куски породы, постоянная темнота... в камнях нет истории, Алесан. А истории — это ведь самое интересное. Я бы и о тебе сочинил историю, но живешь ты вне нашего времени, только всю жизнь тебе попорчу, если ты решишь вернуться.

— Да, в этом есть смысл. Хотя я так далеко и не заглядывала, — согласилась с его соображениями я.

— Я вот думаю... если ты освоишься в нашем мире, поймешь, что к чему... ты поприглядывай

за моими внукам, хорошо? Манок ты сама забереешь, но мне будет спокойнее, если я буду знать, что они смогут рассчитывать на кого-то вроде тебя.

— Вы меня переоцениваете, господин Брор, — смутилась от такой чести я.

— Все нет. Это тебе кажется магия нашего мира чем-то полезным, способным сотворить чудо для твоей семьи, но ведь и у нас бывают проблемы, которые не решить обычными способами. Нельзя создать магический замок, к которому не подберешь ключ из магии поэтичной либо посильнее. Нельзя снять метку злого мага, того же некроманта — магистра. Нельзя победить время. Уверен, в вашем мире тоже полно чудес. Какой он вообще?

У меня впервые спрашивали о месте, откуда я родом. Я замешкалась, не находя слов. Сейчас от сказанного мною сложится впечатление о целом мире у человека из другого, и к этому нужно подойти ответственно.

— Вы правы, мой мир чудесен, хотя и лишен магии. В нем много добра, но и много зла. Впрочем, у вас так же, — я улыбнулась его ободряющему кивку. — В моем мире люди мечтают оказаться среди звезд и каждый день что-то для этого делают. Они поднялись так высоко, достигли Луны, и теперь смотрят оттуда и предупреждают о возможных катастрофах.

— Как так? Достигли Луны? — эта новость действительно его взволновала и удивила. Таких историй старый коллекционер ещё не слышал.

— А вот так, — развела руки в стороны я. — Они очень любят путешествовать. Но на нашей планете осталось совсем мало неисследованных уголков, и они обратили свои взоры вверх.

Я указала пальцем в потолок, и хотя жест был донельзя нелепым, грудь сдавило от гордости за людей из моего мира.

— Без магии? — благоговейно прошептал полугном.

— Совершенно без магии.

Я задумалась о том, что же ещё сказать. В моём мире есть оружие, убивающее целые города, голод третьего мира, войны и борьба за сферы влияния. Но об этом говорить не стоит. Человеческая агрессия не была новостью и здесь.

— Удивительно... — выдохнул Гидеон. — А что ещё? Расскажи!

— Ещё... люди не имеют порталов, но передвигаются очень быстро... по небу. Они залезают в такие железные... корабли... или птицы... и летят внутри.

— Без магии? — снова неверяще переспросил старик.

— Без магии, — я не сдержала улыбки. — Ещё... каждый человек в любой момент времени может связаться с другим человеком. Поговорить с ним... или даже увидеть, не перемещаясь в то место, где находится другой.

— Вроде амулетов связи?

— Наверное...

— И они есть у каждого? И при этом показывают людей, с которыми говоришь?

— Да, — детский восторг полугнома наполнял меня радостью. Было так приятно хвастаться своим родным миром.

— И всё без магии?

— Да, — я рассмеялась, услышав этот уточнение в третий раз.

— Я думал, вы там совсем по — другому живете. Как в глухих деревнях у нас, — поражено заметил Брор.

— Вы бы удивились, если бы узнали, как много могут достигнуть люди в мире без магии, пользуясь одной лишь головой.

— А ты? Кто ты там?

— В моей профессии нет ничего особенного. Я... как бы это сказать... заставляю такие

железные штуки, — не знаю, зачем я взялась показывать руками размер ноутбука, он всё равно ничего не поймет, — думать. Чтобы они совершали разные действия, считали там что-то или картины показывали.

— Железные штуки? Думали?

— Вроде того, — немного смущенно добавила я, осознавая, насколько странно это прозвучало. — Это сложно объяснить... но у нас очень многие этим занимаются, это довольно распространенная профессия.

— Такое чувство, что магия в вашем мире всё же есть, — заметил полугном.

— Нет, — покачала головой я. Вначале мне хотелось добавить "к сожалению", но это было бы неправдой. Мне совсем не жаль. Я люблю свой мир именно таким, какой он есть. А здесь... здесь я как в экзотической стране. Путешествую среди недружелюбных аборигенов. Но скоро путешествие подойдет к концу.

Мы ещё немного поговорили о различиях нашего мира, и я засобиралась в Академию.

Появился Рамон, приветливо мне кивнул. Я была действительно рада его видеть, особенно теперь, когда он перестал ждать от меня какой-либо пакости только из-за того, что во мне пробудилась темная сила. Она никак не влияла на мою жизнь и лишь напоминала об одном ужасном моменте, когда моя беспечность и самоуверенность оказались для кого-то гибельными.

Злее я не стала, желание убивать или угрожать каким-либо образом благополучию других существ не появилось. Единственный толк от этой силы был в том, что она позволяла мне взаимодействовать с предметами магического происхождения в обмен на раскрытие одной темной тайны моей души. Люди видели во мне плохое, и, сказать по правде, они были правы. В моем мире за преступную халатность мне бы грозило наказание, а в какой чужой стране и смерть. Здесь же — лишь тьма, отражавшаяся в ауре и видимая лишь магам.

Тепло попрощавшись с семьей, более всех помогающей мне в самый трудный момент моей жизни, я вышла за калитку и направилась по улице, решив хоть немного прогуляться. Господин Брор предлагал отвезти меня на своей коляске, но мне сегодня хотелось просто побродить за пределами академии. Углубляться в город я бы не стала, но куда ведет эта улочка, мне было известно.

Но стоило мне отойти от дома не более чем на пятьдесят метров, как прямо передо мной появился клубочек дыма, который принялся разрастаться всё сильнее и сильнее, принимая очертания человеческого тела. Я уже знала, кто это, и так же знала, что мне от него не скрыться. Поэтому просто стала ждать.

Сегодня тьма не была его одеждой, отчего я даже удивилась. Видимо, черные одеяния некроманта он предпочитал носить в Академии, а в другое время мог выглядеть иначе.

В этот раз на нём была тонкая белая рубашка, по моде этого мира украшенная серебряной нитью, и тёмно — серые брюки. Никаких черных мантий, никаких застегнутых все пуговицы сюртуков... Так он выглядел куда человечнее, разве что длинные серые волосы, заплетенные в косу, по — прежнему делали его слегка чужеродным для меня.

Но когда он предстал передо мной в таком виде, я впервые подумала, что он может быть привлекательным, и тут же прогнала эти мысли. И так сердце начинает бешено колотиться при каждом его появлении, не хватало добавить к страху ещё и личную привязанность.

Он скользнул по мне взглядом, и я снова, совсем не к месту, подумала, что сделала правильный выбор в пользу именно этого платья. Пусть вырез немного глубоковат, но моя грудь мне нравилась, хотя и не была каких-то впечатляющих размеров. И мне нравилась моя родинка на груди справа, выглядывающая из декольте. И то, как сегодня красиво струились волнами волосы. И то, что мне сегодня удалось выспаться и более не ходить с красными глазами... Я хорошо выглядела, и его взгляд был мне наградой.

Впрочем, даже произведенное на него впечатление не заставило его вернуться к принятым здесь правилам хорошего тона. Магистр быстро схватил меня за руку, притянул к себе, и всё это сопровождалось коротким:

— Пойдём.

Я не успела сообразить, что это значит, как тьма окутала и меня, растворяя, превращая в дым,

который несся куда-то по каналам этого мира. Чувство совсем не было похоже на то, что я ощущаю при перемещениях между мирами, но, тем не менее, я поняла, что это портал, тот самый, которым он ходит постоянно.

Дым развеялся, и мы оказались на вершине какого-то высокого здания. Я лишь вскрикнула от неожиданности, но настоящего страха не испытала.

Здание, по всей видимости, было рестораном. Вернее, не здание, а его самый последний этаж. Множество изящных столиков из разного вида металла, инструктированных полудрагоценными и драгоценными камнями, как принято здесь украшать мебель среди представителей высшего сословия, располагалось по всему периметру ресторана.

А окон здесь не было. Я уже достаточное время пробыла в этом мире, чтобы понять, что над нами и вокруг нас расположен невидимый мне, человеку без принятого здесь вида магии, защитный купол. Ветер не чувствовался, температура вокруг была вполне комфортной, а ещё звуки извне не проникали внутрь.

Магистр тем временем провел меня к столику у самого края площадки, и я, наконец, смогла рассмотреть, что же нас окружает. Мы находились в центре безумно красивого магического города. Эльфийские мастера определенно приложили руку к его внешнему виду, превратив все здания в центре в миниатюрные дворцы с башенками, шпилями и балкончиками. Чуть дальше, насколько мне хватало зрения, я увидела более низкие постройки, но тоже не теряющие своего изящества.

Вокруг было столько красоты, что я враз забывала все свои гневные слова, и лишь спросила:

— Где мы?

— Персеиды. Столица Смешанных земель. Никогда здесь не была? — он лишь уточнял, так как понял по моему восхищенному взгляду, что я вижу это великолепие впервые.

— Нет.

Тут к нам подлетел официант, самый настоящий эльф. Очень тонкий, изящный, с длинными струящимися серебристыми волосами, тонкими чертами лица и нечеловеческими глазами. Он сказал:

— Светлого дня вам, магистр Тардаэш, и вашей спутнице.

И положил меню передо мной и магистром, скользнув по мне заинтересованным взглядом.

Когда на меня обратили такое явное внимание, радужное утреннее настроение вмиг пропало. Мне определенно здесь не место. Да, я неплохо сегодня выгляжу, но совсем не для ресторана подобного уровня. В своих страхах и постоянных метаниях я совершенно забыла, что магистр не только преподаватель, но и член Совета, а по местным меркам, где весь мир держится на магии, это довольно высокий статус. Я видела в нем лишь угрозу своим планам и совсем не обращала внимания на то, кем он является на самом деле.

Он снова прочитал все эмоции на моем лице и ласково сказал, улыбаясь уголками губ:

— Ты прелестно выглядишь, Алесан. Выбрось эти мысли из головы.

Я не удержалась от нервного смешка, не веря ни единому его слову.

И он снова это понял, наклонился вперед, положил свою руку поверх моей, и добавил:

— Алесан, ты очень красивая девушка. Такой, как ты, нигде больше нет.

Я посмотрела на него удивленно. Слишком непривычно было слышать такие слова из его уст. Мне всегда казалось, что он вообще меня воспринимает как-то иначе, не особенно задумываясь о моей внешности и привлекательности... но надо же, заметил.

— Спасибо... Раян, — сделала ответный шаг я.

Он позволил себе отойти от привычной линии поведения, и я за это благодарна. Даже его имя произнести получилось хоть и с некоторой долей неловкости, но без страха. Эта мысль меня удивила, и я замерла, прислушиваясь к своим же эмоциям — да, страха и тревоги внутри не было. Бежать без оглядки не хотелось, скрываться тоже.

Хотелось лишь наслаждаться тёплым солнечным днём и заказать вот этот салат, выглядящий привлекательно на картинке, и холодный напиток с фруктами и ягодами. Ему удалось усыпить мою бдительность, разогнать подозрительность, и пусть это временно и продлится совсем недолго, мне хочется остановиться в этом моменте спокойствия.

Мы немного помолчали. Я не знала, о чем говорить, но не чувствовала особого напряжения. Моё внимание было сосредоточено на пролетающих где-то на границе города драконах, чьи широкие взмахи крыльев я видела и с этой высокой башни в центре. Жаль, что нет возможности рассмотреть их поближе.

Когда подошел официант, а совершенно спокойно сделала заказ, чем заработала очередной подозрительный взгляд. Магистр думал, что я не знаю состава блюд? Или не умею делать заказы? Как бы это ни было удивительно, большая часть ингредиентов оказалась мне знакома, так что выбор я сделала легко, а разыгрывать представление с деревенской девочкой больше не было настроения. Хватит. Мои нервы вот-то сдадут, я не привыкла притворяться другим человеком двадцать четыре часа в сутки.

Цена заказанного была довольно высокой, но и тут я отошла от мнимого смущения. Он привел меня сюда, и уверена, он же будет платить. А рыскать по карманам в поисках якобы пропавших денег либо демонстрировать оскорбленную невинность... к чему всё это? Я не такая.

Заказ принесли очень быстро, видимо, в этом была особенность магического мира, какая-то кулинарная заморочка с быстротой приготовления или той же консервацией, которую так неправильно в своё время применил ко мне Хараш.

Под внимательным взглядом магистра есть не очень хотелось, но в то же время было чем занять руки. Одной рукой я ухватила бокал с фруктовым напитком, а другую положила на салфетку. Полегчало.

— Вы меня сюда привели молчать? — не выдержала я.

— Ты, — напомнил он.

Я слегка покачала головой, не пряча усмешку. Вот упрямый какой. Но повторять предложение не стала.

— Пообедать, — пояснил он. — Поговорить. Я совсем ничего о тебе не знаю.

Магистр перестал на меня так пристально смотреть и взялся за вилку с ножом, намереваясь приступить к еде. У него было какое-то мясо и вино. Мне же первого совсем не хотелось, поэтому я ограничилась салатом. Хорошо, что он не стал меня принуждать делать другой заказ.

— Что вы хотите узнать? — миролюбиво спросила я, надеясь, что он уйдет от этого своего вечного "кто ты?".

— Какая у тебя семья, например, — предложил он.

— Ну... у меня есть папа и мама. И сестра. Сестра старше меня на пять лет, совсем недавно вышла замуж, — при мысли об Оксане защипало в глазах, но мне каким-то чудом удалось это сказать недрогнувшим голосом.

— Они не из Афараса, да?

— Да. А у вас... тебя? Есть братья — сестры? Родители?

Он посерьёзnel, но тем не менее ответил довольно откровенно, не призывая меня не лезть не в своё дело:

— Родители ещё живы, правда, давно уже отошли от дел. Двое братьев, один старше меня, другой младше. Но они тоже живут не здесь. Я с ними нечасто вижусь.

Я улыбнулась. Он сказал даже больше, чем я. И я это оценила. Поэтому следующий вопрос задала сама, хотя он и был излишне откровенным:

— А своя семья? Ты женат? Есть дети?

Он посмотрел на меня так удивленно, словно я спросила о чём-то из ряда вон выходящем.

— Нет, конечно. Разве я стал бы тогда...хмм... уделять тебе внимание?

Хорошо, что не сказал более правдивое "преследовать тебя" либо не "давать тебе проходу, угрожая Харашу". Хотя, помнится по разговорам, он предпочитал эльфиек, значит, не был монахом. Неудивительно, что я ему приглянулась, всё-таки жители этого мира видели во мне эльфийские корни.

— Многим это не мешает, — пожала плечами я.

— Ты же не думала всё это время, что я женат? — подозрительно спросил он.

— Нет. Просто решила уточнить... интересно. Хотя это и не имеет никакого значения, — сказала я и тут же пожалела, видя, как поменялось его лицо.

— Для тебя это вообще не имеет значения? Или в случае со мной?

И что мне ответить? Да, для меня не имеют значения брачные узы местных жителей, так как я не планирую здесь задерживаться. Будь он хоть сто лет женат, я бы не удивилась его вниманию к адептке. Вот из такого я мира, где всё перевернуто вверх ногами.

— Мне в принципе без разницы, женат кто-то или нет. Это не моё дело. Зря я спросила. Извините, — и снова я перешла на "вы", не удержалась. Так выходит намного легче и естественнее, чем говорить "ты" этому существу.

— Ничего, — ответил он, испепеляя меня взглядом. И добавил, хоть я и не спрашивала: — Я не связывал себя узами, так как... кое-что мешало.

— И всё ещё мешает?

— Да. Но я надеюсь, что недолго.

И снова слова — обещание, вернее, слова — угроза. Что-то чудилось в этой фразе недоброе, при этом имеющее ко мне прямое отношение, но разгадать логику темного магистра было мне не под силу.

О чем с ним говорить? В моём мире первое мнение о человеке составляют, узнавая о его любимых фильмах, книгах или музыке, потом присматриваются к поступкам, потом узнают и всю подноготную. Именно поэтому я и сторонилась близкого общения с кем-либо. Как раз в подобных мелочах и проявляется моя чужеродность.

Не зная, что делать, я принялась есть. Салат был очень вкусным, креветки таяли на языке, а лимонный сок придавал необходимую кислинку. Как же я соскучилась по такой еде! Дома я иногда покупала в супермаркетах креветки и готовила их сама, а в кафе нередко заказывала пасту с ними или тот же салат. В столовой академии еда была проще в разы, хотя и довольно вкусной. Не то, что в наших, всё ещё сохранившихся на себе налёт совковости.

Несколько раз, за то время, что мы ели в молчании, к нему подходили какие-то важные персоны поздороваться и перекинуться парой слов.

Один эльф, очень богато одетый, завёл разговор о новом законопроекте об усилении магического контура на границе, но был остановлен обещанием непременно обсудить этот вопрос в другой раз.

Затем к нам снова подошел представить эльфийской народности, только женского пола. Эльфийка была очень красивой, совершенно неземной со своими длинными ушами и узким лицом. Таких рисуют на картинках, но никак не ожидаешь встретить в реальной жизни.

Она подошла и застыла у стола трепетной ланью, мелодично пропев:

— Светлого дня, Раян.

Тот перестал следить за тем, как я пью, и наконец я смогла сделать глоток, не боясь поперхнуться.

— Светлого, Эвелиен.

— Ты уже давно не появлялся в городе, — произнесла она с легким упреком. — Сколько можно торчать в этой академии? Здесь есть тоже немало дел... которые требуют твоего присутствия.

Последнее она произнесла с намеком, бросив на меня косой взгляд. Возможно, мне полагалось от этого покраснеть, смутиться или даже разозлиться, но я не сдержала легкой усмешки. Тардаэш тоже её заметил и ответил ей задумчиво:

— Не сейчас, Эвелиен. Я занят.

— Полагаю, это твоё занятие не займет много времени, — пропела она.

Это было немного неприятно — такое открытое пренебрежение, но, впрочем, она же права? Я действительно не потрачу много его времени, а совсем скоро и вовсе пропаду, так что магистр сможет к ней вернуться.

Непонятный укол ревности кольнул в сердце. Я не имею на него никаких прав, к чему это чувство собственности? Прекрати, Алесан, прекрати сейчас же!

Раян проигнорировал высказывание эльфийки, скользнув по ней пустым взглядом. Она поняла, что от магистра бесполезно добиваться внимания, и ушла, словно была уже к этому привычная.

Мне же его задумчивость пришлась по душе, так как я смогла спокойно рассматривать город, пытаюсь не смотреть на мага. Но иногда я всё же не могла удержаться, бросала на него косые взгляды, пытаюсь привыкнуть к тому, в каком свете он теперь передо мной предстал. Этим днём я перестала от него шарахаться и увидела перед собой мужчину, а не темное существо, внушающее страх. За исключением нетипичной внешности для моего мира и слишком высокого роста, он был весь пропитан мужественностью и силой, граничащей с неприкрытой угрозой. Но тьма, окружающая его, немного развеялась, помогая мне взглянуть на своего носителя под новым углом.

— Как ты стала тёмной, Алесан? — так неожиданно сказал магистр, что бокал выпал из моих рук и разбился вдребезги.

Тардаэш жестом показал приближающемуся официанту, что его помощь не потребуется, и парой коротких слов заклинания очистил пол от осколков и разлитой жидкости.

— Я жду, — напомнил он, в то время как я расширившимися глазами наблюдала за его действиями.

— Это слишком личное, — отрезала я, смотря на него вновь неприязненно. Но он никогда прежде этих взглядов не пугался, не стал и в этом раз.

— Ты слишком многое скрываешь, а потом ещё удивляешься, когда я вешаю на тебя метку. Попробуй поделиться чем-то действительно значимым, — его голос звучал зло, словно я снова что-то не так сделала. Да в чём я вообще виновата? Я же не обязана отчитываться перед каждым магом, который этого захочет!

Но, тем не менее, я всё же решила немного приоткрыть завесу тайны, как бы неприятно мне не было. Придется пожить в этом мире ещё какое-то время, а его подозрительность с каждой моей недомолвкой только увеличивается.

— Так получилось... что я хотела помочь, правда, хотела. Но от моей помощи пострадали люди. Если бы я не сунулась, был бы маленький шанс на то, что всё завершится лучшим образом, а из-за меня всё и вовсе превратилось в катастрофу.

— Ты так из-за этого переживаешь? — удивился магистр. — Так сильно, что выбрала тьму?

— Естественно, я переживаю! — разозлилась я. — Я ведь не бесчувственная. Я виновата, я заслужила быть тёмной. Не надо больше об этом.

Он хмыкнул, не разделяя моего негодования и ужаса от произошедшего.

— Я думал, что с тобой... случилось что-то похуже, — после паузы деликатно пояснил Тардаэш.

— Что может быть хуже? — зло спросила я, начиная закипать от этого его непонимания.

— Обычно... тьма приходит к тем, кто сам пострадал от чьей-то руки, — пояснил магистр. — К тем, кто полыхает ненавистью, злобой, желанием расквитаться, либо, напротив, не может выкарабкаться из чувства жалости к себе, потери, разочарования. Иногда тьма окрашивает убийц, но чья-либо смерть в большинстве случаев остается в их жизни простым черным

отпечатком, от которого можно избавиться спустя время. Для постоянной тьмы же нужны эмоции постабильнее, чем мимолетный миг убийства, например. Она останется навсегда, только если ненависть не проходит, в том числе ненависть к самому себе. А с девушками... с девушками с силой тьмы... обычно бывает иначе. Они редко выступают обидчиками, скорее... их обижают.

Злость пропала так же быстро, как и появилась. Его взгляд был серьёзен, и я сразу поняла, что он думал о моей тьме всё это время. Сказал так деликатно, не говоря напрямую, но я прекрасно поняла смысл его слов. Насилие искажает душу, и чаще всего это происходит с девушками, особенно с девушками из глухих деревень. После этого пятно тьмы уже ничем не смоешь, как бы ни старался.

— Меня никто не обижал, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

Я знала, что ему важно это услышать, важно знать, что моя тьма не вызвана действиями других людей. И даже то, что я сама, своими руками, вызвала что-то, что погрузило меня во тьму, его не так волновало, как то, что надо мной могли надругаться.

И это ещё раз говорит о том, что я вообще не представляю, что творится в его голове. Он знает о вещах, событиях и причинно — следственных связях этого мира намного больше меня, заставляя меня то и дело застывать в недоумении.

— Ты не представляешь, как я рад это слышать, — улыбнулся Тардаэш, так радостно и открыто, что у меня ёкнуло сердце.

Я улыбнулась в ответ, начиная понимать, что то, чего я боялась больше всего, всё же происходит независимо от моего желания. Я начинаю привязываться, начинаю чувствовать. И в этом виноват только один конкретный... не человек.

Мы сидели, глядя прямо друг на друга и улыбаясь, в этом молчании находя единение. Общаться у нас пока не очень хорошо получалось, но беседе глаз это не мешало. Мне больше не страшно было смотреть на него прямо, не отводя взгляда. И совсем не хочется прятаться.

Но кое-что всё же нарушило идиллию. Боковым зрением я уловила какой-то красноватый отблеск, а когда перевела на него взгляд, то увидела уже постепенно разрастающийся сгусток огня.

Вздрогнула, попыталась вскочить с места, но Тардаэш снова накрыл мою руку своей и сказал:

— Не бойся. Это портал.

Он терпеливо смотрел, как огонь разрастается, принимая человеческие очертания. Я оглянулась по сторонам и поняла, что никто не пребывает в таком же шоке, как я. Лишь бросают косые взгляды в сторону портала, наполненные не более чем праздным любопытством.

Запоздало я сообразила, что именно так, наверное, и должен выглядеть портал демона, ведь огонь — врожденная часть их магии.

Спустя несколько секунд пламя исчезло без следа, являя нам его обладателя. Им оказался очень высокий демон, черноволосый, смуглый, одетый в роскошный бордовый сюртук и черные брюки. Его волосы по обычаю этого мира были заплетены в косу с прожилками золота, а глаза всё же отливали красным, выдавая либо гнев, либо просто высокую концентрацию огня в крови.

— Раян! — недовольно воскликнул он. — Ты снова пропустил собрание!

— И тебе светлого дня, Раодх, — укоризненно покачал головой магистр, ничуть не смущенный и уж тем более не испуганный.

— Мог бы и уделить нам немного времени! — проигнорировал приветствие неожиданный гость. Его глаза стали гореть ещё ярче, хотя особо злым он по — прежнему не выглядел, скорее, раздраженным.

— Я занят, — отрезал Тардаэш, впрочем, убирая свою руку с моей.

Он начал злиться, его черты лица при этом хищно заострились, и демон это заметил.

— Я понимаю, Раян, что личная жизнь тоже важна, но это не повод неделями не появляться

на собраниях! — принялся вычитывать красноглазый. — Эльфийки твои меняются одна за одной, но обязанности остаются преж — ни — ми.

Последнее слово он произнес по слогам, думая, что так до магистра быстрее дойдёт, чем вызвал у того ещё большее раздражение. Тот уже раскрыл рот, чтобы ответить что-либо грубое, как Раодх повернулся в мою сторону, чтобы самостоятельно уличить отвлекающий фактор.

И застыл, не сводя с меня расширившихся глаз. Он раскрыл рот, пару раз порываясь что-то сказать, а затем замер с нелепо вытянутым в мою сторону пальцем.

— Что за... — начал он, но его резко прервали.

— Уйди, — возможно, это прозвучало слишком грубо, но демон не обратил на это внимания.

Он медленно опустил палец, прожигая меня своими невозможными глазами, а затем кивнул, не глядя на магистра. Я забеспокоилась, посмотрела на Тардаэша, не знаю, зачем — то ли ища защиты, то ли надеясь, что он не видит во мне того же, что привело в такое невменяемое состояние демона. Магистр же не сводил с гостя взгляда, в котором ясно читалась угроза.

Наконец, тот пришел в себя, быстро глянул на Тардаэша и, наткнувшись на этот его взгляд, кивнул ещё раз. После чего скрылся в пламени, так и не внося разъяснения в эту сцену.

Теперь внимание магистра переключилось на меня. Он заметил моё беспокойство, нахмурился и сказал:

— Ты всё?

Я кивнула.

— Пошли отсюда. Иначе тут скоро прибавится народу.

Не понимая, что это значит и что вообще мне угрожает, я вложила свою руку в его. Он снова притянул меня поближе, обнимая второй рукой. Это было необязательно, я помнила это ещё по нашему первому перемещению, но не стала противиться. Лишь спрятала голову у него на груди, чтобы не пугаться облепляющей темноты.

Когда она отступила — я осознала это каким-то шестым чувством — я ещё какое-то время стояла, прижавшись к нему. Было страшно, очень страшно, и совсем непонятно. За мной придут? Почему? Грудь магистра тяжело вздымалась, принося ощущение тепла и уверенности. Он меня не отдал.

С каждой минутой нашего общения он становился мне всё ближе и ближе, хоть я и противилась этому изо всех сил. Я боялась, злилась, ненавидела... а теперь ещё и чувствовала нечто другое, совершенно новое.

Когда рука Тардаэша сжала мою спину чуть крепче, прижимая ближе, но тем самым нарушая таинство момента, я словно очнулась. Выскользнула у него из рук, стыдясь этого мгновения собственной слабости.

— Что будет? Что мне угрожает?

Магистр с высоты своего роста посмотрел на меня недоуменно. Его брови взлетели вверх, черные глаза прожигали насквозь, но он абсолютно, категорически не понимал, что я имею в виду.

— Ты о чем?

— Вы сказали, что скоро появится кто-то ещё, — от волнения я перешла на более привычное "вы". — И этот... демон... так на меня смотрел...

— Тебе ничто не угрожает, — быстро, пока я ещё чего не придумала, сказал магистр, наконец, начиная что-то понимать. — Раодх не причинит тебе вреда. Не бойся.

В это слабо верилось, но я кивнула, не желая с ним спорить. Он снова следил за каждым изменением моей мимики, ожидая, что же ещё я выкину.

Я же оглянулась по сторонам. Мы вернулись в Афарас. Совсем недалеко, в паре кварталов, виднелись ворота Академии.

— Мы не заплатили, — сменила тему я.

— Они запишут на мой счёт.

Я кивнула, радуясь, что хоть здесь обошлось без обмана.

— Хочешь в Академию? — неправильно истолковал мой тоскливый взгляд Гардаэш.

— Нет. Сегодня Рина... моя однокурсница... засела за практическим заданием на день. Я обещала купить ей сладостей.

— Ну так пойдём, — предложил магистр.

— Вы со мной? — удивилась я. Вот уж кого не представишь рядом в кондитерской. Как-то магистры — некроманты в неё не вписываются.

— Естественно, — серьезно сказал маг. — Сегодня выходной, здесь полно пьяных адептов и прочих невнятных личностей... а ты так и не надела защитный амулет.

— А разве ваша метка не сработает?

— Конечно, сработает. Когда ты уже пострадаешь, я об этом непременно узнаю, — недовольно заметил магистр. — А предсказывать опасность она не может. К тому же я не уверен, что ты снова каким-то образом её не снимешь.

Я демонстративно тяжело вздохнула, выражая своё отношение к вышесказанному.

А магистр тем временем вел меня по одному ему известному маршруту, и вскоре мы оказались прямо перед "Чайной госпожи Фаленоль". Я помнила это заведение ещё с самой первой своей прогулки по этому городу. Совсем немного декоративных элементов, но кадки с цветами на улице делали его витрину уютной и красивой. Кажется, я тогда пообещала себе однажды сюда заглянуть. Вот уж не думала, что это случится в такой компании.

Внутри было немного душно. Несмотря на название "чайная", в помещении было полно веселых адептов, накотивших не одного лишь чаю.

Магистр провел меня к столику у самого окна, стоящему немного в отдалении от центра зала. На широком и очень низком подоконнике тоже разместились горшки с цветами, и мне стало за них боязно. Судя по шуму, творившемуся у меня за спиной, здесь совсем не так и тихо и романтично, как я представляла себе прежде, и наверняка эти самые горшки неоднократно страдали от рук разгулявшихся адептов.

Тем временем к нам подбежала миловидная официантка, положила меню и так же быстро покинула, торопясь обслуживать следующий столик. Когда я заглянула на страницу с напитками, стало ясно, что адепты определенно не ошиблись заведением. За невинной вывеской с названием "чайная" скрывалось место, где можно посидеть не только парочкам, но и компанией с другими целями. Впрочем, чай здесь тоже был, а ассортимент сладостей к нему действительно поражал воображение.

— Я всё же думала, что мы пойдём в кондитерскую, — громко сказала я, пытаюсь перекрыть шум.

Магистр нахмурился, неопределенно повел рукой, и в мгновение ока нас окутал полог тишины.

— Здесь лучшие сладости в городе... по крайней мере, так говорят, — немного растерянно произнёс он, а затем пояснил: — Не люблю сладкое. Но здесь заказывают на вынос, так что мы долго не задержимся.

— Хорошо, — улыбнулась я.

Совсем быстро прибежала другая официантка и приняла мой заказ. Магистр сидел, застыв каменной статуей, и когда я спросила, будет ли и он что-то заказывать, так скривился, что я не выдержала и рассмеялась.

— Что? — недовольно спросил он.

— Нничего, — сквозь смех попыталась ответить я.

Он передернул плечами, как когда думают о чем-то неприятном, и это вызвало у меня очередной приступ смеха. Должно быть, в нём было даже что-то истеричное, но успокоиться всё никак не выходило.

— Извините, — пробормотала я, постепенно приходя к спокойствию. Он терпеливо ждал, пока я отсмеюсь, и легко улыбался, наблюдая за моей неравной борьбой со смешинкой.

— Может, тебе помочь? — он как-то странно взмахнул рукой, и я догадалась, что магистр имеет в виду магию.

— Нет — нет. Уже всё в порядке, — я и правда успокоилась. Разве что настроение стало чуть лучше, чем прежде.

Он перестал смотреть на меня с улыбкой и повел глазами в сторону, рассматривая вакханалию, творившуюся в центре и, к счастью, невидимую мне.

И тут до меня дошло, что вокруг полно адептов. И, наверняка, большинство из них — его адепты. А тут я... с ним.

Но прежде чем я успела озвучить эти мысли, он спросил:

— Что с тобой случилось на днях? Тебя снова лечили.

В его голове звучала укоризна, словно я то и дело влипаю в неприятности. Хотя... так оно и было.

— Поранилась... немножко, — соврала я, не желая выдавать Хараша. Вряд ли магистр образуется, узнав, что от его грубых поцелуев у меня до крови воспалились губы. — Но Ониен, адепт Мелиноволь, всё вылечил.

— В следующий раз обращайся ко мне, — приказал он, припечатывая меня взглядом.

— Посмотрим, — не стала соглашаться я, разозленная этим тоном. Опять он за старое! Терпеть не могу, когда он начинает приказывать.

Ему хватило ума не настаивать, оставить свои доводы при себе. Он лишь снова нахмурился, а потом спросил ещё:

— Что ты делала в городе сегодня? Тем более в районе торговцев?

Снова допрос. Еле сдерживаясь, чтобы не уйти прямо сейчас, я всё же ответила, поскольку беспокоилась за Гидеона. Кто знает, насколько точно метка указывает моё местоположение? Вдруг, когда я исчезну, господин Брор пострадает?

— Я получила стипендию... отдавала часть денег за артефакт ментальной защиты. Брала его под проценты, — пояснила я. Всё-таки как легко мне теперь даётся ложь! На ходу научилась придумывать оправдания. Хотя... кажется, прежде я говорила, что мне его подарили.

— Тебе он вообще не нужен, — недовольно заметил магистр, не обращая внимания на мой прокол.

— Ещё как нужен, — не согласилась я.

Он снова никак это не прокомментировал, лишь сидел и смотрел на меня, нахмурившись. Враз между нами снова возникла стена, которую мы сегодня так медленно и осторожно пытались разрушить.

Подошедшая официантка, несущая в руках большой бумажный пакет, избавила нас от этого напряженного молчания. Я потянулась за деньгами, но была остановлена резким:

— Не выдумывай.

Он бросил на стол золотую монету, взял заказ и поднялся, скомандовав:

— Пошли.

Сдачи он не ждал, за что заработал донельзя кокетливую улыбку официантки. Мне это не очень понравилось, а ещё меньше понравились чувства, которые я при этом испытала. А когда он пропустил меня вперед, немного отставая, причин для ещё большего падения настроения прибавилось.

По диагонали от нас за столом сидела одна из этих шумных адептских компаний — моя команда. И в отличие от ничего не видящей меня, они нас заметили уже давно.

Я застыла на месте, видя, как полыхают глаза Хараша. Демон злится, а значит, меня не ждёт впереди ничего хорошего. Но он не стал приближаться, лишь взглядом обещая мне очередной неприятный разговор.

Ониен был удивлен. Его белесые брови поползли вверх, выражая крайнюю степень недоумения. Дононд хмурился, а Вазиль улыбался, и в этой улыбке читалось ожидание дальнейшего интереснейшего развития событий.

Когда на плечо опустилась рука магистра, разворачивая меня в нужном направлении, я быстро отвела глаза и пошла к выходу.

Вечерний воздух уже наполнился прохладой, и по спине поползли мурашки. Не уверена, что их причиной был холод, а не страх.

Хараш может выкинуть что угодно, и я за своё здоровье не ручаюсь. Каковы шансы, что он сдержится? Его постоянно кидает от заботы до агрессии, и вряд ли случившееся сегодня заставит демона быстро успокоиться. Главное, не попадаться ему на глаза. И надеяться, что он не придет в наш корпус. Не уверена, что он ещё помнит, что нападать на немагов нельзя.

Магистр стоял рядом, наблюдая за мной. Он всё видел, и теперь ждал, что же будет дальше. Я побегу назад к Харашу? Буду злиться, что он повел меня в эту кондитерскую? Начну кричать, чтобы он ко мне больше не приближался?

Не знаю, чего ожидал от меня он. Я лишь спросила:

— Ты можешь перенести меня прямо в комнату?

Он кивнул, снова взял за руку, и нас окутала тьма.

Я привычно уткнулась ему носом в рубашку, вдыхая терпкий мужской запах. И когда клубы дыма развеялись, оставляя нас в полумраке комнаты, не смогла отстраниться.

Раян понял это. Медленно выпустил мою ладонь, чтобы двумя руками обхватить талию, прижимая ближе к себе.

Секунды растянулись в минуты, наполненные трепетным ожиданием. Сердце гулко билось в груди, отзываясь дрожью по всему телу. Было страшно. Мне казалось, что страх ушел, но он лишь переродился, и теперь я боялась совсем другой боли, эмоциональной, которую способен причинить магистр. Это плохо, очень плохо. Не нужно начинать. Нужно остановиться.

Но тело не слушалось. Я подняла лицо вверх, и он быстро поймал мои губы. Секунды легкой ласки, привыкания друг другу, сменились фейерверком эмоций. Нам не хватало друг друга, мы все никак не могли насытиться, никак не могли прекратить это безумие.

Его тело манило меня, и я не удержалась от соблазна провести рукой вдоль его спины, чем вызвала хриплый стон. Губы впилась в мои ещё сильнее, тело прижалось ещё теснее, а дыхания стало категорически не хватать.

Мне казалось, что это длилось вечность, я жила в эти секунды, но на самом деле прошло не больше пары минут.

Он остановился. В одну секунду замер, отдаляясь, но не прекращая меня обнимать, и хрипло сказал:

— Мне лучше уйти.

Я всё ещё боролась со сбившимся дыханием, и до меня не доходил смысл его слов. Уйти? Зачем? Вот она я, он же этого хотел. Пусть получает, мне уже всё равно, кто и что со мной сделает. Мне лишь хочется почувствовать человеческое тепло, почувствовать, что я хоть кому-то нужна в этом мире, перестать бояться всего на свете.

— Я знаю, что ты ещё не готова. Ты пожалеешь об этом, Алесан.

Я не понимала, что он говорит. Зачем так? Он весь день меня приручал, весь день заставлял к нему привыкнуть и перестать опасаться подвоха, и вот я сама к нему прижимаюсь и не прошу остановиться. Разве он не этого добивался?

Вечерний сумрак спрятал мои пылающие щеки. Я отстранилась, отошла подальше, чтобы он больше не смог до меня дотянуться.

— Уходи.

Получился тихий шепот, но каким-то чудом голос не сорвался.

В то же мгновение тьма сгустилась посреди комнаты, унося вместе с пеплом магистра.

Я же больше смогла сдерживаться. Рухнула на кровать, спрятала лицо в подушке и позволила слезам пролиться на волю.

Эти игры окончательно растревожили мою душу. Почему нельзя сделать так, чтобы всё было просто? Мне же ничего не нужно было, кроме нескольких мгновений ощущения себя кем-то действительно важным. Я знала, что он стремился к этому, знала с самого начала, так почему же в тот момент, когда я и сама дошла до этой мысли, пошел на попятную?

И почему же так больно?

Я же запрещала себе влюбляться, запрещала себе что-то чувствовать. Я должна буду отсюда уйти, должна. Я не могу больше быть в этом мире, где всё чужое и пропитано несбывшимися надеждами. Почему же это вновь случилось со мной? Почему этот страшный нечеловек всё же проник в моё сердце?

Это ещё не любовь, я знаю, но каким-то образом за день мои чувства сдвинуться с настороженности, разом перемахнули через дружелюбность и увязли в сильном влечении. Когда он брал меня за руку, я ощущала это прикосновение каждой клеточкой своего тела, когда обнимал — нега охватывала всё моё существо, когда прижимал — хотелось раствориться в нём без остатка.

Больше нет сил бороться. Нет сил скрывать от себя очевидное. Он меня пугает не только природой своей магии, но и тем, что способен сдотворить с моим сердцем.

Я знаю, что ему хватит самоконтроля сделать со мной что угодно, пытаюсь заставить добиться нужного ему результата. Он с самого начала не позволял себе лишнего, с самого начала действовал осторожно, но при этом не давал о себе забывать. Дал мне мнимую свободу воли, чтобы моя подозрительность притупилась. Не мешал моим отношениям с Харашем. Тихо, втайне, поставил метку, потому что считал, что это необходимо. И сдерживался, лишь изредка проявляя себя настоящего.

Мышка всё же попала в лапы кошке, и та теперь будет с ней играть, пока не задушит. Она же её предупреждала с самого начала, что никуда не отпустит и что достанет её из-под земли. А мышка не слушала и играла дальше, считая себя самой умной и хитрой. Мышка просчиталась.

21.

Утреннее отражение в зеркале привычно хмурилось, глядя на синяки под своими глазами и опухшие веки. Правда, в этот раз вполне привычная картина дополнялась и слишком алыми губами, которые припухли, и от того казались больше и ярче.

Тоже мне, женщина — вамп. С такими адептами и магистрами и помады не надо.

Вчера поздним вечером я всё же занесла сладости Рине, но малодушно оставила себе пару булочек. Встретаться с Харашем не хотелось вовсе, и я вполне могла бы не есть вообще, но раз есть булочки... к чему себя мучить?

Поэтому на завтрак у меня была всё ещё свежая и ароматная коврижка с творогом. От неё утро не стало мудренее вечера, но жизнь определенно принялась налаживаться.

Первую половину дня я честно слушала лекторов и даже с особым усердием выполняла задания на сочетаемость ингредиентов, так ничто не отвлекает меня лучше, чем какие-либо задачи на логику и расчёты. И вопреки той же самой логике, считать для составления эффективного зелья всё же приходилось.

Обед снова прошел в самой приятной компании — с самой собой.

После него поползли слухи. Я видела, что на моем факультете на меня оглядываются и шепчутся при моем появлении. На практике, в теплице, однокурсники продолжили делать то

же самое, но всё же шифруюсь.

Лишь один Браат не выдержал, хлопнул меня своей лапицей по плечу и сказал:

— Ну ты даешь, Алесан. Ну удивила, подруга!

И всё это с такой гордостью, словно я выиграла по меньшей мере Олимпийскую медаль.

— Что? — я спросила, непонятно зачем делая вид, что ничего не понимаю.

— Тут все думали, как скоро Хараш затащит тебя в постель... а ты сменила погонщика на переправе! Кто бы мог подумать... магистр Тардаэш и красавица Алесан.

Наверное, следовало бы обратить внимание на первую часть его фразы, но женской сущности больше по душе пришлась вторая.

— Прямо-таки красавица? — иронично переспросила я.

— А ты что думала? Мы тут, среди зельваров, других не держим! — заявил оборотень, приобнял меня и добавил тише, больше не играя на публику: — Тут все только и говорили о том, как повезло Харашу... Прошло бы время, маги бы поприглядывались, да и начали приглашаться тебя в команду исключительно за красивые глазки, наплевав на твои плачевные оценки. Кто ж от красивой девушки ума ждёт!

— Хоть ты не думаешь, что глупая?

— Не думаю, — рассмеялся Киран. — Но красивая уж точно. Тут таких больше нет. Вроде и человечка... вроде и эльфийка... а ни то ни другое. Ух и крови в тебе понамешано! Лишь слепой не заметит, как ты не похожа на других и как при этом красива.

Его слова мне польстили. Раньше я бы насторожилась, начала панически придумывать способы изменить это мнение обо мне, сейчас же, после выходки Хараша и некстати появившихся чувств к Рааяну, такие слова медом капнули на язык, патокой растекались по телу, теплом осели на сердце.

— Спасибо, Киран, — смущенно поблагодарила его я.

— Не за что, Алесан, — и тут сказал ещё тише: — Только будь осторожней с магистром. Ты красивая, но вряд ли этого хватит, чтобы он не проявил свою темную суть. Проси благословения у Светлой матери, чтобы она тебя защитила, чтобы сохранила от его тьмы.

— Я знаю, Киран. Всё я знаю. Не беспокойся.

Он улыбнулся, но с маленькой толикой грусти, но вскоре и она пропала. А потом снова начал подшучивать надо мной, и даже Рина хитро улыбалась, молчаливо его поддерживая. Хорошо, что вчера я снова ей солгала, убедив, что слезы на моём лице появились исключительно из-за тоски по дому.

Под ужин я начала нервничать, предвидя скорую встречу с Азером. Она неминуема, но я всё равно решила её отсрочить, пожертвовав единственным оставшимся на сегодня приемом пищи в пользу еще нескольких часов тревожного ожидания.

В библиотеке во время ужина было пусто, лишь удивленный магистр приветственно мне кивнул. Он давно признал во мне завсегдатая, и больше не маячил за спиной.

Книг и свитков, в которых можно было бы найти ответы хотя бы косвенно, становилось всё меньше. Я прошлась между стеллажами, прикинула по названиям и пришла к неутешительному выводу — до конца триместра я тут не задержусь, остаток я пролистаю не дольше, чем за неделю. Как раз успею закончить до тренировочных командных боев, и если ничего не найдется, побуду со своей командой в этот ответственный день и уйду.

Грудь сдавило тревожным предчувствием. Что-то мне подсказывало, что в библиотеке ответ не найду. Но я всё равно упрямо раскрыла очередную книгу, на этот раз с описаниями древних ритуалов, чьи элементы частично стерлись в памяти потомков. Хоть бы зацепочку найти... хоть бы крупицу, чтобы было от чего отталкиваться в следующий раз.

Среди свитков и книг время мчалось со скоростью света, и когда я в очередной раз подняла голову, чтобы переключиться на другой талмуд, то обнаружила, что библиотека снов опустела, и библиотекарь позевывает.

Как-то сразу вспомнилась ночь практически без сна, и я принялась раскладывать книги и свитки обратно по их местам. А потом, пожелав "Тёмной ночи" магистру, отправилась к себе.

Он подждал меня на выходе из Главного корпуса. Сидел на парапете, перекидывал свой любимый огненный шар из руки в руку. Я даже не вздрогнула, когда Хараш обернулся, расчерчивая тьму угольками глаз. Лишь кивнула ему и направилась к своему корпусу, зная, что он пойдет следом.

— Тебя не было на обеде. И ужине. И завтраке.

— Да.

— Если ты так боялась разговора со мной, что решила вовсе не есть, могла бы мне сразу сказать.

Я не удержалась от смешка, бросив на него косой взгляд.

Ночью территория академии не освещалась, лишь по бокам от входа в учебные корпуса пылали светящиеся шары. Видимо, считалось, что маги сами в состоянии осветить себе путь, а о не магах, как всегда, забыли.

В такой темноте мне были видны лишь силуэт мага и эти глаза с пульсирующим багрянцем внутри. Он впитал свой шар в руку сразу же, как меня увидел, и теперь шел шаг в шаг со мной во тьме по мощеной дороге. Было холодно, как и всегда по вечерам. Если бы он не увязался за мной, я бы передвигалась бегом. С ним же гордость не позволяла это сделать.

— И ты бы отстал?

— Нет.

— Так я и думала, — с досадой вырвалось у меня.

Он схватил меня за руку, останавливая. Сердце испуганно замерло, я до жути боялась, что он применит силу.

— Зачем ты так? Зачем ты вообще говорила, что здесь не останешься? К чему все эти разговоры?

— Ничего не изменилось, Азер, — я попыталась выдернуть руку, но её словно зажали в тиски. — Пусти!

Он сжал её ещё крепче. Казалось, ещё чуть — чуть — и послышится хруст костей.

— Именно поэтому я тебя избегала! Мне больно!

Тут до него дошло, что он делает что-то не так. Хараш резко выпустил мою ладонь из своих пальцев, недоуменно посмотрел на свою руку.

— Ты всё ещё меня боишься?

— А что, у меня не поводов это делать? — повысила голос я.

Маг замер, затем вздохнул рукой свои обычно так тщательно уложенные волосы, а после застыл с поникшими плечами.

— Это скоро пройдёт, — глухо произнёс он. — Это всё огонь, мне нужно завершить инициацию. Осталось всего два года, Алесан. Потом всё будет нормально.

— Не понимаю, о чем ты, — искренне призналась я.

Кажется, в книгах о демонах я встречала что-то об инициации, но слово-то какое... древнее. Я считала это пережитком прошлого, оставшимся в Преисподней.

— Я ещё не прошёл завершающий этап инициации, — терпеливо пояснил он. — Огонь пробудился, но я никак не могу взять его под уздцы. Если я пройду... вернее, когда я пройду... я точно больше не сорвусь. Тебе не нужно меня бояться.

Интересный он какой... А два года, если бы я планировала остаться в этом мире, мне от него шарахаться что ли? Как раз сейчас мне и стоит его бояться!

— А два года мне постоянно ожидать, что ты сорвешься?

— Ну Тардаэш же твой не сорвался! — зло воскликнул он, отчего его зрачки снова принялись пульсировать.

При чем тут Тардаэш? Какой огонь? Что-то не сходилось. Я в очередной раз ничего не понимала в этом мире... но всё, что касалось Раяна, меня очень интересовало, поэтому я не побоялась показать свою необразованность:

— А при чем тут он? Он же не демон!

Азер так издевательски рассмеялся, что я сразу сообразила, что сморозила глупость.

— Алесан... ну ты как скажешь... Ты что, не можешь демона от человека отличить? Естественно, он демон.

Это было выше моего понимания. Хоть тресни, я не видела никаких общих черт между Азером и Раяном. У них даже магия разная!

— Ты о чём вообще думала? Повелась на то, что он в Совете, магистр с высшей степенью силы... а то, что он демон недоделанный, даже не сообразила?

В его голосе звучало столько злости... И хотя он всячески пытался его оскорбить, показать своё превосходство, это не имело для меня никакого значения. Пусть демон. Пусть странный. Это мир вообще чертовски странный, так что мне нет дела, нормальный он демон или нет.

— Мне всё равно, — спокойно сказала я, чем разозлила мага ещё больше.

— Алесан! Ты в своём уме? Он не прошёл последний этап инициации! Провалил и даже не попытался снова! — выплюнул он эти слова, как ругательство. — Его огонь выжег его изнутри, а он своей некромантией только ухудшил положение. Смылся с земель демонов, порвал с семьей... Да, сейчас они вроде начали снова общаться, но сама подумай — демон из правящей ветви не проходит инициацию!

— И что? Мне. Всё. Равно. Ты понимаешь это, Азер?

— Нет, — потрясённо ответил он.

Я выдернула свою руку. Он какое-то время стоял, остолбенело таращась в след уходящей мне, но потом быстро нагнал.

— Ты ненормальная, — выдохнул он.

— Неужели это так странно, что человечке нет дела до всех этих ваших демонских инициаций?

Он задумался на какое-то время, потом сказал:

— Нет. Наверное, нет.

Хоть в чем-то этот демон проявил адекватность! Я уж не думала от него дожидаться чего-то подобного.

— Действительно, откуда вам знать, как важна последняя инициация? Как демон всю жизнь к ней готовится, чтобы обуздать свой огонь? Как страшно — не пройти её? Можно сойти с ума. Огонь может спалить тебя. Или завладеть тобой, и тогда сородичам придётся разбираться с тобой самостоятельно. Поэтому она — один из самых важных этапов в нашей жизни, и есть только три попытки, чтобы справиться. Тардаэш же не стал пытаться и во второй раз, просто исчез, а Повелитель враз потерял сына, — в его голосе звучало презрение пополам с горечью. Странная смесь. Непонятная мне.

Но надо с толерантностью относиться к иномирянам и их обычаям. Раз для демонов это так важно, скорее всего, это важно и для магистра. При этом он совсем не выглядел сломленным или стесняющимся факта своего непрохождения испытания. Возможно, он считал, что это очевидно для меня. Или это не имело для него такого уж большого значения, раз не помешало добиться ему таких высот в Магическом Совете Смешанных земель.

— А что за последний этап? В чем он заключается?

— Нужно победить самого себя. До этого мы осваиваем магию, учимся жить с внутренним огнём, занимаемся разными видами немагического боя... Но у каждого есть то, что мешает ему идти дальше, стать частью народа огня. Думаю, я на испытании встречу с водой. Пока это единственное моё слабое место, и его не гнушаются использовать. Тот же Архангал не упустит шанс подгадать мне в бою, ведь у него-то как раз прекрасные способности к водной магии.

— Неужели вода — это так страшно? — с сомнением произнесла я.

— На испытании не будут же меня поливать из горшка, — усмехнулся Азер. — Воду пропустят внутрь меня... и, если я не справлюсь, она может потушить огонь. Тогда я останусь обычным магом. Может, тоже в боевые некроманты подамся.

Мы наконец вступили в пятно света у моего корпуса. Я вздохнула с облегчением. Всё прошло не так плохо, как я опасалась. Огонь в его глазах не горел, даже не пульсировал бледными искорками, и говорил маг вполне спокойно.

И так же спокойно перескочил с одной темы на другую, когда мы остановились у двери:

— Я не боюсь Тардаэша, Алесан. Единственное, что меня настораживает, — это твои странные планы по уходу из Академии. Не знаю, почему ты не говоришь, что там у тебя за проблемы... но даже если ты уйдешь, я всё равно тебя найду.

— Также метку поставишь? — не удержалась от смешка я. Вот как раз этой угрозой меня не пугаешь.

— Что? — не понял Хараш сначала, но спустя мгновение до него дошел смысл мною сказанного: — Он на тебя метку поставил?

— Да. А у тебя что? — от меня этот вопрос звучал так буднично, словно я интересовалась, что в столовой подавали на обед. Впрочем, притворяться осталось недолго, возможно, даже сейчас я лишь трачу время. Поиски грозилась стать бесплодными, поэтому делать излишне обеспокоенный вид не хотелось совершенно.

— Твоя кровь. Тогда... когда я слегка перестарался... остался платок. По ней я тебя всегда найду.

— Понятно.

— И всё? — удивился он.

— И всё, — подтвердила я. — Пойду-ка я спать. Тёмной ночи, Азер.

И прежде чем он успел пожелать мне ответной "тёмной ночи", юркнула в тепло светлого холла. Сразу стало чуть поспокойнее. Не то чтобы я слишком волновалась из-за предупреждения Азера, просто снаружи мне всегда было не по себе. А Хараш, напротив, развеселил. Я сразу заподозрила, что он так легко не сдастся, но его способ борьбы меня вполне устраивал. Я даже на мгновение ощутила прилив торжества. Надо же, я могу обвести этого самовлюбленного мага вокруг пальца! Он меня никак не найдёт, как бы ни старался. Может, хоть этот урок заставить его перестать задира́ть нос.

Комната встретила меня убаюкивающей темнотой. Быстро переодевшись, я завалилась на кровать и сразу же уснула.

Лишь под утро проснулась, так как мне показалось, что в комнате кто-то был. Но темнота пряталась по углам, не выдавая своих секретов.

Каждый день этой недели, последней в этом времени этого мира, был похож на предыдущий.

Я прогуливала ещё больше занятий, просиживая их над книгами в библиотеке. В отчаянии переключалась даже не те тома, где уж точно не могло оказаться ничего полезного, и, естественно, не находила ответов. Нервы сдавали, а решение покинуть этот мир всё крепло с каждым днём.

Не менее сильно жгла непонятная тоска, когда я начинала думать о магистре. Я вспоминала те мгновения безумия в моей комнате, а потом вновь, проматывая пленку памяти, наткнулась на момент, когда он ушёл. И гордость не позволяла мне прийти к нему после того, как он сам оставил меня в момент, когда я более всего нуждалась в тепле. И в то же время нестерпимо, до боли в груди, хотелось его увидеть.

Мне бы так хотелось найти здесь ответ! И, к стыду своему, я понимала, что во мне говорит не только желание поскорее излечить сестру, но и стремление остаться здесь вопреки всем доводам рассудка. Прежде чем уйти, придется деактивировать манок, чтобы он меня больше не перетянул в это время. И как жить дальше, зная, что тот, кто стал для тебя безумно важен, скорее всего, уже умрет, когда я перемещусь в следующий раз? Либо, в лучшем случае, будет дряхлым стариком?

Как сделать выбор между жизнью сестры и... чем-то ещё, пусть будет увлечением?

"Нет, Саша, у тебя нет никакого выбора. Ты давно знаешь, как следует поступить. Сестра важнее, жизнь человека всегда важнее душевных мук. Хватит быть эгоисткой, хватит думать только о себе", — убеждала я себя мысленно, затыкая голос сердца.

В моем желании найти разгадку проскальзывало что-то истеричное. словно прямо перед глазами поставили песочные часы, и время скользило, падало вниз, отмеряя мои часы в этом мире. В мире и времени, где жил Гардаэш.

Я начала напоминать тень. В столовой появлялась лишь на обед, а круги под глазами превратились в моих извечных компаньонов.

Когда до тренировочного академического боя остался один день, я вынуждена была признать, что потерпела сокрушительное поражение. Это вариант я тоже продумала заранее, поэтому четко знала, как мне следует поступить, не поддаваясь порыву эмоций.

Для начала я переписала рецепт зелья на бумагу, предварительно удостоверившись с помощью Ониена, что они лишены магии. Такие чернила достать было непросто, но с этим помог Вазиль, у которого в лаборатории было множество самых разных предметов и материалов, совершенно не накачанных магией.

Затем, снова сбежав с последних занятий, я навестила господина Брора.

Пришлось подождать его какое-то время в доме, но Рамон пригласил меня на поздний обед, и мы провели время в разговорах об академии. Ему был очень интересен учебный процесс, и хотя он признал, что, хотя поступать по — прежнему не планирует, всё же чувствует толику зависти.

Я очень остро осознавала, что этот наш разговор последний. Раньше я была убеждена, что совершенно ни к чему не привязываюсь, но эти минуты легкой болтовни меня переубедили. Я буду скучать. Я очень буду скучать по всем этим людям, даже по служанкам, подававшим обед.

Как-то господин Брор попросил меня позаботиться о его предках, и теперь я точно знала, что найду их, как только будет возможность. Мне не обязательно с ними знакомиться, но если у них будут какие-то проблемы, то я незамедлительно им помогу.

Старый полугном вошел быстро, совсем непривычно для существа его комплекции. Он сразу подметил синяки у меня под глазами, и когда распахнул объятия, заключая меня в них, прошептал:

— Уходишь, да?

— Да, — так же тихо ответила я, не менее крепко его обнимая.

Он присоединился к нам за обедом, но в разговоре не принимал участия. Смотрел, как Рамон задаёт мне вопросы, а сам молчал.

— А как зачеты? Уже начались? — спрашивал Брор — младший.

— Ещё нет. Зато завтра будет тренировочный бой, и мы с моей командой планируем победить, — в лучших традициях Хараша хвасталась я тем, что ещё не произошло. Но я понимала его. Я тоже гордилась своей командой и желала им победы. Когда я уйду, они должны стать ещё сильнее. Не могут не стать.

— Что же вы заготовили? — с азартом подался вперед Рамон.

— А это секрет, — рассмеялась я.

— Становишься настоящей адепткой, — с лукавой укоризной произнёс мой собеседник.

— Да, наверное, — ответ получился намного более грустным, чем я планировала. Самоконтроль начал трещать по швам, в носу защипало.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил сын торговца.

— Рамон, отстань от неё, — остановил его отец.

— Ничего, господин Брор, — я улыбнулась сквозь слезы, которые всё же появились в глазах. — Рамон, я больше не буду там учиться. Мне нужно уехать.

— Почему? — он был очень удивлен, совершенно ошарашен. Ещё бы! Минуту назад я рассказывала, как же интересно в академии, а теперь собралась уходить.

— Так получилось. Мне нужно вернуться домой. Семья важнее, — с горечью добавила я.

— Но ты же вернешься? — с подозрением уточнил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, так нельзя! — воскликнул он. — Нельзя уходить! Как так?

Я пожала плечами, ничего не говоря. Как тут объяснишь? Раз его отец не стал посвящать сына в детали моих перемещений, не сказал, кем я являюсь на самом деле, значит, так на самом деле лучше.

Рамон же не успокаивался. Воскликнул, возмущенно глядя на отца:

— А ты почему ничего не говоришь? Знал, что она пришла прощаться?

— Знал, — подтвердил гном, довольно хмурый. Ему вся эта трагедия, разыгрывающаяся перед глазами, тоже не доставляла никакого удовольствия. И так на душе противно, а тут ещё возмущение Рамона.

Тот непонимающе посмотрел на отца, затем с досадой махнул рукой и быстро вышел из комнаты.

Я недоуменно посмотрела ему вслед, ничего не понимая. Торговец тоже пожал плечами, растерянно глядя на дверь, за которой скрылся его сын.

Но прошло не более минуты, как она вновь открылась.

Рамон подбежал ко мне, взволнованный и, не слушая возражений, всунул в руку амулет либо артефакт. Он представлял собой кулон с голубоватым камнем на простенькой цепочке, но по тому, как скользили по его оправе серебристые искры, я поняла, что он имеет какое-то магические свойства.

— Это портал. Он очень мощный, хотя и одноразовый, но лучше, чем ничего. Тебе нужно будет лишь представить место, куда ты захочешь перенестись, только чтобы у тебя был доступ в это помещение. Либо на улицу переносись. Так что как закончишь свои дела, сразу возвращайся. И если вдруг тебя исключат за прогулы, поступишь на филигранника. Всё решаемо. Ты можешь вернуться.

— Рамон, не надо... — я попыталась вернуть ему артефакт назад, но он замахал руками, открещиваясь от него.

Вот и зачем мне это? Он же совершенно для меня бесполезен! Разве что прямо сейчас сократить путь до академии. Больше в нем не было никакого смысла, всё равно магия при перемещении развеется. Хотя... записка всё ещё лежит в книге. Понадеюсь на честность служащих академии, они должны будут вернуть артефакт настоящему хозяину.

— Спасибо, — поблагодарила его я. Он совсем ничем мне не помог, но честно старался облегчить мне жизнь.

Тем временем полугном тоже вышел из-за стола и покинул комнату. Я знала, за чем он пошел. Раз уж Рамон прознал о моём уходе, никаких шансов попрощаться наедине у нас не было.

Мои подозрения подтвердились.

— Вот и мой подарок тебе на дорожку, — сказал Брор, подходя ближе и кладя манок на стол передо мной.

Затем он наклонился, поцеловал меня в макушку и тихо произнес:

— Дай, Светлая мать, тебе спокойствия, укажи выход, освети путь. Пусть дочь твоя не останется без твоего наставления и заботы.

А затем добавил:

— Береги себя, девочка. Как жаль, что я не узнаю конец твоей истории.

— Мне тоже очень жаль.

Я не выдержала, подскочила с кресла и обвила его шею руками. Слезы горечи полились из глаз, и я какое-то время висла у него на шее, поливая его сюртук слезами. Он же ласково поглаживал меня по спине, приговаривая:

— Ничего — ничего... всё наладится... жизнь на этом не кончается... всё будет хорошо, Алесан.

Вскоре я покинула их гостеприимный дом. Мне не пришлось искать экипаж, господин Брор выделил свой, который довёз меня до самых дверей Академии.

Я замерла у ворот, любуясь видом. Закатное солнце окрашивало главный корпус в багряные тона, придавая готический антураж всё территории Академии.

Большая толпа адептов возвращалась со стороны тренировочного поля, из-за самого мрачного и аскетичного корпуса. Наверняка, это были команды, поддерживающие своего боевого мага либо ведьмака и решившие провести последние приготовления вблизи места завтрашних боев. Моя команда уже была готова, все всё сделали в срок, и во время ужина должны были поддерживать своими типичными шуточками Хараша. Я бы хотела быть рядом с ними в этот вечер, но у меня прощание с господином Брором было важнее. Помимо того, что мне хотелось выразить ему свою благодарность, я никак не могла уйти, не забрав с собой манок. Теперь уже не было никакого смысла возвращаться в это время. Вернее, смысл был, но долг призывал его игнорировать.

Привычный вечерний холод в этот день не вызывал злости на академию и весь магический мир. Напротив, я вдыхала свежий воздух полной грудью и наслаждалась запахом хвои и листвы, который всегда заполнял территорию, непонятно каким образом проникая сюда из размещившегося в отдалении леса. Здесь было уютно. Мне не хватило времени, что бы понять это, чтобы остановиться в постоянно бегущем вперед потоке часов и минут и попробовать пожить жизнью обычного адепта этого мира. Я не гуляла по вечерам, не бегала на свидания к теплицам, не околачивалась возле тренировочного поля, не пила в пабах, замаскированных под чайные... Это часть жизни прошла мимо меня. Я потратила уйму времени на то, что не принесло никакого результата, и даже сейчас горечь от неудачи перевешивает чувство тоски от надвигающейся разлуки с Академией.

В родном корпусе было так светло, что тьма ещё сильнее окутала мою душу. Словно в противовес этому теплу и уюту к горлу подступил комок, а грудь словно зажали в тиски. Я была уверена, что справлюсь с этим, что смогу уйти без сожалений, но, вопреки своим собственным установкам и постоянному самовнушению, начала привязываться к этому месту, к адептам и... магистру.

Стоило подумать о Гардаэше, как слезы всё же не сдержались и покатались по щекам. Мне не хотелось кричать от боли или выть от тоски, но тупое ноющее чувство плотно обосновалось в сердце, мешая радоваться хоть чему-либо. Как жить дальше? У меня есть смысл жизни, есть

цель, но так ли она важна для меня теперь?

"Нет — нет, важна. Прекрати об этом думать! Ты уже всё решила. Прими это и двигайся дальше", — убеждала я саму себя.

В комнате было темно. Я на ощупь добралась до стола, ухватила руками пирамидку и совершила привычное действие, уже отточенное на уровне рефлексов. Светлый шар мягко поднялся от её вершины и затопил комнату белесым светом.

Я достала из сумки манок с порталом, чтобы положить их на стол.

И тут заметила, что он не пуст.

В свете магического шара на поверхности стола сверкал тот злополучный браслет, из-за которого на меня и поставили метку. К нему прилагалась записка с четкими и немного резкими закорючками, напоминающими арабскую вязь. Секунда — и моя магия начинает действовать, позволяя вчитаться в смысл слов:

"Завтра будет сложный день. Надень браслет, Алесан. Не упрямься".

Я прочтала это, но вместо приличествующего моменту сентиментального осознания своей нужности, важности своей безопасности для кого-то ещё, почувствовала прилив обжигающей злости.

Снова он мне указывает. Снова решает, как я должна поступить. И это его "не упрямься!", словно я маленький ребёнок. Почему бы не отдать браслет самому? Почему он вообще, черт возьми, не появлялся всё это время? Это его маниакальное желание всё контролировать, добиваться результата какими-то неведомыми мне обходными путями просто бесит!

И больше всего злило то, что он не пришел сам. Да, он не знает, что я собралась уходить. Но именно сегодня, именно в этот день, он должен был что-либо предпринять. Должно же случиться какое-то чудо! Не может же быть так, чтобы всё закончилось так глупо!

Бессильные слезы, на этот раз ещё и от ярости, добавившейся к горечи, против воли вновь появились на глазах. Я села на пол у кровати, обхватила колени и позволила урагану тёмных эмоций полностью поглотить моё сознание. Наверняка Тёмная мать в эти минуты мною гордилась. Сама себя накрутила, сама себя довела до ощущения полной безнадёжности и беспросветности.

Но, как это нередко бывает в истеричном состоянии, я быстро придумала способ унять эту боль — можно просто попытаться сделать больно другому, выплеснув на него всё накопившееся.

Не понимая, что делаю, я скомкала записку и швырнула в угол. Затем схватила браслет и хотела тоже им куда-то запустить, но пришла идея получше... вернее, побезумнее.

Я быстро накинула на плечи пиджак, даже не застегивая пуговицы, захлопнула дверь и побежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Улица снова встретила меня холодом, но не потушила жар ярости. Я не зря так много времени провела над картой, чтобы не попасть впросак. Теперь я прекрасно помнила, в какой части главного корпуса живут магистры. Нужно только найти вполне определенную дверь и вернуть браслет его ненавистному обладателю.

Привычный полумрак лестницы возле библиотеки, но в этот раз среди ночи я спешила не вниз, а вверх.

Жилой преподавательский этаж встречает меня бледным светом магических шаров. Они практически не разгоняют тьму, и она прячется в тени статуй темного камня, выглядывает оттуда сотнями пристальных глаз, протягивает ко мне свои липкие щупальца.

Когда посреди коридора открылась дверь, выпуская наружу полукруг света, я уже знала, кто меня ждёт. Глупо было надеяться удивить демона, который знает о каждом твоём шаге.

Он замер справа от прохода, дожидаясь, когда я его настигну. Я быстро заскочила внутрь, и он сразу захлопнул за мной дверь. Гулкий стук прозвучал в полной тишине, но даже он не привел меня в чувство.

— Ты!.. — задохнулась я, не находя нужных слов. Мыслей было так много, они все рвались наружу, но не давали выцепить хоть одну и сказать что-то действительно обидное.

Я ткнула в его сторону пальцем, сделала пару судорожных вздохов, пытаюсь подобрать слова... и всё-таки швырнула в него злополучный браслет.

Промахнулась.

Тот с тихим звоном упал прямо возле камина, а магистр даже не пошевелился, когда он пролетал рядом.

Лишь когда я метнулась к двери, неожиданно смущенная своим нелепым поступком, он заступил мне дорогу.

Я сразу же остановилась, чуть не отпрыгнула назад, чтобы до него не дотрагиваться. Он смотрел на меня спокойно, привычно бесстрастно, застыв графитовым изваянием.

— Успокойся.

Эти слова возымели обратный эффект. Если бы было, что в него кинуть, я бы сделала это снова. Опять эта покровительственная интонация, опять этот внимательный изучающий взгляд, опять ощущение себя распятой бабочкой под нацеленной на неё иглой энтомолога.

— Что не так? — устало спросил магистр, скрещивая руки на груди и по — прежнему загоразивая мне путь к отступлению.

— Ваши подарки... — я снова перешла на "вы", как всегда, когда хотела почувствовать твердую почву под ногами, — их можно было вручить лично. Без этого вашего... "не упрямясь".

Он молчал, не понимая, к чему я клоню. Как же это всё-таки дико!

— Не упрямясь, Алесан! — передразнила его я. Совсем непохоже вышло, совсем глупо, но меня было не остановить. — Не делай то, Алесан! Делай это! Иди! Стой! Ни шагу без слезки!

Я замолчала, так как дыхания стало не хватать. Зло сжала кулаки.

— Я не маленький ребёнок. Не надо за меня принимать решения!

Магистр чуть расслабился, поза стала более естественной.

— И браслет я ваш не надену! — последнее вышло и вовсе по — детски, сводя на нет всё впечатление от эмоционального монолога.

Тардаэш хмыкнул и милостливо разрешил:

— Хорошо. Не надевай. Бывает, что на боях задевают и зрителей... но я прослежу, чтобы этого не произошло с тобой. Если это такая проблема...

— Да, — прервала его я, не желая слушать дальше.

Я не нуждалась в его разрешении, но он посчитал нужным его озвучить, не давая мне остыть и вернуть разум на место.

Я сделала шаг вперед, намереваясь всё же уйти, но он не уступил мне дороги. Пришлось остановиться, чтобы больше до него не дотрагиваться. Потому что я помнила, что произошло в прошлый раз, когда я позволила чувствам выйти наружу.

— Я хочу уйти.

Он улыбнулся и отрицательно покачал головой. От этой снисходительности захотелось взвыть. Да я бы прямо сейчас смылась из этого мира, только чтобы стереть это выражение с его лица!

— Тебе лучше пока остаться. Успокоиться. Потом я тебя перенесу.

Отталкивать его с дороги было полнейшей нелепостью, прикасаться — опрометчивостью, оставаться здесь — унижением.

Мне оставалось просто молчать и с ненавистью взирать на него. Зачем он так меня мучает? Я хотела уйти отсюда спокойно, с минимальными потерями, но сама же затеяла скандал. А он не делает ничего, чтобы стало лучше, чтобы боль ушла.

— Ты же ушел, — обвинение всё же сорвалось с моего языка. — Теперь я хочу уйти. Дай мне пройти.

И снова этот цепкий взгляд.

— Ты так обиделась, что я тогда не остался? Это причина твоей истерики?

— Нет! — нелогично воскликнула я. Все мои слова друг другу противоречат, и мне не хватает даже крохи разума, чтобы связать их воедино, привести нужные доводы, солгать.

— Алесан, — мягко говорит он, снова проворачивая этот трюк — плавный хищный шаг, неуловимый для моего зрения. — Я ушел не потому, что не хотел остаться. Ты сама ещё не знаешь, чего хочешь, ты поддавалась эмоциям... так не должно быть. Не с тобой.

— Тебе-то откуда знать, как мне лучше? — всё ещё вздорно ответила я, тем не менее, чувствуя, как злость постепенно утихает. С тех пор, как он перестал мне внушать животный страх, его руки, его тело в такой близости лишали меня воли.

— Я же вижу, что ты мне не доверяешь. Остерегаешься меня. Постоянно уходишь в себя, — так же мягко добавил он, убеждая меня своим вязким бархатным голосом, притупляя мою осторожность. — Тебе нужно время, чтобы привыкнуть.

Снова он всё решает. Я вскинула голову, всматриваясь в его лицо, такое нечеловеческое лицо самого близкого здесь существа, которому я действительно не доверяла и которого при этом безумно хотела.

— А если я не хочу?

— Что не хочешь?

— Ждать, — говорю ему прямо и зло.

Его глаза так близко. Непроглядная тьма. Выжженная земля. Чернеющий пепел.

Он смотрит пристально, ища подтверждения моих слов в каждой черточке, в отражении глаз, во взмахе ресниц.

А затем не выдерживает и прикается к моим губам.

Поцелуй не похож на предыдущий, самый первый. В нём больше не было ласки и осторожности, боязни спугнуть. Губы жесткие, твердые, они впивались в меня так сильно, что не было никакой возможности для ответа, для перехватывания инициативы.

Он прижимает меня крепко, приподнимая и сжимая до такой степени, что даже если бы я и пожелала, не смогла бы выпутаться из стальной хватки. Но я так сильно этого хотела, что мне всё равно. Я задыхаюсь без воздуха, но без него я задыхаюсь ещё больше.

Ему мало, и это заводит меня ещё сильнее. Его руки проникают под ткань блузки, резко её дергают. Слышится стук пуговиц по полу. Его это отвлекает на секунду, и я смотрю на него безумным взглядом.

Его глаза не менее безумны. Теперь я отчетливо вижу, что он всё же демон. В глубине зрачков появляется маленькая красная точка, он придает радужке какой-то тёмно — бордовый оттенок — цвет засохшей крови.

Черты его лица сильнее заострились. Я замираю от его взгляда, не понимаю его: он смотрит со страстью или с ненавистью?

Сердце снова сжимает холодная рука страха. Я думала, он пропал, но тот лишь затаился на время, прикрытый сверху тонкой пленкой заботы и внимания. Как я не распознала этого в нём?

Но прежде чем я успеваю хоть пикнуть, жесткие губы вновь накрывают мои. И несмотря на отчетливое понимание, что происходит что-то не то, я отвечаю, прижимаюсь теснее, хотя, казалось бы, больше некуда.

Раян резко дергает последнюю деталь верхней одежды, не отрываясь от меня, я слышу треск вмиг разогнувшихся петель. Запоздало понимаю, что эта часть гардероба совсем не местная, совсем не скромная, но он даже не обращает на этот факт внимания.

Приглушенное рычание, пара шагов вперед, и вот я уже распластана на кровати, прижатая сильным телом сверху. Его кожа горячая, совсем нечеловеческой температуры и пахнет

огнём. Я бы хотела провести по ней языком, ощутить, какая она на вкус, но мне не дают ни малейшего шанса это сделать.

Когда он спускается чуть ниже, впиваясь в шею до боли, это даже не вызывает шипения. Я тихо охаю и запускаю руки в его волосы, в отместку зло дергая ленту. Те всё равно не распускаются, лишь приходят в легкий беспорядок.

Губы опускаются ещё ниже. Кажется, вместо дыхания к моей коже прикасается огненный пар, а язык его так горяч, словно кровь в венах заменилась кипящей лавой. Это пугает, но дарит совершенно невероятные ощущения.

Его поцелуи по — прежнему жесткие и больше напоминают укусы. Но мне нравится, и я испытываю какое-то мазохистское удовольствие от гремучей смеси внешней и внутренней боли. Давай, сильнее, больнее, именно так мне и надо. Именно этого я и заслужила. Именно это и останется со мной навечно.

Горячая рука скользит вверх по ноге, поднимая юбку всё выше и выше. Я выгибаюсь, мне хочется почувствовать его ближе, но он оттягивает удовольствие, вновь возвращается к губам, оставляя руки в опасной близости от самого сокровенного.

Я снова задыхаюсь. Он не даёт мне ни секунды передышки, полностью игнорируя мои робкие попытки хоть как-то вмешаться в процесс.

Когда я провожу руками по его плечам и пытаюсь плавно и медленно перевести их ему на грудь, чтобы дотронуться его смуглых мышц, что так привлекательно перекатываются под кожей, мои ладони останавливаются, перехватывают и поднимают вверх, сжимая лишь одной рукой. Он не рассчитывает силу, и мне кажется, что их связали такой тугой веревкой, словно я заслужила наказание как преступница.

Грудь, плечи, губы горят. И я готова сгореть в этом огне вместе с ним. Мне и страшно, и больно, и нестерпимо горячо.

Не знаю, сколько во всем этом безумии было от страсти. Это скорее напоминало ненависть, желание завладеть, невозможность насытиться.

Когда его вторая, свободная рука вернулась к ранее прерванному занятию и резко дернула пояс юбки, стало действительно больно. Это возвратило моё сознание из транса.

Я зашипела, задергалась в его руках, но он проигнорировал мой протест. Спустя пару мгновений боль приутихла, я юбка стала сползать куда-то вбок, давая простор его пальцам.

Видимо, ему стало мало одной руки для исследования, и меня наконец-то выпустили.

Если бы его губы прекратили меня целовать, я бы, наверное, закричала, привлекая внимание, но такой возможности у меня не было, и я лишь терпела, пытаюсь вникнуть в безумный ритм, что задавали его губы и руки, поглаживающие бедра.

Для меня это стало пыткой. Время, казалось, растянулось на часы вместо нескольких минут. Возбуждение как рукой сняло. В голове возникла совершенно определенная мысль — он меня не любит, это вообще не имеет ничего общего с любовью. Нет никакой нежности, заботы или даже желания получить их в ответ, только — насытиться самому.

Наверное, он наконец почувствовал, что что-то не так. Прервался. Посмотрел на меня своими невозможными горящими глазами.

Я не плакала. И, вопреки мелькавшему ранее желанию, не закричала. Просто лежала и тупо смотрела на него, надеясь, что это скоро закончится.

— Алесан, — зовет он.

Я смотрю на него более осмысленным взглядом, но не могу ни улыбнуться, ни нахмуриться. Даже страх куда-то пропал, принося лишь опустошение.

Он молчит. А потом наклоняется и целует вновь, на этот раз бережно, ласково, но как будто через силу, заставляя себя медлить нарочно. Губы просят ответа, но у меня не выходит, словно я рзучилась целовать.

— Прости, девочка, — шепчет он куда-то в районе мочки уха.

Дыхание опалает кожу, в этом месте она особенно чувствительна.

— Прости, — продолжает он, покрывая поцелуями моё плечо. — Прости. Я думал, что сдержусь, но не выходит.

Губы опускаются ниже, бережно дотрагиваясь до мест предыдущих полупоцелуев — полуукусов.

В районе живота он останавливается, понимает, что сейчас уже не следует двигаться дальше. Огненное дыхание прокладывает обратную дорожку до самых ключиц.

— Никак не получается остановиться. Я слишком долго тебя искал...

Слова воспринимались как белый шум на задворках сознания, но какая-то часть мозга всё ещё работала, и раз за разом, как эхо, принялась повторять "слишком долго тебя искал".

Я вздрогнула, немного запоздало. Страх — самая первая эмоция в отношении магистра — вновь вернулся. Если бы я была охвачена страстью, если бы возбуждение по — прежнему туманило мой разум, если бы он был человеком моего мира, его слова показались бы мне самыми подходящими для момента. Это у нас ищут любовь и посвящают этим поискам песни, но здесь... имеет ли вообще это выражение здесь такой же смысл, как и в моём мире?

Губы разлепляются с трудом. Они иссушены, требуют влаги, но сейчас есть кое-что поважнее:

— Ты меня... искал?

Он странно, хрипло смеется в мои волосы. Потом берёт моё лицо в свои руки, но медлит, не говорит ничего, вглядывается во что-то, видимое лишь ему.

— Искал... очень долго искал. Слишком долго, чтобы сохранить разум.

Я еле сдерживаю шок. Мотаю головой, вырываясь из его рук.

Его уже отпустило, и он больше не сжимает меня до боли, убирает руки, а потом и сам отодвигается в сторону.

— Я не понимаю, — говорю я чистую правду.

Поворачиваю голову в его сторону, всё ещё пребывая в некотором оцепенении. То, я лежу практически полностью голая, меня не беспокоит, лишь отмечается как факт.

Он ложится на бок, облакачивается на руку, нависает надо мной, но не дотрагивается. Лишь смотрит задумчиво, пребывая мыслями в другом месте.

— Знаешь... со мной однажды произошел очень странный случай. Ты ведь в курсе, что демоны проходят испытания?

Я киваю.

— На одной из ступеней, одной из самых ранних, когда тренируется сила и выносливость, мне решили усложнить условия. У меня семья... не самая простая, поэтому и требования выше. Но я вполне им соответствовал, поэтому, когда меня оставили одного в пустыне на несколько дней, был уверен, что справлюсь.

Тело непроизвольно дернулось. Я резко села. Глаза помимо воли быстро заскользили по комнате, отмечая расположение двери, а сердце застучало так гулко, что звук отдавался в ушах.

Я уже знала, что будет дальше. Невероятное совпадение, настолько невозможное, что в теории вероятности для её описания не хватило бы нулей после запятой.

Руки, живя своей собственной жизнью, потянулись вверх, прикрывая грудь. Осознание того, что я сижу сейчас перед тем мальчиком, которого я бросила в пустыне, заставило кровь прилить к щекам, а чувство смущения поглотить все остальные.

Моя реакция не укрылась от его взгляда, но я поспешила сказать хоть что-то:

— Ты справился?

Голос звучал хрипло, каркаяще, и я поспешила встать с кровати, чтобы найти блузку.

Желание поскорее прикрыться хоть чем-то только нарастало. Я не стала надевать лифчик, чтобы не приковывать его внимание к этой детали, лишь быстро наклонилась, став к нему спиной, и спрятала его в кармане полуразорванной юбки. Ворот блузки был тоже разорван, к тому же не осталось ни одной пуговицы, поэтому я просто запахнула один край за другой и спрятала их за пояс.

Больше прятать лицо не было никакой возможности, поэтому я повернулась к нему. Он вовсе не смотрел подозрительно, скорее, выглядел расстроенным, осматривая плоды собственных трудов и отмечая краснеющее лицо.

Но, тем не менее, ответил на вопрос, когда я приблизилась и села на край кровати, демонстрируя желание слушать.

— Да, не знаю как. Я потерял амулет связи, который оставляли всем на крайний случай, и помнил только направление, в котором нужно двигаться. Естественный огонь помогал не сгореть под солнцем, но и не давал влаги. И тут появилось... видение что ли.

— Видение? — уточнила я, пытаюсь сделать удивленный вид.

— Да, наверное, — он немного замялся, сам сомневаясь в своих словах. — Мне показалось, что появился человек, дал мне поесть и попить. А потом он исчез.

— В пустынях всякое бывает, — вспомнила я по фактам из моего мира. — Миражи там...

— Может. Только у меня прибавилось сил, и я смог завершить этот этап, — возразил он. В его голосе прорезались какие-то упрямые нотки, совсем не похожие на его привычный уверенный приказной тон.

— Да — а? — протянула я, пряча глаза под видом интереса к убранству комнаты.

— Я вернулся тогда. Как восстановился, так сразу и вернулся, вместе с братом. Пытался найти то самое место, хоть какое-то доказательства... но моей магии было слишком мало, чтобы сориентироваться.

— Магии? — удивилась я. Вот это было действительно странно для этого мира.

— Да. Магию демонов из... нашей семьи не блокируют в детстве. Она жила со мной всё это время, но внутренний огонь не давал ей развиваться так быстро, как было бы у одаренных магией детей... отсюда.

— Так что же было странного? — мне всё ещё нужно было делать вид, что я не понимаю, к чему он ведёт.

— Видение — это ты, — улыбнулся он одними губами. Глаза стали холодными, и мне это совсем не понравилось.

— Я?

— Да. Знаешь, я мог бы подумать, что это был какой-то портал... магическая аномалия... отчего ещё человек может появиться и пропасть? Но уровень моей магии даже тогда позволял определить, было ли изменено магическое поле. А я ничего не уловил. И не догадался поговорить... с ним.

Я молчала, переваривая услышанное. Он остался жив — это хорошо. Но он до сих пор помнит о том происшествии — это очень и очень плохо.

Если я раньше надеялась, что между нами что-то может произойти (хоть эта надежда и граничила с безумием), то теперь была уверена абсолютно точно — нет, не может. Он, и только он, будет относиться ко мне в сотни раз подозрительнее любого жителя этого мира. И только его, по сути, мне и следовало остерегаться с самого начала, потому что он единственный, кто достаточно силен, чтобы меня не отпустить.

— Думаешь, я сошел с ума? — спрашивает он, криво усмехаясь.

— Нет, почему же... в жизни бывает всякое.

— Ты не первая, кто мы это говорит, — он тоже приподнялся, сел. Мы теперь сидели на разных концах кровати, не делая попыток приблизиться друг к другу. — Я тогда на самом деле не придал этому особенного значения... Был ещё мал и столько ещё ждало впереди, что

необходимо было преодолеть, с чем нужно было справиться. Испытания проходились легко, а последний этап приближался. Я периодически вспоминал о случившемся, но в то время казалось, что любое произошедшее событие имеет объяснение, просто я его ещё не нашёл. И то, что люди более умудренные опытом тоже не представляют, что же это могло быть, меня не огорчало. Я-то был уверен, что рано или поздно узнаю.

Он сделал паузу, чтобы посмотреть на меня. И я наконец начинаю понимать весь смысл этих постоянных пристальных взглядов.

— У всех демонов, даже самых сильных, есть слабые места. Но, на самом деле, есть способ узнать о них точно и определить, как можно преодолеть слабость. Я думал, что у меня их нет, я же ничего не боялся. Но брат всё равно отвел меня к Оракулу, чтобы быть уверенным наверняка.

Я напряглась. Что-то мне подсказывало, что тут начнется неизвестная мне часть, которая вряд придется мне по душе.

— Тот у меня спросил: "Есть ли что-то, что бы ты хотел знать?". Тут многие отвечают что-то вроде "Я хочу знать, как преодолеть мой страх", "Я хочу знать, как победить моего врага" или "Я хочу знать, как заполучить эту женщину". Оракул даёт ответ на все вопросы. Я подумал, и решил, что единственный вопрос, ответ на который меня волнует больше всего — это что произошло тогда, в пустыне. Но он не знал. Ты понимаешь? Всесильный Оракул понятия не имел, что же это было! Я настаивал, пытался отыскать способы ещё хоть что-то узнать о видении, и Оракул сдался. Он заставил меня выпить зелье, которое восстановило той день в моей памяти до мельчайших деталей, а потом попытался найти тебя по ауре. И не нашел.

— Как не нашёл? — это и меня удивило. Я почему-то ожидала, что Оракул меня выдаст... хотя это странное ожидание, учитывая то, что Раян до сих порничего обо мне не знает.

— А вот так. Сказал, что тебя нет среди живых в этом мире.

Он замолчал. Наклонился вперед, уперся своими длинными руками о колени, вздохнул.

— Может быть, кто-то другой и сдался бы после этих слов, но меня переключило. Тем более теперь, после того, как я помнил это событие так точно, словно оно произошло вчера. Я взглянул на видение по — новому, не глазами парня, а глазами мужчины, и его образ вызывал в голове совсем иные мысли, нежели благодарность за спасение. Я покинул земли демонов и отправился послем в соседние территории, но нигде не встретил никого, хоть отдаленно похожего на тебя.

Я смотрела на него во все глаза, не в силах поверить, что пять минут в этом мире в том времени заставили кого-то потратить столько времени на поиски.

— А затем пришел черед последнего испытания. И... я его не прошел.

Его лицо словно окаменело, а глаза потускнели, словно он вновь перенесся в те минуты разочарования. Голос стал жёстче, утратил мечтательные нотки склонного к приключениям юноши. Теперь передо мной снова сидел магистр, тот, которого я боялась.

— Я слышал прежде, как выжигает изнутри пламя, как ты горишь в огне и не можешь из него выбраться... И я знал, что нет возможности его обуздать, нет шанса пройти испытание еще раз, так как нет и ответа. Моим слабым местом оказалось упорство. Я не мог идти дальше, перешагнуть этот рубеж, не разобравшись с таким, казалось бы, совершенно неважным вопросом. Это оказалось сильнее меня. Спустя несколько лет бесплодной борьбы с самим собой и огнём я решил кардинально изменить подход. Раз мне сказали, что тебя нет среди живых... я решил поискать тебя среди мертвых. Я занялся некромантией.

И я знала, что он произнесет следующим.

— И среди мертвых я тебя тоже не нашел, — сказал он зло.

Вот он, вот этот взгляд. Так смотрят на того, кто мучал тебя годами... десятилетиями? Он меня ненавидел. И искал. Я знаю это чувство, когда ты желаешь достигнуть какой-то цели, но она так далека, так недостижима... И ты ставишь себе условие: не отступать, не сдаваться. В большинстве случаев потом, когда достигаешь желаемого, ты чувствуешь ликование, ощущение едва ли не всемогущества... Но есть ещё один вариант. В нем ты не можешь сдвинуться с намеченного курса и ненавидишь каждую секунду, вынуждающую тебя ему следовать. А потом вместо радости приходит облегчение.

Только он ещё не достигнул цели. Появилось кое-что, что запутало его ещё больше.

— А потом ты встретил меня, — подытожила я.

— Да, — твёрдый ледяной ответ.

Теперь уже он рассматривает комнату. Не даёт увидеть его глаза. Но мне это и не нужно. Я и так знаю, что не найду в них отражения собственных эмоций, что натолкнусь на гамму тех чувств, что подвластны Тёмной матери.

— Ты меня ненавидишь?

Молчит. Он знает ответ, но всё же некая доля человечности мешает ему выплюнуть его прямо мне в лицо.

— Я не знаю.

Ну хотя бы честно.

— Зачем же тогда... всё это? — я делаю жест рукой в сторону постели, не с силах дать произошедшему описание. Что это было? Уж точно не занятие любовью.

Он наконец поворачивает голову в мою сторону. Холодная ярость постепенно утихает, когда он замечает мою растерянность, мои неловко сложенные руки на поясе, не дающие рубашке распахнуться, мою скованность и страх.

— Когда я встретил тебя... вживую... в первый раз, мне захотелось тебя убить. Но потом, когда это чуть не сделал Хараш, я понял, что не могу позволить это совершить кому-то другому. Никому не позволю мучить тебя. Никому не позволю быть с тобой.

Его слова были страшны. Но я чувствовала себя сродни циркачу, сующему голову льву в пасть. Это пугало. Наверное, даже если бы он сейчас приставил мне нож к горлу, я бы оставалась до последнего, до того момента, пока бы не почувствовала, как под острым лезвием начинает рваться плоть, пропуская его глубже.

— Ты и сейчас хочешь... убить меня?

Надо же, даже голос не дрогнул. Только в моем мире с исковерканной моралью, где героями долгоиграющих историй выступают серийные маньяки и наркоманы, можно научиться относиться ко всему с пониманием. Или же в силу вступил Стокгольмский синдром?

— Нет, — качает головой. Темные хищные глаза не моргают, впиваются в лицо, жгутся. — Больше нет. Я понимаю, что ты не виновата. Я вижу, какая ты... нежная. И чувствительная. Я не могу причинить тебе боль. Но иногда это выходит не нарочно. Прости.

Я молчу. Тишина оглушает. Но что можно сказать? Уж точно не правду.

— Знаешь, — он улыбается странно, полубезумно, и это слегка пугает. — Когда мы пришли в этот мир, то очень удивились тому, что люди здесь верят в богов. Тёмная мать, Светлая мать... Природа нашей силы — тьма, огонь наш опаляющий и разрушающий, а души не ведают света. У нас нет богов, мы — высшая сила, мы — хозяйева своей судьбы. Но когда я встретил тебя, настоящую тебя, когда увидел, что ты сплошь состоишь из света, по непонятному недоразумению соседствующего с темной силой, я понял, что всё это время не учитывал один вариант. Вдруг произошедшее — воля местных богов? Вдруг это было нечто сродни предвидению? Вдруг это судьба, сотканная Светлой матерью, простое предзнаменование будущей встречи?

Что мне на это ответить? Нет никаких богов? Это не Светлая мать? Это глупая девчонка, решившая поэкспериментировать и заставившая человека — нет, демона — потратить тьму времени на абсолютно бессмысленные поиски?

— Я не знаю, что это было Алесан. Но одно я скажу тебе совершенно точно — я тебя больше никуда не отпущу.

В его голосе — угроза, в глазах — твердая решимость, на лице — лёд.

Если бы я до этого не планировала покинуть этот мир, то теперь определенно решила бы, что в нём не стоит задерживаться. Он может, может заставить меня остаться. Пока не знаю как, но он слишком упертый, чтобы так легко бросить это дело.

Несмотря на подступающую панику, я медленно встаю с кровати. "Никаких лишних движений. Всё строго по плану. Ты сейчас выйдешь за дверь — и уйдешь из этого мира. В чёрту тренировочные бои, к черту неуместные чувства! Если ты не уйдешь сейчас — вполне возможно, шансы спасти сестру будут равны нулю" — уговаривала я себя, снова запахивая ворот и осматривая одежду.

— Мне нужно это всё обдумать, — говорю я спокойно. — Пойду я к себе.

Он кивает. Смотрит пристально, раздосадованно, но контроль уже себе вернул. Понимает, что после услышанного продолжать начатое не получится, но и заставлять меня не планирует. Я в его власти, чего беспокоиться?

Встает. Я слежу за его действиями пристально и против воли делаю шаг назад, когда он проходит мимо. Он замечает это движение, но ничего не говорит. Лишь проходит к камину, наклоняется и что-то поднимает. Ну конечно же!

— Только надень браслет. Завтра будет беспокойно.

Я киваю. Не вижу смысла спорить. Но он подносит браслет сначала поближе к глазам, хмурится, говорит:

— Подожди. Защитный кристалл треснул.

— Разве он не магический? Как он мог треснуть?

Он смотрит на меня в стиле Хараша, как бы говоря: "как это можно не понимать?".

— Его хозяйка — ты. Он замкнут на тебе. Ты хотела его разбить — ты и разбила.

Раян оборачивается к камину. На нем стоят совсем диковинные часы из дерева и уже виденного мною зеленоватого металла. А рядом — большая деревянная шкатулка с железными углами и искусной росписью. Он откидывает крышку и запускает туда руку.

То, что он вытягивает оттуда, определенно магическое. Шкатулка внутри шкатулки. Эта немного поменьше, продолговатая, без каких-либо орнаментов, лишь с выложенным каким-то огненным камнем кругом по центру. Она слабо светится и вся как будто невесомая — железная начинка, опутанная тончайшей паутиной белесых нитей.

— Что это? — не сдерживаю потрясенного вздоха я. Впервые увидела магическое плетение вживую!

— Это? — он небрежно держит это сокровище, так спокойно, словно книгу из библиотеки, которую не нужно туда возвращать.

— Да.

— Семейная реликвия, — он неопределенно пожимает плечами. — Отдали её мне, так как нет в ней никакой ценности. Камни не магические, работа не ювелирная, разве что не горит да в огне не тонет.

— И всё? — удивленно спрашиваю я.

— Старая ещё. А так... магии в ней ноль, сплав должно быть особенный, потерянный, из старого мира.

То, что я вижу перед своими глазами — вполне себе магия, а вот сплав совершенно обычный. Неужели он не видит этой красоты? Неужели он не видит этих нитей, похожих... похожих на те, что мелькают в созданных мною стенах?

Неожиданная догадка осеняет меня, и я едва сдерживаюсь, чтобы не проявить своё восторженное возбуждение вновь. Не может быть, просто не может быть...

— А мне нравится! — говорю я немного упрямо, словно из простого духа противоречия. — Откуда она у тебя?

Он тем временем достает из шкатулки какой-то очень маленький кристаллик и начинает прилаживать его к одному из звеньев браслета.

— Ты знаешь хоть что-нибудь о прошлом демонов?

— Да, немножко.

— По легенде мы пришли сюда из другого мира, Преисподней. Там как раз заканчивалась война, опустошившая мир, иссушившая его магические источники... Магия покидала его, а демоны не могут жить без магии, ведь даже если демон и лишен магического дара, магия, содержащаяся в мире, подпитывает его внутренний огонь. Наши предки искали выход, искали способ восстановить самовозобновление источников, но у них не выходило. Тогда один из приближенных Повелителя предложил выход — вообще уйти из мира. Необходимо было забрать и сердце огня, чтобы восстановить свою магию после перехода... Сейчас все рукописи о переходе потеряны, так что ритуал перехода неизвестен. Осталась лишь эта шкатулка, в которой и перенесли сердце. Там ещё было несколько предметов: венец Повелителя, родовой артефакт правящей семьи, охотничий артефакт, артефакт усиления наследственности... Часть из них осталось в кругу семьи, а часть теперь потеряна. Среди оставшихся и шкатулка. Только нет в ней никакой магии, она хранится исключительно как часть исторического наследия. Её даже мне отдали, как наименее ценную часть артефактов предков.

— Получается... — я затаила дыхание, одновременно страшась услышать ответ на вопрос и надеясь получить его как можно скорее, — вы магию потеряли, а артефакты в шкатулке сохранили?

— Да, выходит, что так, — он пожал плечами, словно говорил о чем-то совершенно незначительном. — Давай руку.

Я как под гипнозом протянула руку, позволяя застегнуть браслет. Он делал это спокойно, методично, уже отойдя от печального флера воспоминаний.

Надев браслет мне на руку, Раян не выпустил её, а притянул меня к себе, обнимая. Нас снова окутал дымный вихрь тьмы. Привычное прикосновение ледяного дыхания потустороннего мира, когда мы оказываемся на территории, где повелевают некроманты — там, что проходит черта жизни, там, где всё пропитано тьмой и безысходностью, там, где нет власти ласковой руки Светлой матери.

В комнате он не отпускает меня, прижимает ближе. Я не поднимаю лица, застываю, как ватная, позволяя ему меня обнимать.

Он наклоняется, легко целует меня в макушку. И обещает:

— Мы ещё продолжим, Алесан. Больше никаких воспоминаний. Пора отпустить прошлое.

После этих слов я смотрю в его глаза, но по — прежнему не вижу любви. В них отражается твердая уверенность, новое обещание себе. Я словно сама читаю его мысли, в которых он ставит себе новую цель: справиться с этим, преодолеть чувства ко мне, заставить меня пойти ему навстречу, заставить меня подчиниться, словно, сделав это, он подчинит себе свою собственную жизнь.

Когда его губы касаются моих, сухих и потрескавшихся, я отвечаю ему. Я хочу сделать хоть что-то хорошее, чтобы не отталкивать его сегодня, потому что понимаю, что натворила своими опрометчивыми прыжками по линии времени. Он снова действует жестко, словно ставит своё клеймо грубыми мазками губ, обжигающим дыханием, раскаленным движением языка.

Когда поцелуй заканчивается, я вздыхаю с облегчением.

Он растворяется в воздухе. Я растерянно замечаю, как в кольце света оставленного мною в гневе освещающего комнату шара порхает пепел. Он постепенно исчезает, отправляясь туда, где ему и место.

Мой тщательно выстроенный план летит к чертям. Я не ожидала такого развития событий, я вообще не представляла, что такие случайности возможны. Откуда мне было знать, что потерянный темноволосый мальчик превратится в темного некроманта, брата Повелителя демонов? Он не озвучивал напрямую, в каком родстве состоит с правящей семьей, но благодаря злой отповеди Хараша я вполне могу сопоставить дважды два.

Откуда мне было знать, что тот, от кого я бежала всё это время — единственный, кто действительно мог бы мне помочь, и в то же время единственный, у кого я не могу попросить помощи? Мелькнула безумная мысль рассказать ему правду, но я тут же трусливо её спрятала. Что он сделает мне? Возненавидит из-за впустую потраченных лет, израсходованных на поиски того, чего не было в его мире? Убьет за то, что потушила его внутренний огонь своим глупым экспериментом? Захочет в отместку измучить меня и найдёт способ оставить меня в

этом мире? Уверена, они есть.

Самое обидное, что именно теперь, когда я знаю способ спасти сестру, я никак не могу остаться в этом мире, потому что способ связан с магистром. Но я же хотела ниточку! Вот она — переместиться вперед и искать эту шкатулку среди детей Тардаэша.

При мысли о его детях больно кольнуло сердце. Нет — нет, сейчас не время для ревности! Я должна уйти. Я не могу быть с ним откровенной, никак не могу. Мне кажется, что если бы мне кто-то сделал нечто подобное, я бы его ненавидела, видеть бы больше не захотела. Что чувствовал он, молодой мужчина, когда не смог пройти испытание, которое прошли тысячи демонов? Когда какой-то сопливый Хараш, даже зная, что магистр состоит в Совете, всё равно над ним насмеяется и даже в какой-то мере презирает? Сколько яда он слышал в свой адрес? Сколько врагов потоптались на его самолюбии, когда один из самых перспективных демонов оказался слаб? Можно ли простить другому человеку унижение на протяжении нескольких лет или даже десятков?

Я хочу остаться в его памяти светлым пятном. Я знаю, что он меня отчасти ненавидит, но у него явно есть и другие чувства ко мне, чуть более теплые. Пусть они и останутся. Как бы больно мне ни было расставаться, ему будет в сотни раз больнее, когда он узнает, чего лишился по вине глупой девчонки.

Но у меня ещё есть один день. Пока моё поведение не должно меня выдать. И оставшуюся ночь вполне можно потратить на нечто полезное. Например, использовать невидимую всем магию.

Я не верила, что у меня получится, но всё равно попыталась. Достала один из самых крупных флаконов для зелий и принялась словно обносить его стеной с теми светящимися линиями. Это выходило легко, как будто я занималась этим каждый день, но никак не выходило хотя бы отдаленно повторить узор. Линий было слишком мало.

Когда же забрезжил рассвет, оставляя меня наедине с моими бесплодными попытками, я поняла, что вполне могла бы всё это время спать и не трепыхаться — помимо того, что линии не подчинялись моей воле, флакон был стационарен, он словно замирал в дыре пространства — времени и не было никакой возможности его сдвинуть с места.

Господин Брор, помнится, говорил, что лишь новички могут клюнуть на манок. Поэтому не было ничего удивительного в том, что мой уровень владения пространственной магией оставлял желать лучшего. Возможно, в других мирах подобных мне обучают и те путешествуют затем чисто из интереса, но в моем родном мире магии нет, разве что такая, пространственная, и в этом тоже маги моего типа не водятся. И, вполне возможно, в Преисподней их тоже не было, раз в легендах никак не упоминалось о каких-либо выходящих за рамки способностях демона, спасшего их расу. Был ли он вообще демоном? Или оказался ещё одним пространственным магом, скрывающимся под маской? Мне вряд ли доведётся узнать ответ, но кем бы он ни был, он в сотни раз сильнее меня.

Воспоминание о господине Броре напомнило мне всё же оставить на столе записку. Артефакт я планировала оставить ему позже, после тренировочного боя, как меня пронзила неожиданная мысль. Я чуть было не совершила совершенно глупый поступок! Зачем мне возвращать вещи и артефакт постороннему человеку, которому я должна денег? Это наведет на Гидеона подозрения, особенно учитывая тот факт, что как раз сегодня я у него была.

Поэтому я судорожно скомкала записку, разорвала её на мелкие клочки и сбегала в душевые, чтобы смыть их в сток. Никаких следов, не хватало ещё подставить торговца.

В комнате я выложила на стол все оставшиеся деньги и именно их попросила вернуть торговцу, чтобы в глазах несомненно будущего меня искать магистра было оправдание моих посещений Гидеона, никак не связанное с моим личным к коллекционеру отношением.

Затем я уже отправилась в душ по естественной надобности. Хорошо, что было слишком рано и никто ко мне не присматривался, потому что в зеркале отражалась я с неестественно красными губами и красными же отметинами по всей шее и груди. Их можно скрыть за распущенными волосами и повязанной на шее широкой завязке, ранее использовавшейся мной для закрепления волос. Но в этот раз ей найдется более важное применение.

Я провела руками по этим отметинам. Мне тогда не почудилось опаляющее дыхание. Они не просто болели, как раны, но и рубцевались таким же образом, как обычные ожоги. Надо по прибытии домой смазать их какой-нибудь мазью, чтобы эти метки не остались со мной навечно. Я, конечно, сентиментальная, но не до такой степени. А Ониена просить не хочется.

Когда я пропаду, он по доброте душевной может рассказать об увиденном Харашу. А мне не хочется, чтобы он знал обо мне и магистре насколько личные вещи.

Я облокотилась на стену, позволяя теплым струям воды ласково меня обнять. Ожоги щипали, болели, но я упрямо не выходила из кабинки. Если закрыть глаза, то можно представить, что это тепло — от Раяна, и эта боль — тоже от него. Если провести рукой вдоль тела, то можно вообразить, будто это его рука скользит так мягко и нежно. Если не открывать глаз, то можно представить, что он смотрит на меня с любовью и страстью, а не со сжигающей ненавистью.

Хлопнула дверь, вырывая меня из мечтаний.

Я быстро привела себя в порядок и вернулась к себе. Кинула в карман манок, нацепила маленький флакон с зельем наподобие амулета и кулон, подаренный Рамоном. Все самые важные вещи не хотелось оставлять в комнате. Мною владела параноидальная мысль, что кто-то может заявиться в комнату и раскрыть меня, понять все мои секреты по этим несвязанным друг с другом предметам. А возможно, это было предчувствие.

Я вдохнула, надела рубашку со штанами и вышла из комнаты.

Начинался мой последний день в этом мире.

За завтраком было шумно. Даже за моим столом было шумно. И это бы мне на руку. Все с таким возбуждением обсуждали стратегию не только нашей команды, но и других участников этого этапа тренировочных боев, что никому, по сути, до меня и не было дела. Ведь я первокурсница, к тому же и без магии, я и не должна знать ничего о проведении турнира. Поэтому моё дело — сидеть, развесив уши, и слушать.

Этим я и занималось.

Выяснилось, что утром вывесили списки, по которым Хараши вступает в первый бой, с Сашем, восьмым, и во второй — пятнадцатым.

Противный медноволосый Архангал не упустил случая злорадно пообещать Харашу "скорую встречу с Тёмной матерью". Азер его заверил, что этой встречи он ждёт с нетерпением, ведь Тёмная мать его лишь приголубит, а вот Сашу подобная встреча вряд ли придётся по нраву.

Местный фольклор был довольно интересен, хотя никто здесь особо в Двуетидную Мать не верил, просто привыкли употреблять её во всех выражениях, чаще всего в нецензурных. Тёмная мать питалась грязными словами, поэтому носители её силы порой чересчур ими злоупотребляли. Радовало только то, что демон не относился к числу этих носителей. Наверное, он, как и Раян, в принципе в неё не верил, лишь упоминал о ней ради красного словца.

Мы вместе отправились на тренировочный полигон. Погода была неприятная, пасмурная, поэтому мой самодельный шарфик пришелся куда как кстати.

Но когда мы приблизились, выяснилось, что мои опасения были напрасны. Зрителей тоже защищал щит, правда, исключительно от дождя сверху. На ветер и общую противную слякоть его действие не распространялось, но это было хоть что-то. Всё-таки зонта у меня не было, да и не уверена, что в этом мире вообще существует его аналог.

Азер с Ониеном нас сразу покинули, отдаваясь к кромке щита, огораживающего поле. Все слова уже были сказаны, все яркие и позитивные эмоции выплеснулись за болтовней за завтраком, оставив место серьезной сосредоточенности и решительности. Даже веселый шалопай Бераак, проходя мимо нас, не поддел Хараша, а лишь улыбнулся уголками губ.

Я уселась на лавку и тут же принялась искать глазами Раяна. Мне пришлось потратить несколько минут, прежде чем я поняла, что он находится рядом с адептами факультета боевой магии, ждущих своей очереди у края полигона. Он почувствовал мой взгляд, быстро обернулся и посмотрел в ответ. Отсюда я не видела выражения его глаз, но мне стало спокойнее, когда я поняла, где он. Именно на таком расстоянии — вроде бы и близко, вроде бы и далеко — он казался более реальным, более человечным, более нормальным. Именно так я и хотела его запомнить, не видя его жестких глаз напротив своих.

Вазиль тихо засмеялся справа.

Я повернулась, чтобы понять, что послужило причиной его веселого настроения, когда вокруг все так напряжены, но он лишь показал пальцем на Дононда.

Тот сидел, весь хмурый и сосредоточенный, в своём темно — коричневом пиджаке и теребил в руке один из амулетов. Он что-то тихо приговаривал полусшепотом. Я попыталась вслушаться, но мне это удалось не сразу, так как изначально слова показались незнакомыми. Потом до меня дошло, что он, наверное, говорит какое-то заклинание или молитву на другом языке.

— Так всегда. Не обращай внимания, — шепнул Вазиль, сверкнув улыбкой. Он приложил руку ко рту, чтобы его состояние не стало заметно гному, но в итоге лишь давился смехом, извлекая наружу булькающие звуки.

— Молится Тёмной матери? — предположила я.

— Не, но не помню кому.

Я всмотрелась в артефактника пристальнее. Он поглаживал пальцем золотую монету на манер того, как мы гладим живот у фигурок — нэцкэ. У меня тоже не получилось сдержать улыбку, уж больно комично это смотрелось. Хотя, стоит признаться, поглаживанием живота у гипсовых фигурок я тоже по малолетству занималась.

Я себя отдернула. К чужой религии нужно относиться с уважением. Это едва ли не первое правило поведения для всякого уважающего себя цивилизованного человека.

Не стоило вести себя так же, как Вазиль. Я решила сделать вид, что всё нормально, поэтому перевела взгляд на другой край поля, где стоял Хараш. Почему-то вся его поза выдавала напряжение, и ему что-то втолковывал Бераак, активно жестикулируя. Он кивал согласно с Берааком. Я толкнула Вазилья в бок, обращая его внимание на этот факт, и тот тоже обеспокоился:

— Наверняка что-то случилось. Антэн не стал бы тратить время перед выходом на препирательства в Азером, если бы не произошло нечто важное. Он же вторым выступает!

Дононд сразу наострил уши, почувствовал, общее напряжение. Нахмурился, пробормотал:

— Нехорошо. Что-то случится.

— С чего ты взял? — удивилась я. Вроде артефактники не имеют пророческих способностей.

— Он не в первых рядах, — непривычно резко отрезал Дононд, словно это что-либо объясняло.

Вазиль сбоку закатил глаза, не удержавшись от скептического хмыканья.

— Ну и что?

— Как что? — раздраженно ответил Дон. — Удача любит храбрых!

Я дернулась, нечаянно толкнув Вазилья локтем. Тот зашипел, посмотрел возмущенно. Но эта фраза... слишком уж сильной болью она отдаётся в сердце. От неожиданности щиплет глаза, я морально не была готова услышать её именно в этот момент и в этой ситуации.

— Это поговорка такая? — выдавливаю из себя я, преодолевая первое шоковое состояние.

— Гномий девиз, — с иронией ответил филигранник.

— Я думала, они больше... по торговле, — не поняла я.

— Ой, это ты зря, — пробормотал Мелиноволь, скрывая улыбку.

— Гномы! Не! Торговцы! — отделяя каждое слово, с возмущением выпалил покрасневший Дононд. — Наш народ хоть и мал, но в недостатке храбрости нас не уличишь!

— Ладно, ладно, — быстро согласилась я, пока он не завелся сильнее.

— Гномы никогда — слышишь, никогда! — не бегут от опасности!

— Дон, перестань. Она не знала, — попытался защитить меня Вазиль, когда артефактник принялся приподниматься с кресла, гневно потрясая кулаками. И уже мне: — У них есть такое поверье: если сражаешься, то никогда не отступать, если обстоятельства требуют, чтобы ты рискнул, то опять же не отступать, так как, дескать, "удача любит храбрых".

Я замерла с открытым ртом. Что-то я не помню, чтобы после моего патетического аналогичного высказывания меня перебили и сказали нечто вроде "девка, не учи ученого, и без тебя всё знаем". Вот не было такого!

— А как давно... гномы... придерживаются таких взглядов?

— Вот оно, деревенское образование, — фыркнул начавший успокаиваться Дононд. — Не зря Азер тебя всё время в это тыкал. Таких вещей и не знать!

— Да, нас этому не учили, — не стала спорить я.

— Так знай, дитя! — Дон поднял вверх палец свободной руки, в другой по — прежнему сжимал амулет. — В сто двадцать втором году от воцарения на небесном престоле Двуетиной матери, богини ваших Смешанных земель, состоялась решающая битва, определившая исход троллего нашествия. Они пытались прорваться на ландовые рудники в Лишайных горах, что в пятидесяти пролетах от столицы. Но в разгар сражения, когда тролли одерживали верх, явилась Она.

— Кто?

— Да вот, — гном ткнул в монету, и я наконец увидела, что на ней выгравирован женский профиль. — Богиня удачи.

— Удачи? — неверяще переспросила я.

— Да. Она одним взглядом отбросила троллей, и с тех пор в тех местах граница с троллями нерушима.

— Нерушима? — снова повторила за ним я.

— Да. Пришлось потом скалу бурить, чтобы наладить торговлю с троллями. Спустя пару веков, когда они перестали быть такими засранцами, но всё же.

Вазиль скептически хмыкнул.

— Ваз, да ты бы сам на неё глянул, прежде чем смеяться! — взмолился гном. — Там нет ни воды, ни воздуха, ни магии, просто какая-то невидимая стена, через которую не пройдёшь. Только богиня и могла такое сделать!

— Хорошо — хорошо, — вытянул вперед руки филигранник, не вступая в спор, впрочем, и не утратив своего скепсиса.

— А прежде чем уйти, богиня нам наказала: "Удача любит храбрых!" — это он уже мне. А то я не помню! — Она больше не появлялась, но с тех пор мы знаем, что в случае серьёзной опасности Удача к нам придёт, она нас не забудет.

Я молчала. Это невозможно. Как такое могло произойти? Я ведь... я ведь... их всех убила! Как же так? Стена до сих пор стоит, так как я не успела подумать, чтобы она развеялась?

Но ведь я же стала тёмной? Разве это не противоречит гномьей легенде?

И тут в голове всплыл голос магистра: "Ты так из-за этого переживаешь? Так сильно, что выбрала тьму?". Тогда я не придавала его словам должного значения, но получается, что я стала тёмной потому, что сама так решила? Сама выбрала? Сама себя корила?

— Чего ты лыбишься? — недовольно пробурчал Дононд, подумав, что я перешла на сторону Вазилия в стремлении над нам насмеяться.

— Какая чудесная легенда, Дон! — не сдержала своего восторга я.

А как сдержать? Узнать, что ты не виновна в гибели нескольких сотен живых существ — что может быть лучше? Что вообще может сравниться с таким облегчением?

Я, словно Сизиф, катила и катила камень в гору и понимала, насколько это бессмысленно. Как можно было идти вперед, когда такое страшное преступление тянуло назад? От такого никогда не отмоешься, сколько бы добрых дел ты не совершил... Но теперь выясняется, что отмываться и не от чего!

Камень достиг своей цели, укоренился на вершине горы. Теперь можно жить дальше.

— Можно мне посмотреть монетку? Или до амулета нельзя дотрагиваться?

Дон улыбается, польщенный интересом к своей религии. Но полностью амулет не снимает, лишь протягивает монету мне, чуть наклонившись в мою сторону, чтобы длины цепочки хватило.

Я держу её между пальцев и снова не могу перестать улыбаться. Профиль не то чтобы мой, но красивый, волосы длинные, пропадают за краем монеты. Из-за золота волосы почти как мои, удачно они металл подобрали. Я её переворачиваю и вижу цифру "один" и надпись, которая сначала не читается, но после, когда в силу вступает моя магия, я в закорючках разбираю "удача любит храбрых".

Вазиль заглядывает мне за плечо, хмыкает:

— Красивая. Я бы такой тоже помолился!

— Ты всё об одном! — недовольно зыркает на него гном. — Но она и правда красивая. Волосы — золото, кожа — молоко, глаза — изумруды.

— Вон у нашей Митрэ волосы тоже золото, — подмечает филигранник. — Прикажешь ей

молиться? Хотя Хараш уже молится!

И снова начинает смеяться.

Гном недоуменно смотрит на меня, словно впервые увидел. Я же лишь улыбаюсь. Нет смысла отпираться. Люди склонны не замечать богов рядом, даже если боги и липовые. Это общее свойство всех разумных существ — зачастую не видеть самого важного у себя перед носом.

Тут сбоку зашикали, и до нас всех наконец дошло, что тренировочные игры начались!

Не было никаких приветственных слов, всё происходило буднично и просто, как по обкатанной схеме. Лишь высоко над куполообразным щитом виднелся огненный список, который прореживался, тем сам показывая, кто выбыл ещё на первом этапе.

Первый бой меня не впечатлил. Я по — прежнему видела лишь некоторые визуальные эффекты, сопровождавшие магию, но как уж получилась, что боевые маги не были склонны давать подсказки своим соперникам, поэтому заклинания, не имевшие основу в виде огня, воды или земли, мне попросту не были видны. Поэтому когда одного из участников первого боя вырубил, я даже не заметила, чем. К нему сразу подскочил его целитель, привел адепта в чувство и они ушли с поля, уступив место Берааку и незнакомому мне адепту.

Я помнила, что Антэн не боевой маг, а ведьмак, но в сражении один на один он показывал не меньший уровень владения магией, чем его противник. Я, конечно, не видела ряда заклинаний, но по позам, мимике и свисту вокруг понимала, когда он особенно успешно отражал атаку. В конечном счете ведьмак и победил, причем довольно быстро. Противник Бераака просто окаменел, а его целитель не смог его оживить, поэтому его пришлось левитировать до края поля. Как я поняла, кроме личных целителей во время боев их никто не имел права лечить.

За все два боя никто так и не достал оружие, хотя оно и входило в экипировку. Так же мне было непонятно, какие зелья использовал Антэн и какие из них емугодились, а комментарии Дононда тоже мало о чём говорили. Среди нас с Вазилем он единственный видел целую картинку происходящего.

— А почему они без оружия? — спросила я.

Честно говоря, помимо того, что я ничего не понимала, я и наблюдала да действием вполглаза, большую часть времени тупо пялясь в пространство и глупо улыбаясь. Эйфория отказывалась уходить, и куча проблем никак не могли меня от неё избавить.

— Это уж совсем на крайний случай, — пояснил Вазиль. — На первом этапе его редко используют, а вот на паре последних редко когда не доходит до его применения, так как противники остаются уже примерно равные по силе, магический резерв выдыхается, а проигрывать никто не хочет. Тогда уж мы с Доном и вступаем в гонку.

Ещё несколько боев. Это было бы даже интересно, не думай я совсем о другом. Но Хараша я должна поддержать, не могу уйти, не узнав, чем всё это закончится.

Вскоре подошла и его очередь.

Он встал напротив медноволосого, поза расслаблена, меч выглядывает из-за плеча. Ониен тревожно переминается с ноги на ногу на краю поля.

Архангал стоит прямо. Плечи расслаблены, красные волосы издали горят пламенем. Как он может быть водником? Вот совсем по нему скажешь, что его сила направлена против огня.

Еле заметное движение пальцев. Хараш даже не двигается, стоит на том же месте. Значит, щит выдержал. Он тоже нападает в ответ, я вижу, как движутся его губы, произнося заклинание. К воднику несётся огненный вихрь, управляемый одним лишь взглядом. Тот делает инстинктивный шаг назад, но вихрь обтекает его щит, рассыпавшись по его поверхности алыми искрами.

Я даже настораживаюсь. Мне кажется, что это очень серьёзное заклинание, потому что выглядит невероятно впечатляюще, но мои сокомандники совсем не обеспокоены.

Ещё несколько выпадов, и я вижу, что зря волновалась. Щит водника начинает прогибаться, это понятно по тому, как плечи его самого ссутуливаются, как он начинает пошатываться, как резко отбрасывает его тело волна чего-то невидимого.

И вот он уже лежит на вытоптанной до камня земле, а Хараш подходит ближе. Он не выглядит злорадным, скорее, просто сосредоточен. В бою он всегда опускает свою высокомерную маску, это я заметила ещё по их тренировке с Берааком.

Но медноволосый не готов принять поражение. Он тяжело поднимается на одном локте, хотя из уголка его губ течет кровь, и у меня замирает сердце. Я понимаю, что сейчас что-то будет. Это же осознают и Вазиль и Доном. Они синхронно наклоняются вперед, чтобы ближе рассмотреть происходящее, как будто от этого что-то изменится.

Саш же делает нечто настолько странное, что Хараш даже не успевает среагировать. Архангал резко вскидывает руку и что-то бросает куда-то вбок, словно метает кинжал. Мой глаз не успевает запечатлеть это движение, и я оборачиваюсь в поисках ответа к Дону, как магически одаренному.

Тот говорит лишь:

— Что за...

И тут магия становится явной, приобретает визуализацию.

Я вижу, как точка с боковой стороны купола растёт и растёт, занимая всё больше пространства щита, словно покрывая его темно — синей оболочкой.

— Дон, что это? — не выдерживает Вазиль, так же, как и я, ничего не понимающий.

— Он качает магию из щита. В артефакт. Там же до тьмищи магии! — потрясает руками Дон.

Я слышу, как сзади ахают, как кто-то ругается, кричит "против правил!".

Я ничего не понимаю. Разве магия не нужна ему самому? Зачем качать её в артефакт? Бой закончится, уверена, тогда его отберут у Архангала да и вовсе по головке не погладят.

Тем временем Хараш оборачивается и замирает, в ужасе глядя на стремительно разрастающееся пятно.

Спустя секунды оно приобретает какой-то переливчатый оттенок, смешивая светло — синий с практически черным. Это мне что-то напоминает, но что? Я ничего не понимаю.

Снова смотрю на Дона, и вижу, как кругловатое лицо гнома начинает вытягиваться, отражая всю степень шока.

— Дон, что происходит? — взволнованно переспрашивает Вазиль.

— Сейчас увидишь, — шепчет Дон.

И мы действительно видим.

Пятно начинает выгибаться внутрь, словно его что-то проталкивает с обратной стороны. Но с другой стороны щита такие же зрители, как и мы, и они в ужасе начинают разбегаться. И вот этот пузырь, словно огромный синий гнойник, прорывается.

Внутри купола хлынула вода, и я слышу сзади изумленное "портал!".

— Этот придурок открыл портал в океан! — возмущенно кричит Дон, вскакивая с кресла.

— Так пусть Хараш закроет! — не понимаю я.

— Как закроет, Алесан? — он смотрит на меня раздраженно. — Портал заключен в артефакт, артефакт выкачивает магию из щита... А щит даже высший магистр не пробьет!

Тем временем поток воды, изливающийся сверху, очень быстро заполняет внутреннее пространство купола. Вот вода доходит до щиколоток... до коленей... до пояса...

Хараш упрямо стоит, не позволяя сильным волнам сбить его с ног. Он вскидывает руки, что-то шепчет. Я вижу, что доселе лежавший на земле Архангал активировал второй артефакт. Теперь его окружает водонепроницаемый купол, и он лежит в нем, словно внутри большого надувного шара.

— Он же может его убить, — неверяще говорит Вазиль.

— Может, — хмуро подтверждает Дон. — Но даже если и нет, прежде чем щит лишится магии в той мере, чтобы магистры смогли вмешаться, Зер лишится огня. Его просто затопит водой!

Я вижу, как по краю границы щита начали бегать магистры. Вижу, как Тардаэш встал напротив всё расширяющегося портала и пытается его закрыть, раз за разом вскидывая руки, но у него ничего не выходит.

Людей начинает охватывать паника.

— Всех затопит, Дон! — кричит кто-то сверху.

Я оборачиваюсь и вижу парня в коричневой одежде. Ещё один артефактник.

— Что? — не понимает Дон.

— Дубина, всех затопит, говорю же тебе! — уже кричит незнакомый парень. — Купол рухнет, но магия в артефакте останется! Да с такой силой портал не закроется и через пару дней. Полгорода затопит!

Дон стоит, хлопая глазами. Ваз дергает меня за рукав:

— Побежали в главный, там есть тоже порталы, можно уйти. Мы же не маги! Ну же, пошли!

Он кричит, и Дон согласно кивает, дескать, идите.

— И ты, Дон, тоже! — продолжает Вазиль, повышая голос.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что творится в куполе. Он заполнен уже наполовину, я сердце замирает, когда я не вижу Хараша. Но потом присматриваюсь повнимательнее и отмечаю, что он наполовину скрылся под водой, периодически всплывая и погружаясь в воду. Он держится на плаву исключительно из-за своей физической силы.

Народ начинает вскакивать с мест. Вокруг ругань, громкие крики, топот ног. Пару раз меня толкают, и я едва не падаю на Дона.

Тот стоит, не решаясь сбежать. Я вижу, что он осознает всю полноту угрозы, но совесть и пресловутая храбрость не позволяют ему бросить Хараша.

Я смотрю на всё это отстраненно. Кажется, я поняла, что сегодня мне всё-таки придется уйти, в тот миг, когда Архангал метнул кинжал. Сердце так замерло, словно осознало, что вскоре я обрежу все ниточки для возвращения. В глубине души я всё же надеялась, что это не конец, что я по — тихому уйду... но потом вернусь. Не знаю, как, но вернусь в это же время. Но теперь не смогу вернуться.

Ну же, тёмная, что важнее: жизнь и огонь противного демона или желание вернуться к демону, тебя ненавидящему?

Я знаю ответ. Камень стоит на вершине. Я больше не хочу катить его вверх, я больше не хочу чувствовать, как совесть грызет мою душу. Жизнь всегда важнее моих личных переживаний. Всегда.

Накатывает ощущения дежа вю.

Снова я, гном рядом и экстренная ситуация. Но я же знаю, что смогу справиться. Теперь стена будет стоять прочно.

— Дон, — зову я гнома, абсолютно потерянного и растерянного.

Вазиль перестал нас дергать, он готов остаться вместе с нами здесь. Такие люди не должны умирать, такие люди должны проживать долгую и счастливую жизнь. "Долгую и счастливую" я им не обеспечу, а вот жизнь — вполне.

Он смотрит на меня, но молчит. А что ему сказать?

Я улыбаюсь, немного безумно, наверное.

— Ты мне сегодня говорил, что удача вас не забудет. Поможет, если будет опасно.

Он кивает. Не понимает.

— Ты повел себя, как настоящий гном. Остался до самого конца. Ты храбр, и удача тебе сегодня улыбнётся.

Я говорю это спокойно, лишь под конец снова улыбаюсь.

И, не дожидаясь ответа, поворачиваюсь к куполу. Голова Хараца ещё виднеется, это хорошо.

Вскидываю руки, прикидывая расстояние. Мне не надо закрывать глаза или шептать заклинания. Синие нити, привычно мало мне подчиняющиеся, хаотичные, но неизменно крепкие, разом возникают на месте портала, словно огораживая его, ставя заплатку. Я не могу закрыть портал, так как у меня нет магии, но могу заблокировать выход воды и изолировать артефакт, что я и делаю следующим. Тот застывает в ещё держащемся щите, оплетается нитями, и теперь его никто уже не сдвинет. Прямо меч Короля Артура, ни дать ни взять.

Лишившись магической подпитки и заблокировавшись в пространстве, портал замирает в пограничном состоянии. Он не может закрыться, но и вода через него больше не проходит. Лишь посреди неба виднеется странный тёмно — синий плоский круг, совершенно неестественный, но абсолютно безопасный.

Это занимает секунды, и когда я вновь поворачиваюсь, вижу, как сокомандники в шоке смотрят на это чудо природы. Дон медленно переводит взгляд на меня, но говорить не может, хрипло шепчет:

— Ты...

— Я, — не пытаюсь отрицать своих заслуг.

Но мне пора. План действий уже пронесся в голове, ещё когда я наблюдала, как купол заполняется водой. Осталось лишь дернуть за амulet.

Я улыбаюсь им на прощание. Сжимаю голубой кулон и представляю спальню магистра, надеясь, что мне хватит его мощности, чтобы пробить защиту. Но Рамон не обманул. Мощности хватает. Или у меня есть допуск в неё.

Вот и комната. В прошлый раз я её даже не осмотрела, некогда этим заняться и сейчас. Я лишь бросаю взгляд на кровать, заправленную черными простынями. В ответ моим мыслям по телу пробегает дрожь, отзывается болью множества ожогов.

Боль добирается до сердца и начинает там пульсировать, в горле прочно застывает горечь. Я сглатываю. Я не могу пойти на попятную, не сейчас. План уже вступил в стадию исполнения.

Верхняя шкатулка легко поддается. Я надеялась, что она будет без какой-либо защитной магии, и удача улыбнулась и мне.

Крышка открывается, и вот она — цель всего моего путешествия. Я быстро её вынимаю, открываю и достаю какие-то артефакты непонятного мне назначения. Да, я сегодня действительно показываю свою тёмную сторону, превращаюсь в наглую воришку, обокравшую магистра, но выхода нет. Шкатулка ему не нужна, он вообще не понимает её предназначения, а для меня это самый важный предмет на свете.

Быстро кладу в неё флакон со спасительным зельем и манок. Пусть он не лишается магии, но теряет связь с этим временем. Он не должен попасть в чужие руки, но и такой уникальный предмет я не могу превратить в пустышку, слишком уж он важен.

Едва я захопываю крышку, как волоски по всей коже становятся дыбом.

Дохнуло холодом. Я знаю, что будет дальше.

Но не могу отказать себе в удовольствии посмотреть на него в последний раз.

Дым рассеивается, и я вижу его хищное лицо. Он делает шаг вперед, и хотя промедление безумно опасно, я говорю:

— Стой.

Он застывает. Его глаза черны. Я не понимаю, что он чувствует.

— Это предмет очень важен, — я киваю на шкатулку. — Я не могу уйти без него. И мне не

нужно твоё разрешение.

Крылья носа судорожно раздуваются, словно он не контролирует своё дыхание. Графитовые волосы мокрым полотном болтаются за спиной, лицо покрыто капельками пота. Борьба с порталом не прошла для него бесследно.

— Ты... кто? — выдыхает он.

— Та, кто больше не вернётся.

На этом моменте хотелось бы уйти, но я обязана сказать кое-что ещё, чтобы облегчить ему жизнь.

— Я существую, Раян. Это я помогла тебе в пустыне. Я живая. Теперь ты можешь идти дальше, — говорю я твёрдо, хотя на последнем слове голос срывается.

Его глаза сужаются, превращаясь в щёлки. Он делает шаг вперед, руки его напрягаются. Я знаю, что следует за этим у магов. Но сейчас я не могу ему поддаться.

Я отрицательно качаю головой, немного улыбаясь.

Тебе не поймать меня, магистр.

Знакомое ощущение приходит так легко. Я проваливаюсь в дымку безвременья. Через миг — или вечность — я уже у себя в комнате.

Всё абсолютно так же, как я и оставила. Незаправленная постель, куски пластика из-под пилочки на туалетном столике, брошенная на кресло расчёска.

Запоздало вспоминаю, что желтое платье так и осталось у господина Брора. Ничего. Это сейчас вообще совершенно не важно.

От пережитых эмоций и быстроты действий подгибаются колени, и я падаю на кровать.

Руки трясутся, я до ужаса боюсь, что всё произошедшее было зря.

Но коробка в моих руках по — прежнему опутана голубыми нитями. Магия пространства мне видна, она пережила путешествие.

Быстро откидываю крышку, беру флакон и вынимаю затычку.

Мелкие золотистые вкрапления приветливо мне мигают. Зелье сохранило магию!

Осознание этого наполняет моё сердце такой радостью, что я откидываюсь на постель и истерично то ли смеюсь, то ли плачу, размазывая слезы по лицу.

У меня получилось! Черт возьми, у меня ПОЛУЧИЛОСЬ!

Это настолько невероятно, настолько волшебно, что даже после всего пережитого мне не верится. Безусловно, эта минута стоила всего мною пережитого, всех бессонных ночей, магических ран и постоянного страха.

Истерика утихает.

Я решаю снова пробраться на цыпочках в ванную. Ожоги болят, да и умыться не помешает.

В зеркале на меня смотрит кто-то с совершенно безумными глазами, красным носом и шее в синюшных отметинах. Это пройдет.

После душа, переодевшись в джинсы и водолазку, я разогреваю вчерашний борщ. Нормальную, знакомую я не ела уже больше месяца, так что в итоге смакую каждую ложку этого кулинарного изделия. Я чертовки счастлива, но это счастье на грани с сумасшествием. Я ещё не осознала, что всё закончилось. Пережитое пока не успело улечься в моей памяти, не успело стать малозначимым и лишь шажком для достижения цели. Разве можно быть счастливым и несчастным одновременно? Ощущать, что часть твоего сердца начинает оживать, а другая болит и кровоточит?

Можно, оказывается.

Первым просыпается папа. Он у нас жаворонок. Я обычно злюсь, когда он начинает ходить по дому ни свет ни заря, но не в этот раз. Я едва ли не дрожу от нетерпения.

Мы здороваемся, пьём чай. Он очень удивлен, что я поднялась так рано, да ещё и сию полностью одетая. Даже говорит мне:

— Наконец идешь по моим стопам. А то тебе всё спать да спать.

— Это только сегодня, пап. Ты радуешься раньше времени.

Спать совершенно не хочется, хотя предыдущие сутки я не сомкнула глаз. Ещё отосплюсь. Отосплюсь за все эти адские дни.

Затем я проверяю почту. Естественно, за час в родном мире ничего нового не пришло. В это время нормальные люди спят.

Смотрю новую серию известного сериала. Она немного отвлекает, иначе я бы сошла с ума от этой кучи эмоций, помноженной на томительное ожидание.

Просыпается мама. Я слышу, как она чистит зубы, тихо переговаривается с папой.

Выхожу из комнаты. Вижу её совсем не отдохнувшее лицо со впавшими глазами. Она хоть пару часов поспала сегодня?

Говорю:

— Доброе утро, мам. Мы должны прямо сейчас поехать к Оксане.

— Зачем, Саш? — не понимает мама. — Она ещё спит. Дай ей отдохнуть.

— Мам, это серьёзно. Пожалуйста, давайте поедem.

Кажется, мама понимает, что я не шучу. Не знаю, почему она мне верит, но потихоньку начинает собираться, недовольно бурча. Хоть не плачет, и на том спасибо.

На улице по — утреннему свежо. Солнечный свет уже разогнал ночную тьму. Сегодня будет тепло, судя по тому, как прохлада стремительно уходит прочь. Но мне пока что придётся походить в водолазке.

Папа заводит машину. Мы садимся в неё. Я устраиваюсь на заднем сиденье, держа в руках пакет. В пакете — шкатулка.

Сестра очень долго не открывает дверь. Наверное, стоило ей позвонить, когда мы собирались отправиться к ней, но каждый подумал про себя, что стоит дать ей чуть побольше поспать.

Папа категорически не понимает наших капризов, но терпеливо сносит порывы наших сердец. А именно к сестре привели они нас сегодня.

Наконец, дверь открывается. Муж Оксаны выглядит сонным и хмурым. Он явно не рад видеть нашу компанию в такой ранний час, но вежливо здоровается и пропускает вперед. Оказывается, сестра ещё спит, но я больше не могу выдержать это ожидание.

Захожу к ней в комнату. Окна зашторены, солнечный свет совсем не проникает внутрь. Первым делом я решаю это исправить. Раздвигаю шторы в стороны, позволяя утреннему свету заполнить комнату. Он радостно врывается в неё, прыгает зайчиками по углам, даёт надежду.

Сестра спит. Светлые волосы, такие же, как у меня и мамы, разметались по подушке. Лицо бледное. Рядом, на тумбочке, лежит марля с брызгами крови. Я не могу смотреть в ту сторону без слёз.

Оксана, должно быть, не спала полночи, поэтому её сон сейчас особенно крепок, но я не могу удержаться. Дергаю её за плечо, зову:

— Оксана! Оксана, просыпайся!

Она ворочается, дергает головой, не хочет вырываться из объятий Морфея. Но я поступаю в лучших традициях эгоистичной младшей сестры — снова дергаю её за плечо, стаскиваю наполовину одеяло.

Открывает глаза. Непонимающе смотрит по сторонам, с трудом фокусируется на мне. И сразу же её легкие взрываются кашлем, от которого болит сердце.

Не могу это больше слушать. Не могу.

— Оксан, — говорю я, так как она не может даже со мной поздороваться. — Оксан, ты же знаешь, что я тебя очень люблю?

Она кивает. Позади раздаётся звук открывшейся двери. Мама тоже зашла в комнату, смотрит со слезами на глазах, как её дочь давится кашлем.

— Пожалуйста, поверь мне.

Я открываю шкатулку, извлекаю оттуда флакон, открываю крышку.

— Я прошу тебя. Выпей это.

— Что?... — она не может закончить предложение, поэтому я просто сую ей в руку флакон и кладу свою сверху, чтобы он не выпал из её слабеющих пальцев.

— Выпей, — повторяю я как можно настойчивее.

Она смотрит на меня абсолютно непонимающе, но затем медленно подносит флакон к губам. Делает глоток, морщится, кашляет. Я не даю ей выпустить его из рук и снова настойчиво подношу к губам.

— Что ты делаешь? — чуть ли не кричит за спиной мама, но я отмахиваюсь.

— Мам, не мешай.

Мало — помалу, капля за каплей, кривясь и морщась, Оксана выпивает лекарство.

Как быстро оно действует? И подействует ли вообще?

Сестра откидывается на подушку, устало прикрывает глаза.

Пусть полежит. Поспит. Делает то, что требует сейчас её организм.

— Пойдем, — говорю я маме, подталкиваю её к выходу и закрываю дверь.

Едва мы заходим в зал, она начинает громко мне вычитывать, обвиняя в эгоизме, издевательствах над сестрой и ещё тысяче всяких неприятных вещей, которые приходят на ум разозленному человеку. Я не обижаюсь. Сейчас она защищает слабого. Так и должно быть.

Минуты тянутся бесконечно долго. Время стало словно растянутая резинка, которая всё никак не хочет сжаться вновь. Мама бросает на меня хмурые взгляды, папа смотрит новости, игнорируя нас.

Спустя примерно час хлопает дверь.

Сестра выходит из комнаты, бледная, измученная, в домашнем халате и говорит удивленно:

— Кажется... мне лучше.

Мама не понимает ещё, о чем она, уточняет:

— Кашель притих? Слабость отступила?

— Нет, мам, — говорит Оксана. — Мне лучше... вообще. Ничего не болит. Крови нет. И я могу... дышать.

Папа первый подхватывается, переспрашивает:

— Как так?

Но Оксана ему не отвечает, поворачивается ко мне:

— Что ты мне дала? Это только симптомы убирает, да?

— Нет. Должно всё пройти, — улыбаюсь я и добавляю: — Нужно сегодня съездить к врачам, Оксан. Пройти осмотр ещё раз.

Она кивает, совершенно растерянная. Идёт в комнату, на автомате начинает собираться.

Никто из родных ничего не понимает. Но всё чувствуют, что произошло нечто важное. Мама звонит знакомой подруге, которая может помочь со срочным приёмом.

Это кажется им какой-то фантастикой, не позволяющей поверить в случившееся до конца. Муж сестры варит кофе, молчит, хмурится, переспрашивает по сто раз, что случилось. Мама много суетится и совсем не хочет есть. Папа присоединился к зятю за кухонным столом, но тоже молчит.

Когда мы всей толпой приезжаем в больницу и сестра скрывается за дверью кабинета врача, настроение у всех становится каким-то странным, с налетом безысходности и совершенно необъяснимой надежды.

Наконец, она выходит, но молчит, лишь прежде потухшие глаза ярко горят на её лице. Она уходит в другое место, потом возвращается, а потом мы снова ждём результаты, хотя бы предварительные.

Врачи на этот раз отказались от принципа "не спеши, чай и болтовня способствуют рабочему процессу" и бегали из кабинета к кабинет, немало возбужденные произошедшим. Нам они

ничего не говорили, но было и так понятно, что произошло нечто нестандартное, из ряда вон выходящее.

Спустя какое-то время пожилая полная женщина, какая-то заведующая, выходит из кабинета и говорит сестре, не смотря на нас и десяток сторонних слушателей:

— Вы здоровы.

Через неделю и десяток пройденных врачей все удостоверяются окончательно: болезнь отступила, словно её никогда и не было.

Когда у меня спрашивают, что я дала сестре, я смеюсь и отвечаю, что это волшебное зелье. Родные смеются в ответ, но я знаю, что они верят, знаю, что они чувствуют, что это нечто сверхъестественное, не подчиняющееся законам нашего мира. Когда же у меня спрашивают по — серьёзному, я говорю, что это секрет и правду раскрывать нельзя. Им не нравится такой ответ, но они догадываются, что тут действительно есть что-то, выходящее за рамки того, о чем можно поболтать за чашечкой чая.

Мои отметины постепенно начали сходить на нет. Мази в нашем мире есть действительно хорошие, и надежда на то, что мне всё-таки повезет остаться без шрамов, не утихает.

Всё произошедшее кажется невероятным сном. Я как будто посмотрела фильм со своим участием, только вот в пользу реальности случившегося свидетельствуют заживающие раны на теле, лежащая у дальней стены шкафа форма адепта зельеварения Магической Академии и боль в груди.

Магистр отказался приходить в мои сны, хотя каждую ночь, лежа в кровати, я стабильно вспоминаю его руки, такие сильные и такие жёсткие, его губы, слишком сухие и слишком горячие, его плечи, такие широкие и такие жилистые, его прикосновения, такие желанные и такие грубые. Он даже здесь, в другом мире, проявляет характер, отказываясь навещать воровку и обманщицу.

Что ж, поделом мне.

С течением времени неприятные моменты стали стираться, оставляя на поверхности только те мгновения, в которых я была счастлива.

Я помнила наше первое и единственное свидание. Как появился его брат и, по всей видимости, узнал меня. Как Раян держал меня за руку, как обнимал при переходе, как нёс мой пакет с пирожными.

Как он напялил на меня этот браслет только для того, чтобы я была в безопасности. Как в своей паранойе поставил на меня маяк.

Это было заботой или навязчивым желанием меня контролировать? Мне кажется, что во всём этом было место и теплу, не только ненависти. Но насколько я права? Не уверена, что вообще умею разбираться в людях, а уж тем более в демонах, да к тому же лишившихся огня.

Мысли о прошлом мучили меня ежедневно. Это одна из самых страшных вещей, случающихся с человеком, — застревание в мыслях о несбывшемся, о мгновениях счастья, о мотивах людей, об оброненных вскользь словах. Это превращается в заезженную пластинку, начинает обрастать подробностями, которые вовсе не имели места и случились лишь в собственном воображении.

А тем временем дни летят за днями, и с каждым днём мне всё сильнее начинает казаться, что я теряю время, что я занимаюсь чем-то неинтересным и неважным, что моя жизнь, которую я так холила и лелеяла, слишком пресная и будничная.

Ранние подъемы на работу заставляли ненавидеть утро каждого прожитого дня. Рабочий процесс заставлял задумываться о бесполезной трате минут своей жизни. Вечернее возвращение домой вовсе не доставляло радости. Ночь проходила практически без сна, в бесконечных метаниях, в нескончаемых мыслях, и закачивалась тем, что я шла пить крепкое снотворное, так как без него уснуть было совершенно невозможно.

Ради чего жить? Я достигла цели, которую так упорно преследовала. Только в процессе все жизненные принципы и приоритеты сотни раз поменялись местами, чтобы потом и вовсе исчезнуть без следа. Я оказалась тёмной поневоле, жила с ощущением отвратительного поступка на своей совести, жалела о нём каждый день — а потом вдруг оказалась ни в чем не виноватой да и вообще героиней, удостоенной печатанья своего профиля на монетах целой

расы, которые к тому же использовались в качестве амулетов удачи. Это намного больше, чем может пережить обычный среднестатистический человек.

Как мне жить дальше? Что делать со всей этой кашей в голове?

Гулять с друзьями больше не интересно. Никакие мужчины не привлекают, а тот, кто когда-то разбил моё сердце, вообще кажется каким-то недоразумением.

Когда же я очередной раз опоздала на работу, предпочтя ей сладкую негу сна и грёз о незнакомых мирах, я поняла, что больше так не могу.

Надо признать: мой мир больше не кажется мне эталонным, самым лучшим. Может, он и хорош, но когда сердце осталось совсем в другом месте, ежедневная рутина заставляет взвыть от тоски и боли, убеждая меня каждым днем, что всё познается в сравнении.

Я сравнила. Выводы сделала.

И всё же решилась на отчаянный шаг.

Эпилог

Рассветные лучи солнца окрасили Афарас в красные тона, отражаясь огнем в окнах привычно разномастных домов. Утренний город был так же прекрасен, как и всегда.

На улицах уже начал появляться народ, и я снова с улыбкой начала гадать: "Этот гном, этот на треть эльф, этот тролль что ли?". Кажется, эта игра мне никогда не надоест.

Мне пришлось долго думать о том, куда же переместиться, и вспоминать чуть ли не дословно, что же говорил господин Брор о перемещениях. Для себя я определила, что мне необходимо как можно четче представить место, где я хочу оказаться, и время. В качестве места я выбрала укромный переулок возле рынка, в качестве времени — спустя месяц после моего ухода. Возвращаться в свою комнату я посчитала неразумным, так как там вполне уже мог жить кто-то другой. К Гидеону тоже не хотелось, но по причине совершенно глупой — мне хотелось начать всё сначала, без повторений.

Я не стала надевать форму адепта. Оставила лишь блузку, а юбку попросила пошить знакомую девушку, работающую швеёй. Поэтому мой наряд вполне вписывался в городскую среду, не вызывая подозрений. А чтобы вызывать их ещё меньше, я полностью спрятала волосы под темно — синим платком, на тон темнее юбки.

В руке я несла также сшитую матерчатую сумку со шкатулкой, манком и лишенным магии браслетом. Её я должна вернуть тому, у кого я её позаимствовала, хватит с меня тьмы. Теперь единственное, на что я могу надеяться — это что он ещё жив. При мысли о том, что возможен и другой вариант, в сердце кольнуло. Разве мне нужен этот мир без магистра?

Но несмотря на тревожные опасения, идти было легко и спокойно. Я впервые не боялась магии и раскрытия. Для себя я решила, что в случае нападения непременно отвечу. Больше нет особого смысла быть привязанной к определенной точке пространства — времени.

Первый звоночек тревожности прозвенел, когда я проходила мимо места, где должна была быть "Чайная". Само здание стояло на месте, цветы тоже росли в горшках, а название изменилось на простую "Ресторацию". Вывеска была красивой, тёмно — коричневой с позолотой и изображала пару на свидании.

Затем, по той же дороге, где мы шли тогда с магистром, я дошла до Академии. Идти пришлось вдоль правой стороны, где крайним к забору был факультет боевой магии. Я знала, что я ищу, и увидела это. Над тренировочным полем по — прежнему висел замерший во времени портал, сверкающий синевой даже издали.

А вот ворота были закрыты.

Я постояла под ними, не зная, что делать.

Вскоре из города появился пошатывающийся адепт, наверняка из "Ресторации", одетый в коричневый пиджак и брюки, и принялся махать руками перед воротами. Прежде, чем он успел закончить заклинание, я подскочила к нему:

— Светлого утра, уважаемый адепт артефактологии!

Он недоуменно оглянулся. Пожалуй, с "уважаемым" я слегка погорячилась, надо было обратиться к нему менее формально.

— Светлого, — пробормотал он.

Наверное, стоило бы задать безумный вопрос "какой сейчас год?", но дело было в том, что я и предыдущего года не знала. Столько прочитала исторических книг, а о настоящем этого мира так ничего и не выяснила толком.

Поэтому я спросила самое важное:

— А магистр Тардаэш ещё здесь работает?

— Кто?

— Магистр боевой некромантии Тардаэш, — терпеливо пояснила я.

— Нет такого, — пожал плечами адепт.

И едва моё сердце ухнуло в пропасть, добавил:

— Возможно, вам нужен глава Магического Совета Тардаэш? Род вроде тот же.

— Да, да! — не сдержала своего восторга я.

— Его здесь нет. Вы ошиблись городом, девушка. Поищите в столице.

С этими словами он взмахнул руками, на этот раз удачно, и вошел в ворота.

Я же застыла у входа, пытаюсь решить, что делать дальше.

Раян жив, это главное.

Теперь моя очередь его искать.